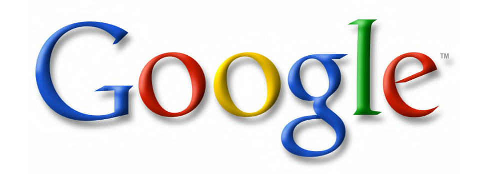

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

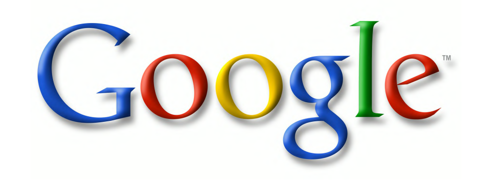
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

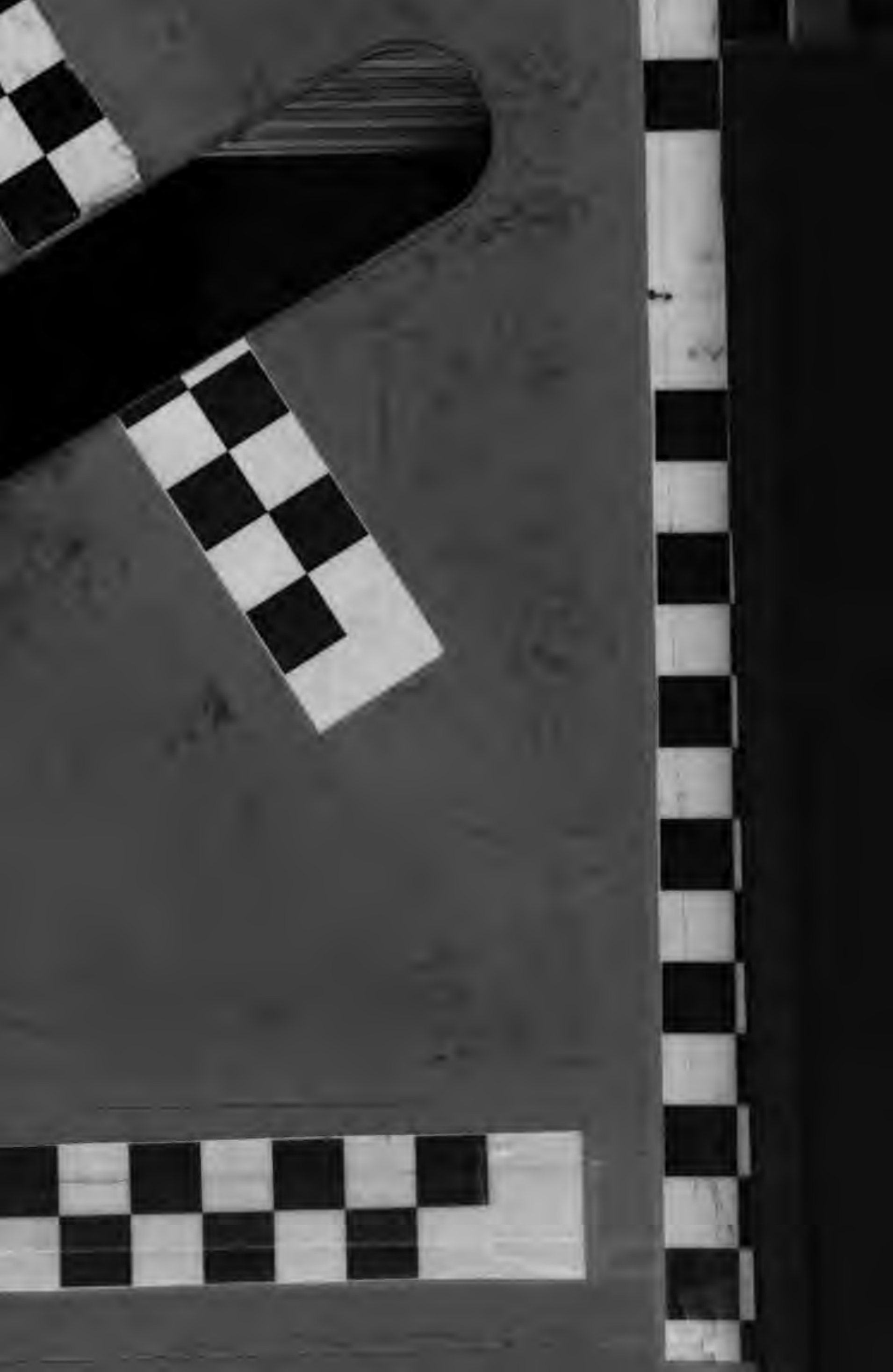
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

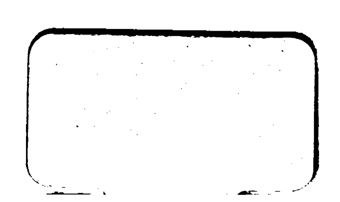
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

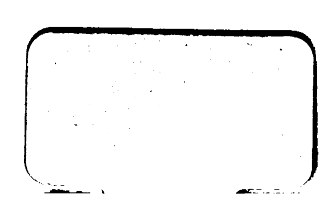
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

НАВОЖДЕНІЕ.

РОМАНЪ

Всеволода Соловьева.

НАВОЖДЕНІЕ.

РОМАНЪ

Всеволода Соловьева.

Solovlev, V. S.

НАВОЖДЕНІЕ.

РОМАНЪ

Всеволода Соловьева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1882.
Изданіе А. Ф. Маркса.

PG 3470
S72 N3
1892

Типографія А. Ф. Маркса. Англійскій пр., № 10.

I.

И вотъ я опять здѣсь, въ Лозаннѣ, въ томъ же самомъ домикѣ... Все на своемъ мѣстѣ, какъ было тогда,—каждый стулъ, каждая вещица... И еслибы кто зналъ только какъ это мучительно, что все неизмѣнно и на своемъ мѣстѣ!..

Я пріѣхалъ сюда прямо изъ Парижа — зачѣмъ? самъ не знаю, только мнѣ показалось и продолжаетъ казаться что нужно было ѣхать именно сюда и здѣсь дожидаться... пока все не кончится... И въ первую же минуту, какъ я вчера вошелъ въ эти комнаты, я понялъ что скоро конецъ... Да, скоро— я чувствую, я знаю навѣрное что скоро!

Но прежде чѣмъ кончится я еще разъ долженъ все вспомнить, все повторить—весь этотъ ужасъ, эти сны на яву... все что было... Вѣдь пройдутъ еще

дни, недѣли, а время стало такъ отвратительно тянуться!... Мнѣ лишь бы только забыться. Стану писать, можетъ-быть уйду назадъ; мнѣ непремѣнно нужно отойти отъ себя, отъ этого ожиданія, чтобы та минута подкралась незамѣтно и сразу овладѣла мною.

Вотъ проснулосъ опять все, живое, въ мельчайшихъ подробностяхъ...

Этому около десяти лѣтъ. Мы тогда жили еще въ Москвѣ, всѣ вмѣстѣ, въ своемъ домѣ близь Каретнаго Ряда. Домъ нашъ былъ старый, большой, одноэтажный, съ мезониномъ. Дворъ, на которомъ лѣтомъ выростала густая трава. Изъ столовой дверь на балконъ, а тамъ садъ съ цвѣтникомъ, тепличками, бесѣдками. Комнатъ въ домѣ Богъ знаетъ сколько, и у каждой свое, иногда совсѣмъ неизвѣстно почему данное ей названіе — „угольная", „диванная", „средняя", „вторая"... Была и „бабушкина" комната, и „тети Сашина", хотя и бабушка и тетя Саша прожили въ нихъ недѣли съ двѣ какъ-то проѣздомъ, лѣтъ двадцать тому назадъ.

Домъ нашъ далеко не отличался чистотою. Закоптѣлые потолки, потрескавшійся паркетъ, тусклыя и мѣстами облупившіяся рамы темныхъ картинъ, полинялыя портьеры. Мебель была старинная, тяжелая, обитая совсѣмъ даже и неизвѣстною теперь матеріей. Ничего не прикупалось, не передѣлывалось, не обновлялось, и все стояло такъ, какъ было устроено къ бабушкиной свадьбѣ. Да что я—къ бабушки-

ной! было много и прабабушкиной мебели, напримѣръ цѣлая большая комната изъ желтой карельской березы. Удивительная комната, моя любимая! Кресла съ мѣста не сдвинуть, а про столы ужь и говорить нечего. Подзеркальный столъ представлялъ собою цѣлый зàмокъ, только съ плоскою крышей. Тутъ были и башенки, и ворота, и лѣстницы, и даже часовни. Въ маленькихъ нишахъ стояли бронзовыя статуетки, а у главнаго входа, то-есть по срединѣ стола, лежали два бронзовыхъ сфинкса, въ поларшина величиною. Такими же сфинксами оканчивались ручки креселъ и дивановъ, а ножки были сдѣланы въ видѣ косматыхъ звѣриныхъ лапъ съ когтями. По всѣмъ комнатамъ была наставлена бронза стиля Louis XVI и Empire, вазы, фигурки, старинный фарфоръ. Но, Боже, въ какомъ все это было видѣ! Пыль сметалась собственно говоря только два раза въ годъ, къ Рождеству и къ Пасхѣ, а прислуга и мы, дѣти, испортили и перебили все что только можно было перебить и испортить. Къ тому же и до насъ уже многое было перебито...

Прислуги въ послѣдніе годы конечно значительно убавилось, но все же въ передней безсмѣнно торчало два не совсѣмъ опрятныхъ лакея и совсѣмъ уже грязный мальчишка; въ буфетѣ вѣчно возился старый и пьяный Семенъ и колотилъ посуду, а по безчисленнымъ корридорамъ съ утра до вечера сновали горничныя и няньки.

Дѣтей и подростковъ жило въ домѣ никогда не меньше дюжины, а взрослыхъ, не считая отца и матери, набиралось человѣкъ до пятнадцати. Только въ послѣднее время когда ужь наши переселились

въ деревню, все старое разбрелось въ разныя стороны, да и самый домъ нашъ проданъ, я сообразилъ и понялъ какое это было безобразіе, но тогда мнѣ казалось что всѣ такъ живутъ и что иначе и жить невозможно. У отца всегда было пропасть дѣлъ и хлопотъ, онъ уѣзжалъ иной разъ изъ Москвы на нѣсколько мѣсяцевъ и вообще считался у насъ гостемъ. Мама всю жизнь свою была и есть воплощеніе доброты, безпорядочности и широкаго неизмѣннаго радушія. И чего-чего не вынесла она изъза этого радушія. Дяденьки, тетеньки и кузины — да вѣдь какіе еще! — пятиюродные, шестиюродные, откуда-то пріѣзжали прямо къ намъ, выбирали себѣ комнату, поселялись и спокойно жили у насъ цѣлые годы. Другіе привозили въ Москву своихъ дѣтей, помѣщали въ учебныя заведенія и поручали мама заботиться объ нихъ и брать къ себѣ на праздникъ. По воскресеньямъ, на Рождество и на Святую у насъ всегда набиралось столько разныхъ кузеновъ и кузинъ что несмотря на безчисленность нашихъ комнатъ приходилось стлать постели даже въ гостиныхъ. Можно себѣ представить какая поднималась возня и какіе иной разъ выходили исторіи! Между нами разыгрывались водевили, комедіи и драмы, мы дружились, ссорились, враждовали, а по мѣрѣ того какъ нѣкоторые изъ насъ выростали, являлась и нѣжность, и поцѣлуи въ уголкахъ, и планы будущихъ супружествъ. Конечно, все выходило на свѣжую воду, раздувалось, дополнялось всевозможными сплетнями нянекъ и тетенекъ. Начинались слѣдствія и сообразные съ обстоятельствами дѣла приговоры. Бѣдная мама иной разъ доходила

до полнаго изнеможенія, надсаживала себѣ грудь въ роли верховнаго судьи и съ отчаянными фразами запиралась въ свою комнату.

Въ такой-то Ноевъ ковчегъ суждено было попасть и Зинѣ. Ея мать была большимъ другомъ мама и предъ смертью написала ей письмо, въ которомъ поручала „ея золотому сердцу“ свою бѣдную дѣвочку. Отца Зина и не помнила -- онъ умеръ чуть ли не въ самый годъ ея рожденія, а опекуны были очень рады пристроить ее въ нашемъ семействѣ.

Это было раннею осенью, мы только-что вернулись съ дачи. Я, помню, сидѣлъ въ своей комнатѣ весь запачканный красками предъ начатымъ мною пейзажемъ, когда ко мнѣ влетѣла сестра Катя.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе! едва выговорила она переводя духъ.—Знаешь, Зину привезли, она тамъ съ мама въ гостиной...

— Ты ее видѣла?

— Да, видѣла, она хорошенькая... вся въ черномъ... только не плачетъ... пойдемъ же скорѣе.

— Я-то зачѣмъ пойду? Слава Богу еще успѣю разглядѣть... видишь—рисую... и пожалуста не мѣшайте мнѣ до обѣда...

— Что это ты? кажется, интересничать вздумалъ... ну такъ сиди. . ты думаешь ты такой важный баринъ, что къ тебѣ въ комнату ее приведутъ представляться... какъ же! жди!

И Катя убѣжала.

Я нисколько не „интересничалъ", по крайней мѣрѣ вовсе не думалъ интересничать. Я зналъ что этой Зинѣ всего лѣтъ тринадцать, самое большее четырнадцать, и ея появленіе у насъ въ домѣ нисколько меня не занимало. Я тогда только-что начиналъ считать себя взрослымъ молодымъ человѣкомъ, я уже заѣзжалъ къ Огюсту брить воображаемые усы и заказалъ себѣ первый фракъ у Циммермана. Я былъ влюбленъ въ молоденькую танцовщицу, съ которой меня даже обѣщали познакомить— и какое же мнѣ дѣло было до какой-нибудь маленькой дѣвочки!...

Я преспокойно остался предъ мольбертомъ и продолжалъ работать. Но чрезъ нѣсколько минутъ недалеко въ корридорѣ послышались голоса, двери распахнулись, и ко мнѣ вошла Катя ведя подъ руку нашу новую гостью, а за ними вся ватага дѣтей.

— Вотъ это нашъ старшій братъ André, который теперь что-то очень заважничалъ и считаетъ себя большимъ человѣкомъ... только мы не очень-то его боимся! объявила Катя, смѣясь и дѣлая мнѣ гримасы.

За нею и дѣти разразились хохотомъ и принялись прыгать кругомъ меня и бить въ ладоши.

Въ первую секунду я хотѣлъ было раскричаться и пугнуть ихъ хорошенько; но сразу при этой Зинѣ все же было неловко, да и сама она меня неожиданно поразила. Я почему-то ожидалъ увидѣть какую-нибудь маленькую дикарку, а между тѣмъ предо мной стояла и глядѣла на меня большими темными глазами изящная высокая дѣвочка съ удивительно-

нѣжнымъ и блѣднымъ лицомъ, еще болѣе нѣжнымъ и блѣднымъ отъ чернаго траурнаго платья.

Я даже сконфузился и смущенно поднялся со стула. Она мнѣ присѣла, внимательно меня разглядывая.

— Pardon, ne vous salissez pas! чувствуя что краснѣю, сказалъ я и протянулъ ей руку.

— Ну вотъ, ну вотъ! ну какже не важничаетъ!... даже извиняется... Сейчасъ онъ тебя назоветъ „Mademoiselle“ и начнетъ говорить комплименты... а ты знаешь что?...

Катя нагнулась къ Зинѣ и прошептала ей на ухо, но такъ что я все разслышалъ:

— Ты прямо возьми его за вихоръ да и поцѣлуй!...

Зина покраснѣла и улыбнулась, но совѣту Кати не послѣдовала.

Я рѣшительно не зналъ какъ мнѣ держать себя, не зналъ о чемъ говорить, и вдругъ бросился вынимать и показывать Зинѣ мои эскизы и рисунки. Она внимательно ихъ разсматривала и все повторяла:

— Ахъ, какъ вы хорошо рисуете!... какъ это мило!...

Показалъ я ей и сдѣланный мною портретъ Кати.

— Очень, очень похоже!... а вотъ у меня совсѣмъ нѣтъ моего портрета—мама никогда не хотѣла снять, какъ я ни просила... Правда, у нея былъ одинъ, когда я была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, тоже красками, съ какою-то собачкой, которой на самомъ дѣлѣ никогда и не было... только такой противный портретъ, совсѣмъ не похоже... я его терпѣть не могла и сейчасъ послѣ маминой

смерти разрѣзала на кусочки... Вы снимите съ меня портретъ? да? скажите!...

— Хорошо, сниму, отвѣтилъ я всматриваясь въ ея нѣжное, красивое лицо. Теперь оно оживилось, хоть на щекахъ все же не было никакого признака румянца. Только глаза свѣтились и съ умильною, ласковой улыбкой она твердила:

— Пожалуйста же снимите!.. непремѣнно... я сколько хотите буду сидѣть и не шевелиться... только чтобы было похоже...

Послѣ обѣда мама обняла Зину и увела ее въ свою спальню. Я тоже пошелъ за ними. Спальня мама была небольшая комната съ такою же старою мебелью какъ и во всемъ домѣ. Въ углу стоялъ высокій кіотъ, гдѣ неугасимая лампадка освѣщала массивныя ризы старинныхъ иконъ, переходившихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. По стѣнамъ были развѣшаны семейные портреты.

Мама усадила Зину на свой маленькій диванчикъ, когда-то прежде стоявшій въ гостиной и замѣчательный тѣмъ, что на немъ папа сдѣлалъ предложеніе. Объ этомъ я узналъ еще въ дѣтствѣ и съ тѣхъ поръ меня очень часто преслѣдовалъ вопросъ: какъ это папа дѣлалъ предложеніе и отчего именно на этомъ диванчикѣ? Мнѣ почему-то тогда казалось что онъ непремѣнно встрѣтилъ мама посрединѣ залы, взялъ ее за руку, провелъ во вторую гостиную, посадилъ на этотъ диванчикъ и сдѣлалъ ей предложеніе. Но какимъ образомъ, въ какихъ выра-

женіяхъ онъ его дѣлалъ — этого я никогда не могъ себѣ представить...

Ну, такъ вотъ на этотъ-то самый, изученный мною до мельчайшихъ подробностей, диванчикъ мама и усадила Зину рядомъ съ собою, обняла ее и стала разспрашивать объ ея покойной матери. Я сѣлъ въ углу на большое кресло и закурилъ папиросу (тогда мнѣ только-что было офиціально разрѣшено куренье послѣ долгихъ упрековъ и колебаній).

Зина разсказывала очень охотно. Она подробно говорила о послѣднихъ дняхъ своей матери, о томъ какъ она ужасно страдала, о томъ какъ бредила, чего желала и о чемъ просила предъ смертью.

Мама едва успѣвала вытирать слёзы и наконецъ, не выдержавъ, закрыла лицо платкомъ и тихо, горько зарыдала. Зина опустила глаза; но ея лицо оставалось совершенно спокойнымъ. Вообще во все продолженіе ея разсказа я съ удивленіемъ замѣтилъ что она передавала самыя тяжелыя подробности какъ будто простыя и нисколько не касавшіяся до нея вещи.

— Я любила твою мать какъ сестру родную и тебя буду любить какъ дочь, проговорила мама прерывающимся голосомъ. — А ты, Зина, скажи... ты молишься объ ней?..

Зина молчала.

— Ты никогда не должна забывать ее... вѣдь ты любила ее? да? любила?

— Нѣтъ, я ее никогда особенно не любила, тихо и спокойно отвѣтила Зина.

Мама была поражена. Она изумленно и испуганно взглянула на нее своими прекрасными, глубокими и теперь покраснѣвшими отъ слезъ глазами.

— Боже мой! да что же?... она была такая добрая... ты была единственное дитя ея...

— Не знаю... просто не любила.

Бѣдная мама не нашлась что̀ и возразить на это. Она только опять заплакала и сквозь слезы прошептала:

— Не думала я, Зина, что ты такъ огорчишь меня...

— Я совсѣмъ не хотѣла огорчать васъ... мнѣ показалось что хуже будетъ если я солгу и скажу не то что въ самомъ дѣлѣ было...

И тутъ она сама зарыдала.

Мама привлекла ее къ себѣ, а я вышелъ изъ комнаты.

II.

Мѣсяца чрезъ два Зина уже окончательно освоилась у насъ въ домѣ. Она вошла въ нашу жизнь и наши интересы, узнала всѣ наши воспоминанія, исторіи, отношенія къ старшимъ и другъ къ другу. Она раздѣляла съ нами нашу ненависть и вражду къ старой дѣвѣ — шестиюродной тетушкѣ Софьѣ Ивановнѣ и старшей нянькѣ, прозванной нами „Бобелиной"...

Рѣшено было что Зину въ институтъ не отдадутъ, какъ это сначала предполагалось, а будетъ она жить у насъ и учиться съ сестрами и двумя кузинами. Всѣ наши, разумѣется кромѣ Софьи Ивановны и Бобелины, ее сразу полюбили. Она оказалась далеко не шалуньей, не затѣвала крику и визгу, ни съ кѣмъ не ссорилась и была довольно послушна. Сдружилась съ Катей, очень мило пѣла всевозможные романсы и малороссійскія пѣсни. Одно что ей

окончательно не удавалось — это ученье. Бывало битыхъ два часа ходитъ по залѣ и учитъ географію.... только и слышно: „Испаганъ, Тегеранъ.... Тегеранъ, Испаганъ"... и все-таки никогда не знала урока. Никакой памяти и удивительная разсѣянность. Она ни за что не могла углубиться въ книгу и понять смыслъ того что учила. Вотъ раздался звонокъ въ передней—она заглядываетъ кто позвонилъ, вотъ подошла къ окошку и смотритъ на улицу, вотъ идетъ изъ угла въ уголъ и глядитъ себѣ подъ ноги—считаетъ квадратики паркета, прислушивается къ бою часовъ, къ жужжанію мухи за стекломъ, дуетъ предъ собой пушинку... а губы совсѣмъ безсознательно шепчутъ: „Испаганъ, Тегеранъ.. Тегеранъ, Испаганъ"...

Ко мнѣ она привязалась съ первыхъ же дней и кажется чрезъ недѣлю по ея пріѣздѣ мы были уже на „ты" и искали глазами другъ друга. Я вдругъ разлюбилъ мою танцовщицу, отказался даже отъ знакомства съ нею и все больше сидѣлъ дома. Тогда я готовился къ университетскому экзамену, бралъ уроки у приходящихъ учителей, а въ свободное время занимался живописью. Окончивъ свой пейзажъ, я принялся за Зининъ портретъ. Мама противъ этого ничего не имѣла и Зина каждый день въ назначенный мною часъ являлась ко мнѣ въ комнату. Она садилась предо мною въ кресло, принимала граціозную позу и начинала не отрываясь глядѣть на меня своими черными не мигавшими глазами.

Мнѣ иногда даже какъ-то жутко становилось отъ этого взгляда. У нея были странные глаза — они всегда молчали. Ея ротъ говорилъ, улыбался, выра-

жалъ ласку, боль, нетерпѣніе, радость и страхъ, а глаза оставались неподвижными, безучастными. Они умѣли только пристально, загадочно смотрѣть съ какимъ-то смущающимъ вопросомъ. Если изрѣдка и вспыхивало въ нихъ какое-нибудь чувство, то всегда только мгновенно; едва успѣешь уловить его какъ глаза уже молчатъ попрежнему.

Зина произвела на меня сразу, съ первой же минуты, неотразимое впечатлѣніе. Я началъ смотрѣть на нее не какъ на четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, а какъ на существо совсѣмъ особенное. И странное дѣло, я наблюдалъ за нею и подмѣчалъ въ ней многое дурное, чего никто не видѣлъ, и въ томъ числѣ какую-то непонятную, отвратительную жестокость. Ея любимымъ занятіемъ было всячески мучить жившихъ у насъ собакъ и кошекъ, и я никакъ не могъ ее отучить отъ этого. Конечно, я возмущался всѣмъ этимъ, но не на долго. Стоило ей ласково взглянуть на меня, и все забывалось. Гдѣ бы я ни былъ и что бы ни дѣлалъ, меня тянуло къ пей неудержимо.

Я старался скрывать это ото всѣхъ, и отъ нея самой, и своимъ отношеніямъ съ нею придавалъ оттѣнокъ покровительственнаго вниманія и шаловливой снисходительности. „Андрюшинъ капризъ", вотъ какое названіе для Зины придумала Катя и оно, какъ и всѣ наши прозвища, принялось очень скоро.

А между тѣмъ этотъ „капризъ" не проходилъ, а съ каждымъ днемъ забиралъ надо мною все больше и больше власти. Я самъ замѣтилъ какъ совершилась полная перемѣна въ моей жизни. Знакомые,

товарищи, танцы, театръ для меня ужь больше не существовали. Мои учителя удивлялись отчего я такъ разсѣянъ; еслибъ они знали, что я едва заглядываю въ книги предъ ихъ приходомъ, то стали бы удивляться только моей дѣйствительно въ то время огромной памяти.

Одно чѣмъ я занимался съ наслажденіемъ, былъ Зининъ портретъ. Я проводилъ надъ нимъ цѣлые часы, и всѣ увѣряли что онъ становится очень похожимъ. Но самому мнѣ онъ казался ужаснымъ; я хотѣлъ чтобъ это вышло живое лицо и долженъ былъ справляться съ такими трудностями какія мнѣ тогда были не подъ силу. Наконецъ я какъ-то вдругъ отыскалъ настоящее сочетаніе красокъ — нѣсколько штриховъ, тѣней, и вдругъ лицо оживилось, съ полотна глянула на меня Зина съ ея странною бѣлизной, съ молчащими, неподвижными глазами.

Я весь дрожалъ, я задыхался отъ восторга, я чувствовалъ въ себѣ наитіе новой силы и боялся что вотъ-вотъ она сейчасъ исчезнетъ, а я не успѣю ничего сдѣлать. Но мнѣ нуженъ былъ оригиналъ для продолженія работы. Я выбѣжалъ изъ комнаты и сталъ звать Зину.

Ея нигдѣ не было и никто даже не могъ сказать мнѣ куда это она пропала. Я подумалъ что она нарочно отъ меня прячется, поручилъ дѣтямъ искать ее и самъ обѣгалъ всѣ углы и закоулки.

— Зина! Зина! раздалось по всему дому.

— Ну чего кричите, не услышитъ, въ кухню она пробѣжала... видно чистыхъ комнатъ мало показалось...

Это говорила, высунувшись изъ дѣвичьей, наша грубая Бобелина.

Я бросился чрезъ длинный темный корридоръ въ кухню.

Кухня у насъ была величины необъятной и перегородками раздѣлялась на нѣсколько комнатъ. Тутъ жили поваръ съ поваренкомъ, кухарка и прачки, кромѣ того вѣчно проживалъ какой-то пришлый людъ, какіе-то кумовья и сваты нашей прислуги, находящіеся безъ мѣстъ и пристанища. Я убѣжденъ что между ними не разъ попадались и безпаспортные. Никто изъ господъ никогда въ кухню не заглядывалъ и тамъ могло происходить всякое безобразіе, особенно при системѣ взаимнаго укрывательства. Я помню что одинъ разъ въ теченіе полугода нашъ поваръ непробудно съ утра пьянствовалъ, а за него готовилъ какой-то его братъ, получавшій за это даровое помѣщеніе, харчи, по вечерамъ и водку.

Обо всемъ этомъ мама донесли только тогда, когда ужъ оба брата впали въ запой, было перепорчено нѣсколько обѣдовъ и мама рѣшилась взять новаго повара.

Въ кухнѣ носился чадъ и невыносимый запахъ махорки. Сквозь этотъ чадъ я едва разглядѣлъ Зину. Она стояла у окошка и что-то внимательно разсматривала. Поваръ возившійся у плиты замѣтилъ меня и снялъ свой колпакъ, вѣроятно въ знакъ особенной почтительности.

— Ну полноте, барышня, что вы тутъ,.. оставьте...

забасилъ онъ обращаясь къ Зинѣ, — только ручки запачкаете... вотъ и Андрей Николаевичъ идутъ за вами!...

— Зина, что ты тутъ дѣлаешь? удивленно спросилъ я, подходя къ ней.

— Погоди, я сейчасъ, сейчасъ... я только хочу посмотрѣть что съ нимъ теперь будетъ!..

Она на мгновеніе обернула въ мою сторону оживленное лицо, блеснула глазами, а затѣмъ опять нагнулась къ окошку.

На окнѣ лежалъ черный, живой ракъ и медленно поводилъ клещами. Я не зналъ что и подумать, не понималъ что она особеннаго видитъ въ этомъ ракѣ. Поваръ поспѣшилъ объяснить мнѣ.

— Да вотъ-съ, играютъ. . танцовать его заставляютъ, а не слушается, такъ онѣ у него лапку-съ за это выдернули... право-съ.. . вотъ и лапка.

— Зина! au nom du Ciel!.. Comment n'as tu pas honte... et quelle cruauté! смущенно проговорилъ я, стараясь за руку отвести ее отъ окошка.

Но она упиралась, она не могла оторваться отъ рака.

— Нѣтъ, каково, каково! онъ хотѣлъ ущипнуть меня за палецъ!.. ну, такъ постой, постой, будешь же ты у меня танцовать... тра-та-та, тра-та-та!..

Она схватила рака за клещи, подняла, стала вертѣть его во всѣ стороны и шлепать имъ по окну. Ракъ судорожно поджималъ хвостъ и вздрагивалъ лапами.

— Ай! онъ опять ущипнулъ меня!.. вотъ же тебѣ, вотъ!..

Что-то хрустнуло и оторванный клещь упалъ на полъ.

— Ну вотъ видишь, вотъ и наказанье!.. Ахъ, какой онъ смѣшной теперь!.. Бѣдненькій инвалидъ... ну, ничего, ничего, дай я тебя поглажу... или нѣтъ... такъ право не красиво...

Я не успѣлъ оттащить ее отъ окошка какъ ужь въ ея рукѣ оказался и другой клещъ. Она смѣялась, она глубоко дышала въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи...

Я почти силой увелъ ее изъ кухни. Я сжималъ ея руку все сильнѣе и сильнѣе. Она ничего не говорила и послушно шла въ мою комнату, наконецъ у самой уже двери шепнула:

— Ты совсѣмъ раздавишь мнѣ пальцы!

— Слѣдовало бы! задыхаясь отвѣтилъ я, почти бросая ее въ кресло предъ мольбертомъ.

Я чувствовалъ что уже не могу рисовать, что мое настроеніе, моя сила исчезли. Я со злобой смотрѣлъ на блѣдную Зину. Вдругъ она прыгнула съ кресла, кинулась ко мнѣ на колѣни и обвила меня своими тонкими руками.

— Ну, не сердись, Андрюшечка душечка. . ну, не сердись на меня пожалуста.

Она стала меня цѣловать, а глаза ея все также молчаливо и жутко блестѣли.

Я не оттолкнулъ Зину и ничѣмъ больше не выразилъ ей негодованія, возбужденнаго во мнѣ ея

отвратительною жестокостью. Я даже совсѣмъ позабылъ и объ ея поступкѣ, и о своемъ негодованіи.

— Да ну, поцѣлуй же меня... не дуйся... я такъ люблю тебя Андрюша...

Она откинула назадъ свои черные волосы, взяла обѣими руками мою голову и тихонько приближала ко мнѣ губы.

Я хотѣлъ подняться, хотѣлъ убѣжать, но обнялъ ее и отвѣтилъ ей крѣпкимъ поцѣлуемъ.

Что-то мгновенное, что-то злое и въ то же время торжествующее блеснуло въ глазахъ ея и вдругъ она осторожно встала съ колѣнъ моихъ и спокойно, оправляя платье, сѣла предо мною въ свое кресло. Лицо ея было блѣдно и глаза ничего не выражали.

— Чтó-же ты сегодня будешь рисовать или мнѣ уйти можно? проговорила она скучающимъ голосомъ.

Я глядѣлъ на нее изумленный, растерянный.

— Зина, чтó съ тобою? отчего ты вдругъ такая?.. развѣ я тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ?

— Чтó такое? ничего со мною .. только скучно— позвалъ меня а самъ не рисуетъ!.. и вотъ рука болитъ, вы мнѣ чуть пальцы не сломали... оставьте меня въ покоѣ.

Она зло и презрительно сжала губы и отвернулась.

Нежданная, никогда еще неиспытанная мною тоска схватила меня за сердце и самъ не знаю какъ я бросился предъ нею на колѣни, поймалъ ея руку, ту самую руку, за которую велъ ее по корридору, и покрылъ ее поцѣлуями.

— Пожалуста... пожалуста!.. вотъ еще какія нѣж-

ности, цѣловать руку у такой дѣвчонки какъ я!... оставь меня, оставь!..

Она вырвалась и убѣжала, хлопнувъ дверью.

Я остался одинъ на полу предъ кресломъ. Я вскочилъ, и не знаю для чего, хотѣлъ кинуться за нею; но вдругъ остановился и долго стоялъ неподвижно, безо всякой мысли, только сердце громко стучало.

Я помню, мнѣ сдѣлалось тяжело, неловко, стыдно. Я смутно сознавалъ, что унизилъ себя, онозорилъ. Она злая, капризная, жестокая дѣвчонка и ничего больше, а я вмѣсто того чтобы строго отнестись къ ея поступку, я цѣловалъ ея руку, я сталъ предъ нею на колѣни, и она же еще, доведя меня до этого, разыграла обиженную и разсерженную... „Она дѣвчонка, дѣвчонка, дѣвчонка!“ бѣшено повторялъ я себѣ и въ то же время мнѣ безумно хотѣлось чтобъ она снова вошла ко мнѣ, чтобъ опять сказала: „да ну поцѣлуй же меня... не дуйся... я такъ люблю тебя, Андрюша...“

А еслибъ она вошла опять съ презрительною и злою миной, я снова бы пожалуй сталъ на колѣни и умолялъ бы ее не сердиться... Но вѣдь это невозможно, невозможно! Я не хочу, я не долженъ допускать себя до этого... да и чтó скажетъ мама, если узнаетъ про все, что сейчасъ было?

Однако я рѣшилъ внутренно и почти безсознательно, что мама ничего не узнаетъ... только этого уже никогда больше не будетъ, я стану держать себя совсѣмъ иначе...

Мною овладѣла неизмѣнная рѣшимость и я скоро успокоился.

— Обѣдать, обѣдать! кричали дѣти, пробѣгая мимо моей комнаты.

Когда я вошелъ въ столовую, всѣ уже были въ сборѣ. Отца второй мѣсяцъ не было въ Москвѣ, а потому нашъ Ноевъ ковчегъ чувствовалъ себя очень свободно. Мама, съ разливательною ложкой въ рукѣ, сидѣла предъ огромною миской супу и безуспѣшно призывала всѣхъ занять мѣста и успокоиться. Наконецъ кое-какъ размѣстились. Няньки подвязали дѣтямъ салфетки и остались за ихъ стульями. Мнѣ ужасно не хотѣлось садиться на свое мѣсто рядомъ съ Зиной, но я боялся обратить на себя вниманіе. а потому и сѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало. Я только старался не замѣчать ея присутствія.

Между тѣмъ все шло своимъ порядкомъ. Дѣти шалили и капризничали. Катя опрокинула на скатерть цѣлый стаканъ съ квасомъ и стала по обыкновенію размазывать пальцемъ лужу. Никто не обращалъ на это вниманія и обѣдъ мирно продолжался.

Мнѣ было неловко. Я старался не смотрѣть на Зину, но все-же чувствовалъ ее возлѣ себя, слышалъ ея дыханіе и замѣчалъ, что она время отъ времени на меня посматриваетъ. Мнѣ казалось, что Катя тоже замѣтила что-то происшедшее между нами, да и тетушки какъ будто косились.

Однако я рѣшилъ, во что-бы то ни стало, не заговаривать съ Зиной, я нарочно началъ болтать всякій вздоръ, обращался ко всѣмъ, только не къ ней.

Обѣдъ уже подходилъ къ концу, когда Зина меня толкнула ногой; я смолчалъ. Но вотъ она еще разъ

и еще разъ толкнула. Я отодвинулъ ногу. Прошло минуты двѣ и опять толчокъ. Это меня раздражило. Вдругъ Зина обернулась въ мою сторону и громко на весь столъ сказала:

— André, зачѣмъ ты толкаешься?

Всѣ взглянули на насъ. Мама изумленно пожала плечами. Я вспыхнулъ. Я никакъ не ожидалъ ничего подобнаго.

— Какъ! Ты меня сама все толкаешь, а говоришь что это я тебя, прошепталъ я наконецъ, опять таки не смотря на нее.

— Чтó-же это вы, точно маленькія дѣти! замѣтила мама, — чтó за глупости такія, André... право, васъ скоро разсадить придется!

Конецъ обѣда прошелъ для меня въ большомъ волненіи. Мнѣ очевидно было, что Зина не намѣрена оставить меня въ покоѣ, и съ другой стороны я чувствовалъ, что самъ не буду въ силахъ забыть про нее и заняться своимъ дѣломъ.

Сейчасъ же послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ и заперся. Я обдумывалъ свое положеніе: мнѣ хотѣлось идти къ мама, разсказать всю утреннюю сцену, разсказать все, чтó со мной происходитъ и просить ея совѣта, хотѣлось просто поплакать предъ нею, потому что, не знаю съ чего, меня душили слезы.

Но я тотчасъ-же и оставилъ это намѣреніе и опять, какъ и предъ обѣдомъ, рѣшилъ, что ничего не скажу мама, что она ничего не узнаетъ.

Я боялся, что она не пойметъ меня, что она обратитъ въ глупость и вздоръ такое дѣло, которое для меня было черезъ-чуръ важнымъ. Но что же мнѣ

дѣлать? какъ обращаться теперь съ Зиной? какъ уничтожить все, что уже сдѣлано?

Я думалъ, думалъ и не находилъ отвѣта, а между тѣмъ я слышалъ, какъ ручка моей двери нѣсколько разъ повернулась. Я не сомнѣвался, что это была Зина, но она не сказала ни слова и отошла отъ двери.

Я пробовалъ заняться, сталъ читать, но ничего не выходило. Незамѣтно подошло время и вечерняго чая. Мнѣ хотѣлось сказаться больнымъ и не выходить къ чаю, но я подумалъ что это будетъ малодушіе, что мнѣ нужно не избѣгать Зины, не бояться ея, а напротивъ того заставить ее уважать себя, смотрѣть на меня какъ на старшаго.

Я пошелъ въ столовую, но самоваръ еще не подавали. Дѣти бѣгали по комнатамъ, какъ всегда это бываетъ у насъ предъ чаемъ. Катя что-то бренчала на рояли, Зины не было видно. Я прошелъ въ залу и остановился возлѣ Кати. Она обернулась къ мнѣ и сказала:

— Что́ это у васъ произошло съ Зиной?

— Ничего, отвѣтилъ я.

— Какъ ничего? Посмотри, она сидитъ въ классной и плачетъ, молчитъ, ни слова отъ нея невозможно добиться и ни за что идти сюда не хочетъ. Если ты обидѣлъ ее чѣмъ-нибудь, такъ поди, успокой... не хорошо.

Я ужасно изумился: Зина плачетъ... мнѣ вдругъ стало ее жалко и я пошелъ въ классную, гдѣ дѣйствительно, въ уголкѣ, на старомъ креслѣ, сидѣла Зина и, дѣйствительно, плакала.

При моемъ входѣ она закрыла лицо платкомъ и

плечи ея поднимались отъ сдавливаемыхъ рыданій. Была секунда, когда я подумалъ, что она притворяется, но подойдя къ ней ближе, убѣдился что ошибаюсь: платокъ, который она держала у лица, былъ совсѣмъ мокрый.

— Зина, что съ тобой, спросилъ я, — о чемъ ты плачешь?

Она ничего не отвѣтила, наклонила голову почти къ колѣнямъ и громко уже зарыдала.

Я остановился предъ нею, не зная что дѣлать и стоялъ молча, прислушиваясь къ ея рыданіямъ.

Вотъ она наконецъ подняла голову, опустила руки съ платкомъ и, при свѣтѣ лампы, горѣвшей на рабочемъ дѣтскомъ столѣ, я увидѣлъ совершенно раскраснѣвшееся лицо ея, съ опухшими отъ слезъ глазами.

Она глядѣла на меня такимъ жалкимъ, несчастнымъ и обиженнымъ ребенкомъ, такъ горько и совсѣмъ по-дѣтски двигались кончики ея губъ, что мнѣ стало еще больнѣе. Я наклонился къ ней, взялъ ее за руку и поцѣловалъ.

— Зина, скажи мнѣ, отчего ты плачешь? Прошу тебя, скажи...

Она обвила одною рукой мою шею, прижала ко мнѣ свое мокрое лицо и прерывающимся отъ рыданій голосомъ прошептала:

— Я гадкая, я виновата... я тебя обидѣла, André...

Боже мой! какъ вдругъ мнѣ стало хорошо и даже весело. Такъ она сама все понимаетъ! Она сознается, она не то, чѣмъ была весь этотъ день... Что-же это такое, что все это значитъ?

А Зина плакала и ея крупныя, неудержимыя слезы мочили мою щеку.

— Прости меня! сквозь рыданія снова шепнула она надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я могъ отвѣтить ей опять-таки одними поцѣлуями.

— Ну, а теперь пойдемъ пить чай, сказалъ я: —вытри глаза, умойся, успокойся пожалуста, а то мама замѣтитъ.

— Хорошо, покорно отвѣтила она, и я вышелъ изъ классной.

III.

Когда она появилась въ столовой и сѣла за столъ уже спокойная и блѣдная по обыкновенію, я смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Она снова казалась мнѣ тою Зиной какою была въ первыя минуты своего пріѣзда, такою же загадочною и волшебною, какъ я самъ себѣ тогда ее назвалъ и я зналъ наконецъ что у нея есть сердце. Одно только испортило за чаемъ мое настроеніе—косые взгляды и перешептыванья шестиюродной тетушки Софьи Ивановны съ Катиной гувернанткой. Я чувствовалъ и понималъ, что онѣ шепчутся про Зину и про меня конечно, и зналъ, что ничего путнаго изъ этого шептанья не можетъ выйти.

Я весь вечеръ не подходилъ къ Зинѣ, не говорилъ съ нею и только смотрѣлъ на нее и съ меня этого было совершенно довольно. Но вернувшись къ себѣ я опять остался съ моимъ нерѣшеннымъ вопро-

сомъ: чего я такъ обрадовался? развѣ и прежде не бывало подобнаго, развѣ я не видалъ какъ Зина плачетъ, проситъ прощенья и сейчасъ же принимается за старое? Можно ли ей вѣрить? И какъ быть съ нею? ..

Такъ я и заснулъ, ничего не рѣшивъ и въ сильномъ раздраженіи. Я хорошо помню эту ночь, потому что тогда мнѣ приснился одинъ изъ тѣхъ странныхъ сновъ, которые потомъ не разъ повторялись.

Сонъ... но мнѣ странно назвать сномъ то что было со мною, такъ оно было ярко, такъ походило на дѣйствительность.. Я спалъ и вдругъ проснулся и увидѣлъ всю свою комнату и различалъ каждый предметъ. Я сѣлъ на кровати, и почему-то вдругъ явилось у меня сознаніе что мнѣ нужно куда-то идти, но куда—я еще не зналъ. И я всталъ и пошелъ, и вдругъ очутился въ такомъ мѣстѣ, которое хорошо мнѣ было знакомо. Не далеко отъ Москвы, въ двухъ, трехъ верстахъ отъ нашего Петровскаго есть прекрасное, забытое и запущенное имѣніе, принадлежавшее одной старинной русской фамиліи и, кажется, по какому-то чуду до сихъ поръ не перешедшее въ купеческія руки. Въ этомъ имѣніи густой, запущенный садъ, полуразрушенныя оранжереи, большой домъ старинной постройки и съ безчисленнымъ количествомъ комнатъ. Мы часто ѣздили туда всѣмъ семействомъ гулять и завтракать. Намъ отпирали домъ и я любилъ бродить по лабиринту пустыхъ его комнатъ. Очевидно, владѣльцы покинули его давно уже и все малу-по-малу приходило въ ветхость. Но обстановка дома была прекрасна: дорогая старинная мебель, всѣ стѣны увѣшаны фа-

мильными портретами, прекрасными картинами, а главное—комнатъ такъ много, такъ много, что заблудиться въ нихъ можно...

Этотъ домъ съ дѣтства производилъ на меня впечатлѣніе сказочнаго замка и я ужасно всегда фантазировалъ въ его пустыхъ комнатахъ. Здѣсь разыгрывались въ моемъ воображеніи самыя удивительныя исторіи изъ прошедшаго времени и изъ будущаго. Я рѣшилъ однажды и твердо вѣрилъ что такъ оно и будетъ, что этотъ домъ когда-нибудь станетъ моимъ домомъ, что я буду жить здѣсь въ волшебномъ счастьи...

Ну, такъ вотъ и теперь, въ моемъ снѣ, я вдругъ очутился среди этой знакомой обстановки. Все было такъ ясно, такъ поразительно живо, и я до сихъ поръ помню всякую мельчайшую подробность... Мнѣ грезилось какъ будто славное лѣтнее утро, раннее утро, такъ что въ открытыя окна вливалась душистая свѣжесть. Я шелъ черезъ длинную залу кому-то на встрѣчу, и этотъ кто-то уже былъ близко, это была Зина Вотъ я уже ее вижу, она спѣшитъ ко мнѣ вся въ бѣлой, почти воздушной одеждѣ, сіяющая и свѣжая, она протягиваетъ мнѣ руки, я ее обнимаю и мы выходимъ изъ залы. Вотъ балконъ. Мы спускаемся въ садъ, идемъ по старой липовой аллеѣ къ пруду.

Я еще полонъ впечатлѣніями вчерашняго дня, знаю что нѣсколько минутъ тому назадъ былъ въ своей комнатѣ на кровати; но въ то же время чувствую что теперь не сплю, что все это творится наяву со мною и это нисколько меня не удивляетъ. Необычайное, никогда еще неизвѣданное мною счастье

охватываетъ меня; я скорѣй лечу чѣмъ иду, и Зина летитъ со мною, и мы ясно слышимъ и видимъ все что кругомъ насъ творится. Вотъ запѣли птицы; вотъ пчелы жужжатъ гдѣ-то далеко въ синевѣ небесной, а солнце поднимается выше и выше, и мало-по-малу сохнутъ росинки на листьяхъ. Я гляжу на Зину и вижу, что это какая-то новая Зина. Это Зина, которой я вѣрю, которая ничѣмъ меня не смущаетъ, не задаетъ душѣ моей никакихъ вопросовъ: въ ней все чисто и ясно, она вся открыта предо мною. И вдругъ я вспоминаю вчерашнюю Зину, вдругъ вспоминаю ея жестокость—и изумляюсь. Я спрашиваю ее, что это значитъ, какъ могла она съ наслажденіемъ мучить несчастное животное, а потомъ и меня? Она качаетъ головой и, глядя мнѣ въ глаза уже не загадочными, не молчащими своими глазами, а добрыми и свѣтлыми, говоритъ мнѣ:

„Развѣ ты не понялъ? какой ты смѣшной право!“

Но я все же ничего не понимаю.

„Это такъ нужно было, шепчетъ она,—для тебя нужно, и не я въ этомъ виновата... Вѣдь я заколдована... уничтожь это колдовство, если можешь, тогда я всегда буду такая какъ теперь...“

И я проснулся.

Съ этого дня и съ этой ночи жизнь моя совсѣмъ стала запутываться. Сонъ произвелъ на меня необыкновенное впечатлѣніе и я долго находился подъ его обаяніемъ.

Предо мною очутилось двѣ Зины, и въ Зинѣ на-

стоящей я искалъ жадно и постоянно Зину моего сна, которую я такъ хорошо помнилъ, которая давала мнѣ такое счастье. Но поиски мои были тщетны. Зинины слезы и ея раскаяніе не оставили въ ней и слѣда на другое утро. Она какъ будто совсѣмъ забыла о вчерашнемъ, встрѣтила меня смѣхомъ и сейчасъ-же спросила:

— Чтó-же, будешь ты рисовать сегодня?

— Да, приходи, сказалъ я.

Она пришла. Я жадно принялся за работу. Я не потерялъ своего открытія и портретъ начиналъ удаваться. Зашедшая ко мнѣ мама долго стояла предъ нимъ, смотрѣла, и вдругъ крѣпко обняла меня, а на глазахъ ея я замѣтилъ слезы. Она такъ радовалась всегда моимъ успѣхамъ, и навѣрно, выйдя отъ меня, уже представляла себѣ своего сына великимъ художникомъ. Я самъ былъ радъ, рисовалъ съ восторгомъ и трепетомъ, даже совсѣмъ забылъ о живомъ моемъ оригиналѣ. Но Зина скоро о себѣ напомнила.

— Ты знаешь, я сегодня не спала почти всю ночь, сказала она мнѣ, — все о тебѣ думала. Какой ты странный, изъ-за чего ты такъ на меня вчера разсердился?

— Оставь, не говори пожалуста! почти закричалъ я.

Она засмѣялась.

— А я спалъ и тебя во снѣ видѣлъ, продолжалъ я, — но совсѣмъ не такою, какая ты есть на самомъ дѣлѣ.

— Какою же ты меня видѣлъ — хуже, лучше?

— Гораздо лучше...

— Я думала, что я для тебя и такая хороша, что ты меня такою любишь, какъ я есть.

— Нѣтъ, я не люблю тебя такою, — да и къ тому же я тебя совсѣмъ не знаю.

— Ты меня не знаешь? вотъ пустяки! Я самая простая... я даже глупая... вѣдь я ужь слышала, что говорятъ это...

Мнѣ сдѣлалось тяжело, опять тоска захватила меня, хотя я и самъ не зналъ ея настоящей причины. Я грустно смотрѣлъ на Зину. Она встала, подошла ко мнѣ и, глядя мнѣ прямо въ глаза, сказала:

— Какой ты странный! ты иногда такъ на меня смотришь, что мнѣ становится страшно... мнѣ кажется, что или ты когда-нибудь убьешь меня, или я убью тебя.

На лицѣ ея дѣйствительно скользнуло выраженіе испуга. Она слабо вскрикнула и выбѣжала изъ комнаты.

„Сумасшедшая!“ подумалъ я. И вдругъ весь вздрогнулъ и похолодѣлъ; ея безумный страхъ сообщился и мнѣ на мгновеніе, — я хорошо это помню.

Время шло, я совсѣмъ позабывалъ о своихъ занятіяхъ, забывалъ о томъ, что скоро должны начаться мои университетскіе экзамены. Я весь уходилъ въ свою фантастическую жизнь и строилъ самые нелѣпые планы, и работалъ надъ портретомъ.

Пришелъ май, начались экзамены. Я понялъ наконецъ, что рѣшается для меня серіозный вопросъ и сдѣлалъ надъ собою послѣднее усиліе, — не спалъ ночей, сидѣлъ надъ книгами и первые экзамены прошли удачно. Я только усталъ ужасно.

Какъ-то поздно вечеромъ, часу уже въ первомъ, работалъ я въ своей комнатѣ. Всѣ наши спали, кругомъ было совершенно тихо. На завтра предстоялъ трудный экзаменъ, я погрузился въ работу и ничего не слышалъ. Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся — Зина. Она была полураздѣта, съ распущенными волосами.

— Чего тебѣ нужно? Зачѣмъ ты пришла? спросилъ я.

— Я хотѣла посмотрѣть, что́ ты дѣлаешь, все учишься, какъ тебѣ не надоѣло...

— Такъ зачѣмъ-же ты приходишь мѣшать мнѣ? И потомъ развѣ это возможно! Ты почемъ знала, что я еще не раздѣтъ? Тебѣ только непріятности будутъ, да и мнѣ тоже.

— Никто не видѣлъ, какъ я прошла: всѣ спятъ, отвѣтила Зина.

— Тѣмъ хуже, сказалъ я, — ради Бога уходи скорѣй!

Но она не уходила.

Я пришелъ въ ужасъ, я совершенно понималъ всю невозможность и неприличность ея появленія и, главное, не видѣлъ никакой ему причины. Да и сама она не могла сказать, зачѣмъ пришла ко мнѣ. Я почти насильно вывелъ ее изъ комнаты. Она упи-

ралась, подвигалась къ двери шагъ за шагомъ и все время смотрѣла на меня, но такъ смотрѣла, что мнѣ становилось жутко.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты меня гонишь, сказала она уже у самой двери; — если всѣ заснули такъ рано, то развѣ я виновата, что мнѣ спать не хочется, и неужели я не могу на пять минутъ зайти къ тебѣ?

Но я ужь заперъ за нею дверь и вернулся къ своей работѣ.

Минуты шли за минутами, а я никакъ не могъ сообразить того, что̀ читаю. Наконецъ я увидѣлъ, что и продолжать безполезно: все равно ничего не буду помнить.

Проспавъ всего часа три-четыре, я проснулся съ тяжелою головой и во время экзамена мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Однако все сошло благополучно и я возвращался домой въ хорошемъ настроеніи духа. По обыкновенію, сейчасъ же я кинулся къ мама, которая каждый разъ со страхомъ и трепетомъ дожидалась моего возвращенія.

Объявивъ ей о „пятеркѣ“ и обнявъ ее, я вдругъ замѣтилъ, что она какъ-то странно на меня смотритъ. Она какъ-будто даже совсѣмъ не обрадовалась и тотчасъ же вышла изъ комнаты, сказавъ, что ей некогда. Встрѣтившаяся мнѣ въ корридорѣ Софья Ивановна тоже весьма странно на меня взглянула. Мнѣ стало вдругъ неловко, какъ провинившемуся, хотя я не зналъ вины за собою. Я начиналъ смутно догадываться въ чемъ дѣло. Вывести какую-нибудь сплетню и поднять исторію было величайшимъ на-

слажденіемъ для большей части нашихъ домочадцевъ. Вѣроятно кто-нибудь видѣлъ Зину возлѣ моей комнаты, да я даже почти и зналъ кто ее видѣлъ— конечно Бобелина — и вотъ теперь началось у насъ Богъ знаетъ чтó.

Разъясненіе дѣла явилось очень скоро. Предъ обѣдомъ мама вошла ко мнѣ, заперла за собою дверь и сѣла на диванъ съ грустнымъ и озабоченнымъ лицомъ, со знакомою мнѣ миной, которая обыкновенно являлась у нея во время различныхъ домашнихъ непріятностей.

— Скажи мнѣ пожалуста, André, не глядя на меня спросила она, — вчера, поздно вечеромъ, не приходила къ тебѣ Зина?

— Да, приходила, отвѣтилъ я, и съ ужасомъ почувствовалъ что краснѣю.

„Мама сейчасъ замѣтитъ эту краску и чтó она обо мнѣ подумаетъ!“ пришло мнѣ въ голову и я покраснѣлъ еще сильнѣе.

— Зачѣмъ-же она къ тебѣ приходила?

— А спроси ее! Я самъ удивился и сейчасъ же ее вывелъ и заперъ двери.

Мама недовѣрчиво на меня взглянула.

Да, я не вообразилъ себѣ, а дѣйствительно замѣтилъ недовѣрчивость въ ея взглядѣ. Мнѣ стало обидно и больно.

— Мама! отчего ты такъ странно глядишь на меня? Я говорю тебѣ, что сразу счелъ совершенно неприличною эту Зинину выходку и строго ей выговорилъ. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь,

что это я позвалъ ее, когда всѣ спали, да и она сама была почти раздѣта? Неужели ты считаешь меня или такимъ еще ребенкомъ, что я не понимаю, что̀ прилично и что̀ неприлично, или ужь я и не знаю, кѣмъ ты меня считаешь!...

Мама глядѣла на меня не отрываясь, очевидно желая увидѣть изъ лица моего, правду-ли я говорю ей, или что-нибудь скрываю.

— Ну, если это такъ, наконецъ проговорила она, — то я тебѣ конечно вѣрю; но меня не могло не поразить, когда Софья Ивановна разсказала мнѣ...

— А, такъ это Софья Ивановна! и, конечно, съ прикрасами и прибавленіями!... Рады опять были сдѣлать исторію, а ты и разстроилась. Что̀-жь, спрашивала ты Зину?

— Нѣтъ, я ей ничего не сказала, я хотѣла прежде поговорить съ тобою... Не обижайся, André, я тебѣ вѣрю, я знаю, мой милый, что ты не ребенокъ и все понимаешь, но давно я ужь хотѣла сказать тебѣ, чтобы ты былъ осторожнѣе съ Зиной.

— Развѣ ты находишь что-нибудь неприличное въ моемъ поведеніи? спросилъ я, опять краснѣя.

— Нѣтъ, ничего, я увѣрена, что ты смотришь на Зину какъ на сестру; но вѣдь ты знаешь, какъ подозрительны люди. Я ужасно боюсь, чтобы чего нибудь не выдумали. Вспомни, голубчикъ, что Зину беречь надо; она бѣдная сиротка, безъ отца и матери, поручена мнѣ и я должна отвѣчать за нее предъ Богомъ...

На глазахъ мама навернулись слезы.

— Зачѣмъ же ты говоришь мнѣ все это? въ волненіи и смущеніи прошепталъ я, — развѣ я самъ не знаю. И въ твоихъ словахъ я вижу опять ко мнѣ недовѣріе, — такъ говори лучше прямо!

— Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, вѣрю, поспѣшно отвѣтила мама, и наконецъ я узналъ отъ нея въ чемъ все дѣло.

Оказалось, что утромъ Софья Ивановна, со словъ Бобелины, разсказала ей цѣлую длинную исторію Бобелина увѣряла что я и Зина ведемъ себя совсѣмъ неприлично, что она давно уже замѣчаетъ за нами и даже подсмотрѣла одинъ разъ въ щелку какъ я во время сеанса за портретомъ стоялъ предъ Зиной на колѣнахъ и цѣловалъ ея руки; что Зина уже не въ первый разъ вечеромъ бродитъ по корридору и приходитъ въ мою комнату.

При этомъ разсказѣ мнѣ сдѣлалось душно и скверно. Бобелина лгала, но далеко не все... Я терялся и запутывался больше и больше. Моя совѣсть была совершенно чиста, а между тѣмъ отвергать многія подробности этого разсказа я не былъ въ состояніи. Дѣйствительно, я слишкомъ часто встрѣчался съ Зиной и всюду искалъ ее; дѣйствительно, вѣдь одинъ разъ, въ тотъ памятный день, я стоялъ предъ ней на колѣнахъ и цѣловалъ ея руки. Я былъ увѣренъ что Бобелина не видала этого, что она выдумала, но въ то же время она сказала правду, она угадала.

Теперь, именно теперь мнѣ нужно все разсказать мама, открыть ей всю душу! Но опять-таки меня что-то останавливало. Къ тому же изъ нѣкоторыхъ ея словъ я ясно видѣлъ что она не пойметъ меня; то что было моимъ мученьемъ и моимъ несчастіемъ, то въ

чемъ я не былъ виноватъ, она поставитъ мнѣ въ вину. Невыносимое, измучившее меня чувство сейчасъ же явится въ невозможной уродливой оболочкѣ, и я зналъ что не вынесу этого и что выйдетъ еще хуже.

Я такъ-таки ничего и не сказалъ мама и она ушла отъ меня. И я понималъ, несмотря на всѣ ея увѣренія въ томъ что она мнѣ вѣритъ, я понималъ что она подозрѣваетъ меня въ чемъ-то дурномъ и мучается этими подозрѣніями.

IV.

Наконецъ мои экзамены благополучно окончились. Еще недавно я съ замираніемъ сердца думалъ о томъ времени когда сдѣлаюсь студентомъ. Теперь наступило это время, а я не чувствовалъ никакой радости,—не тѣмъ совсѣмъ былъ занятъ. Наши переѣхали, по обыкновенію, на дачу, а меня отецъ отпустилъ немного попутешествовать. Я былъ этимъ очень доволенъ, съ жадностью ухватился за поѣздку и возлагалъ на нее большія надежды. Наединѣ съ самимъ собою, далеко отъ Зины, отъ всей этой измучившей меня жизни я можетъ-быть съумѣю отрезвиться, лучше понять себя, и вернусь другимъ человѣкомъ; а это мнѣ такъ было нужно.

Я уѣхалъ, какъ-то необыкновенно торопясь, стараясь думать о предстоящей дорогѣ. Сначала располагалъ я ѣхать за границу, но потомъ переду-

малъ и отправился по Волгѣ. Нашлись и попутчики, два молодыхъ человѣка, наши старые знакомые.

Путешествіе началось очень весело, но уже перебравшись на пароходъ въ Нижнемъ-Новгородѣ я почувствовалъ припадокъ тоски: мнѣ хотѣлось вернуться назадъ и предстоявшая поѣздка потеряла для меня въ одинъ мигъ всю прежнюю прелесть.

Однако я старался преѳолѣть себя, старался развлекаться окружающимъ. Иногда мнѣ это удавалось но не на долго. Мы ѣхали медленно, останавливаясь гдѣ только возможно, осматривая все хоть чѣмъ-нибудь достойное примѣчанія. Подъѣзжая къ Самарѣ я ужь совсѣмъ не зналъ что дѣлать отъ тоски и, сойдя на берегъ, какъ сумасшедшій кинулся на почту, надѣясь что тамъ дожидается меня письмо изъ дома.

Письмо дѣйствительно дожидалось и даже не одно, а два. Писала мнѣ и Зина. Она писала, по своему обыкновенію, очень безграмотно, жаловалась на скуку, говорила что тоскуетъ обо мнѣ и просила вернуться какъ можно скорѣе.

Если я до сихъ поръ еще кое-какъ крѣпился, то теперь по прочтеніи этого письма, меня охватило полное безсиліе: я чувствовалъ что дальше ѣхать не могу и рѣшился, пробывъ два дня въ Самарѣ, вернуться обратно. Никакихъ вопросовъ я не рѣшилъ, ни отъ чего не избавился и возвращался домой такимъ же какимъ и уѣхалъ.

Съ замирающимъ сердцемъ подъѣзжалъ я къ Петровскому. Меня не ожидали такъ скоро. Былъ вечеръ и всѣ наши гуляли въ это время. Я утомился съ дороги и сѣлъ на балконъ, поджидая ихъ; мнѣ

казали что должны всѣ сейчасъ вернуться. Прошло нѣсколько минутъ. Я уже хотѣлъ идти разыскивать Зину; но въ это время скрипнула калитка сада и я увидѣлъ ее бѣгущую къ балкону. Мнѣ показалось что она еще выросла и похорошѣла въ этотъ мѣсяцъ; она уже носила почти длинныя платья и казалась совсѣмъ взрослою.

Зина очень изумилась увидя меня на балконѣ. Она крикнула и радостно бросилась ко мнѣ на шею. Ея глаза блестѣли, она смѣялась, цѣловала меня, кричала, звала всѣхъ скорѣе и я видѣлъ только одно, что никто мнѣ такъ не обрадовался и что эта радость была искренняя. Я сдѣлался глупо счастливъ и забылъ все что меня мучило. Послѣ чаю мы пошли гулять и я шелъ подъ руку съ Зиной.

— Ну что вы тутъ безъ меня подѣлывали? спросилъ я ее.

— Да ничего, все шло своимъ порядкомъ, какъ одинъ день, такъ и другой. Противная Софья Ивановна все косится на меня и дуется, все на меня наговариваетъ. Ахъ, да! вдругъ оживленно вскрикнула она,—мы познакомились съ сосѣдями и иногда очень веселимся. Ты знаешь, къ нимъ пріѣхалъ сынъ изъ Петербурга, лицеистъ, очень хорошенькій, очень хорошенькій, monsieur Jean, и такой славный, я съ нимъ уже подружилась.

Я почувствовалъ что блѣднѣю. Я сознавалъ какъ это глупо, сердился на себя, но ничего не могъ съ собою подѣлать. Я никогда не слыхалъ объ этомъ monsieur Jean, но теперь съ первой же минуты его возненавидѣлъ.

Зина пристально на меня смотрѣла и это смущало

меня еще больше. Я не хотѣлъ подать ей, конечно, вида, что обратилъ особенное вниманіе на слова ея, а между тѣмъ для меня очевидно было что она меня понимаетъ.

— И часто видаетесь вы съ сосѣдями? спросилъ я, стараясь сдѣлать этотъ вопросъ какъ можно спокойнѣе.

— Да, часто, особенно я. Катя, ты знаешь, ужасная домосѣдка: ее никакъ не вытащишь; такъ я одна къ нимъ бѣгаю; иногда гуляю съ monsieur Jean. Онъ такой добрый и всячески меня забавляетъ...

Она, конечно, говорила все это нарочно, чтобы дразнить меня и достигала своей цѣли. Я понималъ что ничего не сдѣлаю съ отвратительнымъ родившимся во мнѣ чувствомъ.

А она продолжала пристально глядѣть на меня и, крѣпко опираясь мнѣ на руку, болтала:

— Да, и представь, третьяго дня я гуляла съ нимъ въ паркѣ, и вдругъ, какая глупость! вдругъ онъ мнѣ признался въ любви!

— Какой вздоръ ты говоришь, прошепталъ я.

— Разумѣется вздоръ, только это правда.

— Ну и что же ты отвѣтила ему?

— А можетъ-быть я тебѣ вовсе не хочу сказать, что я ему отвѣчала...

— Сдѣлай одолженіе, не говори, да и совсѣмъ мнѣ не говори этихъ глупостей.

— Ай, ай, ай! засмѣялась она,—вотъ ты ужь и старымъ дѣдушкой становишься; для тебя ужь это глупости... Ну, а я тебѣ все-таки же скажу какъ было дѣло. Видишь вонъ ту скамейку, вонъ тамъ

все и случилось,—только нѣтъ, нѣтъ, я ни за что тебѣ не разскажу, ни за что въ мірѣ!.. А теперь можешь пойти къ мама и пожаловаться ей на меня что я занимаюсь такими глупостями!

Она выдернула свою руку и убѣжала.

Я сѣлъ на скамейку и мнѣ показалось что со мной случилось громадное несчастье. Я не зналъ: вѣрить мнѣ Зинѣ или нѣтъ. Можетъ-быть она и солгала все, а можетъ-быть сказала и правду; но если даже и солгала, такъ вѣдь уже и ложь эта мучительна и ужасна! Значитъ если и не было, такъ могло быть, можетъ-быть, пожалуй будетъ! Мнѣ опять вдругъ стыдно стало за себя. Я ненавидѣлъ Зину; а еслибъ этотъ Jean попался мнѣ теперь, то я, кажется, уложилъ бы его на мѣстѣ!

И вотъ мнѣ припомнилась Зина моего сна. То свѣтлое, отрадное чувство, которое она во мнѣ возбудила и я готовъ былъ бѣжать за этимъ чувствомъ на край свѣта, а тутъ на яву былъ такой мракъ, такое мученье!

Я началъ бродить въ паркѣ, не замѣчая дороги, и скоро встрѣтился съ нашими. Тутъ были и сосѣди.

Я еще издали увидѣлъ длинную, тонкую фигуру лицеиста. Рядомъ съ нимъ шла Зина. Мнѣ хотѣлось убѣжать, я Богъ знаетъ что далъ бы чтобы не встрѣтиться теперь съ этимъ monsieur Jean, а между тѣмъ бѣгство было невозможно: меня уже замѣтили. Чрезъ минуту я долженъ былъ протягивать руку лицеисту, съ нимъ знакомиться. Я собралъ всѣ силы

чтобы сдѣлать это по возможности любезно, и въ то же время сознавалъ что веду себя глупо. Мнѣ казалось что всѣ видятъ и понимаютъ отлично мое душевное состояніе и смѣются надо мной.

Monsieur Jean былъ вовсе не такъ красивъ, какъ описывала его Зина, но мнѣ онъ тогда показался удивительнымъ красавцемъ. Онъ велъ себя непринужденно, съ апломбомъ маленькаго фата, и я сразу замѣтилъ что онъ ухаживаетъ за Зиной. Мы шли съ нимъ рядомъ и онъ что-то говорилъ мнѣ, чего я почти не слышалъ. Вдругъ къ нему подошла Зина и взяла его подъ руку. Она улыбалась ему, а онъ таялъ отъ этой улыбки.

Еще минута, и я навѣрно сдѣлалъ бы какую-нибудь глупость. Впрочемъ я ужь и теперь сдѣлалъ глупость: я вдругъ, не говоря ни слова, свернулъ въ сторону, на первую попавшуюся дорожку и ушелъ отъ нихъ, почти убѣжалъ, и въ безсильной злобѣ на нѣсколько кусковъ сломалъ свою трость и готовъ былъ рыдать на весь паркъ и кусать деревья. Никогда еще не испытывалъ я такого бѣшенства и такой внутренней боли.

Вернулся я домой раньше нашихъ и забрался на верхъ, къ себѣ.

Вотъ въ открытыя окна слышны голоса: наши возвращаются. Вотъ дѣти съ шумомъ и гамомъ бѣгутъ по лѣстницѣ. Моя дверь скрипнули и тихонько, на цыпочкахъ, вошла Зина. Она осторожно заперла за собою дверь, подошла ко мнѣ и сѣла на диванъ, рядомъ со мною.

— André, зачѣмъ ты ушелъ? я потомъ побѣжала за тобою, но не могла догнать тебя: а мнѣ тебя

очень нужно было... André, послушай, я должна сказать тебѣ одну вещь, только поклянись мнѣ что ты никогда и никому объ этомъ не скажешь, поклянись!...

Я не отвѣтилъ ей ни слова и сидѣлъ неподвижно.

— Такъ ты не хочешь? Ради Бога, умоляю тебя, поклянись мнѣ, милый, голубчикъ!

— Ну, клянусь. Что тебѣ?

— Такъ слушай, тихо шепнула Зина, — слушай! Скажи мнѣ, отчего ты такъ скоро вернулся? Ты получилъ мое письмо?

— Да, получилъ.

— Ты оттого вернулся что я звала тебя? Вѣдь да, вѣдь правда, вѣдь я угадала?

Я молчалъ, но ей вѣрно и не нужно было моего отвѣта; ея лицо вдругъ измѣнилось: съ него ушло все что было въ немъ дѣтскаго; я въ первый разъ увидѣлъ передъ собою въ ней взрослую дѣвушку. Она взяла мои руки и крѣпко ихъ сжала. Она спрятала свое лицо на плечѣ моемъ и, задыхаясь и волнуясь, быстро шепнула:

— André, еслибы ты зналъ какъ я ждала тебя; я думала о тебѣ каждую минуту. André, я люблю тебя, понимаешь... я влюблена въ тебя... Я безъ тебя не могу жить, я на всю жизнь люблю тебя.!.

Мнѣ казалось что я сошелъ съ ума, что все это сонъ и вотъ я сейчасъ проснусь и все будетъ совсѣмъ другое.

Но Зина продолжала шептать и повторяла:

— Я люблю тебя, André, не смѣйся надо мною; вѣдь я ужь не маленькая, я не виновата что люблю тебя... Что же ты мнѣ ничего не отвѣчаешь? развѣ

ты самъ меня не любишь?... Зачѣмъ ты молчишь? Чего ты боишься? говори, говори, ради Бога!..

Она повернула къ себѣ мое лицо, ея руки дрожали на плечахъ моихъ; на глазахъ блистали слезы. Лицо было какое-то вдохновенное, какое-то до того странное, что она сама на себя не была похожа.

Я хотѣлъ говорить и не могъ. Моя голова кружилась, въ виски стучало и вдругъ я зарыдалъ...

Всю эту ночь я не сомкнулъ глазъ и пролежалъ въ лихорадкѣ, ловя обрывки мыслей, приходившихъ мнѣ въ голову, разбираясь въ нахлынувшихъ на меня ощущеніяхъ.

Никогда не могъ я ожидать ничего подобнаго. Конечно, ужь давно я понялъ что люблю Зину особенно, но все же не опредѣлялъ этой любви, не придавалъ ей извѣстную форму. Мнѣ кажется что я скажу совершенно искренно, что самъ никогда не допустилъ бы этого признанія: до самой послѣдней секунды я не зналъ что такое скажетъ мнѣ Зина, и то что она мнѣ сказала поразило меня необычайно. „Развѣ это можетъ быть? развѣ это есть?“ повторялъ я себѣ и ужасался, и радовался. Но что же будетъ дальше—страшно подумать! Я только-что поступилъ въ университетъ, мнѣ восемнадцатый годъ, а ей нѣтъ еще и пятнадцати.

Я понималъ что если до сихъ поръ еще могъ скрывать свое чувство отъ постороннихъ, то теперь, послѣ Зининаго признанія, мы не съумѣемъ скрыться. И къ тому же не смотря на все счастье охватив-

щее меня, я не могъ отвязаться отъ сознанія что есть во всемъ этомъ что-то темное, что-то смущающее совѣсть. Вѣдь еслибъ этого не было, я бы давно признался во всемъ мама, а теперь не могу и ни за что не признаюсь. Мое чувство, какъ мнѣ казалось, было высоко, было свято само по себѣ, но что-то дурное заключалось именно въ томъ что предметомъ этого чувства была Зина; однимъ словомъ, тутъ являлось какое-то неразрѣшимое противорѣчіе. Была минута, когда я подумалъ что узналъ какъ мнѣ надо поступить, и что именно такъ и поступлю непремѣнно. Я рѣшилъ что завтра же переговорю съ Зиной, скажу ей что мы можемъ продолжать любить другъ друга, но не должны никогда говорить объ этомъ, должны теперь какъ можно дальше держаться другъ отъ друга, какъ будто мы въ разлукѣ. А потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда будетъ можно, все начнется снова, и что только такъ намъ и возможно быть теперь.

Я рѣшилъ это, но чрезъ минуту самъ хорошо понялъ что ничего этого не будетъ и быть не можетъ. Я понялъ что самъ первый нарушу свое обѣщаніе.

— Ты совсѣмъ боленъ, на тебѣ лица нѣтъ; ты вѣрно простудился дорогой! замѣтила мнѣ утромъ мама.

— Нѣтъ, ничего, я здоровъ, отвѣтилъ я не смотря на нее и прошелъ въ садъ: я зналъ что тамъ Зина.

Какъ встрѣчусь я съ нею?

Зина тихо ходила по садовой дорожкѣ съ книгой въ рукахъ; она учила какой-то урокъ. Я по-

шелъ рядомъ съ нею. Сначала она дѣлала видъ что продолжаетъ учиться, но скоро положила книгу свою на попавшуюся скамейку и взяла меня за руку.

Я взглянулъ на нее и изумился: опять это была не прежняя Зина. Ея молчащіе глаза, ея блѣдное лицо и странная улыбка говорили, что это совсѣмъ не ребенокъ, и мнѣ почему-то становилось страшно. Мнѣ хотѣлось бы чтобъ у нея было другое лицо, мнѣ хотѣлось бы чтобъ она была настоящимъ ребенкомъ, какъ были тѣ хорошенькія дѣвочки въ бѣлыхъ и розовыхъ платьяхъ, съ которыми я танцовалъ на нашихъ маленькихъ вечерахъ и которымъ признавался въ любви, нося еще курточку, и которыя сами отвѣчали мнѣ что очень меня любятъ. Мнѣ хотѣлось бы чтобы вся наша исторія была только дѣтскою исторіей,—милою, смѣшною и мимолетною, оставляющею на всю жизнь смѣшное и милое воспоминаніе. Но я хорошо зналъ что наша исторія не дѣтская, не смѣшная и не мимолетная. Я предчувствовалъ что это что-то совсѣмъ новое и опять-таки страшное.

— Зина, зачѣмъ это было все, что вчера случилось? Зачѣмъ ты мнѣ сказала! невольно выговорилъ я, грустно смотря на нее.

Она изумилась.

— Развѣ бы лучше было еслибъ я молчала? Если хочешь я буду молчать; я скажу тебѣ что солгала, да вѣдь ты мнѣ самъ теперь не повѣришь.

— A monsieur Jean? спросилъ я.

Она засмѣялась на весь садъ, стала кругомъ меня прыгать и бить въ ладоши.

— Ахъ, Андрюшечка—душечка, какой ты вчера былъ забавный! какой глупенькій! Развѣ можно было такъ смотрѣть какъ ты смотрѣлъ на monsieur Jean? Вѣдь онъ навѣрно тебя теперь дурачкомъ считаетъ!

— Зачѣмъ же ты меня дразнила?

— Потому что это было очень весело.

Такъ ты все сочинила, ничего не было?

— Нѣтъ, было, но вѣдь это безъ тебя, такъ какое тебѣ дѣло? Тепѐрь ты со мною! А я со вчерашняго вечера даже и забыла совсѣмъ что есть на свѣтѣ monsieur Jean,—ты мнѣ только теперь напомнилъ. Ахъ какая досада что этотъ урокъ у меня противный, ну да ничего, чрезъ часъ я буду свободна и пойдемъ пожалуста гулять вмѣстѣ.

Она опять взяла свою книгу и стала учиться.

Я сѣлъ на скамейку, смотрѣлъ какъ она ходитъ, какъ она закрываетъ глаза и что-то шепчетъ, очевидно учитъ наизусть, какъ будто можно было теперь что-нибудь выучить.

Чрезъ часъ Зина подбѣжала ко мнѣ въ шляпкѣ и немного принаряженная, взяла меня подъ руку и мы вышли изъ нашего сада.

Я хотѣлъ идти въ паркъ ближнею дорогою черезъ огороды; но она повела меня улицей, мимо дачи гдѣ жилъ лицеистъ. Я сообразилъ это тогда только когда увидѣлъ его длинную фигуру у калитки

Зина нѣжно оперлась на мою руку и начала болтать мнѣ всякій вздоръ, кокетливо ко мнѣ наклоня-

лась и не обращая никакого вниманія на лицеиста. Онъ поклонился; она едва кивнула ему головой и сейчасъ же опять мнѣ заговорила.

Въ другое время можетъ-быть мнѣ и пріятно было бы все это, особенно послѣ глупой роли, которую я сыгралъ наканунѣ, но теперь мнѣ вовсе было не до самолюбія. Напротивъ, я смутился, мнѣ стало тяжело.

— Зачѣмъ ты меня повела мимо этой дачи? сказалъ я Зинѣ.

— Ахъ, я право не обратила вниманія какъ мы идемъ, отвѣтила она.

— Нѣтъ, ты лжешь, ты повела нарочно, ты хотѣла чтобы насъ съ тобой увидалъ этотъ твой лицеистъ. Какъ вчера меня имъ дразнила, такъ теперь его мною дразнишь: я это навѣрное знаю и вижу.

— Совсѣмъ нѣтъ; и это глупости, проговорила она, пожавъ плечами.

Но я зналъ что правъ и меня это раздражало.

Наканунѣ вечеромъ, во время этого неожиданнаго и волшебнаго объясненія, потомъ, въ долгіе часы моей безсонной ночи, Зина для меня опять была свѣтлою Зиной моего сна, а вотъ теперь этотъ сонъ снова разлетѣлся. Опять та же вѣчная, мучительная, невозможная Зина: вотъ она идетъ и лжетъ. Теперь лицеистъ насъ не видитъ, она говоритъ иначе, совершенно иначе себя держитъ, не кокетничаетъ. А еслибъ онъ показался гдѣ-нибудь, еслибъ онъ могъ насъ видѣть, она опять начала бы гримасничать.

Это было для меня такъ ужасно, что я готовъ былъ ее ненавидѣть. На минуту она стала мнѣ противна.

Я шелъ понуря голову, и хотѣлось мнѣ чтобы какая-нибудь невѣдомая сила на всегда раздѣлила насъ чтобы никогда не видать мнѣ ея, чтобы не знать о ней и не думать.

Мы вошли въ паркъ, забрались въ самую глубь его, свернули съ дорожки. Зина стала искать землянику, а я безцѣльно бродилъ между деревьями. Она принесла мнѣ спѣлыя большія ягоды на вѣточкахъ, она наколола на мою шляпу какіе-то цвѣты и наконецъ объявила что ей хочется отдохнуть, что мы можемъ отлично посидѣть подъ этими деревьями. Было жарко, я снялъ шляпу и прилегъ на мягкой травѣ подъ огромной сосной, надъ которою медленно плыли легкія облака. Со всѣхъ сторонъ дышала лѣтняя жизнь, раздавались тысячи тихихъ лѣсныхъ звуковъ. Зина тоже сняла свою шляпку и положила голову ко мнѣ на колѣни. Я забылъ свою ненависть, свое негодованіе; я опять любилъ ее безумно и мучительно, и не могъ на нее наглядѣться...

Потомъ много разъ сидѣли мы съ нею подъ деревьями этого парка, много разъ ея голова лежала на моихъ колѣнахъ; ея тонкія руки обнимали меня, а я разбиралъ и гладилъ ея волосы, и каждый разъ то же самое мучительное, невыносимое чувство овладѣвало мною. Это были минуты величайшей силы моей любви, но самая-то любовь заключала въ себѣ столько тоски и мученья! Несмотря на нѣжность Зины и ея признаніе, я съ перваго дня любилъ ее *безнадежно,* безо всякой вѣры въ настоящее и будущее.

Если вспомнить день за день все что было со мною въ это лѣто, то вышелъ бы однообразный раз-

сказъ о постоянно возраставшемъ моемъ мученьи, да и развѣ можно разсказать все это? Рѣдкій день проходилъ безъ того чтобы Зина не довела меня до отчаянія. Она играла и забавлялась мною, я сознавалъ это и проклиналъ ее, ненавидѣлъ, а при первой ея ласкѣ снова къ ней возвращался, снова какъ-то ладилъ съ собою. Если мнѣ прежде казалось что та жизнь, какую я велъ до моей поѣздки по Волгѣ, не могла продолжаться, то теперешняя уже дѣйствительно становилась невозможною и я предчувствовалъ что скоро настанетъ всему конецъ, что все это порвется такъ или иначе.

И конецъ пришелъ скоро, даже скорѣй чѣмъ я думалъ.

Наши прогулки, наши волненія замѣчались всѣми. Мама была очень занята это лѣто своими дѣлами по имѣнію, постоянно вела серіозную и непріятную переписку, часто уѣзжала въ городъ и долго ни о чемъ не догадывалась. Что же касается до разныхъ тетушекъ и Бобелинъ, онѣ слѣдили за нами по пятамъ, очевидно желая собрать побольше матеріала и доложить мама длинную и по возможности грязную исторію. Конечно, всего проще бы было запретить наши уединенныя прогулки, строго внушить Зинѣ чтобъ она держала себя иначе и отъ меня отдалялась; но никто этого не рѣшился сдѣлать. Мое положеніе было совсѣмъ особенное въ домѣ. Я считался любимцемъ родителей и пользовался всеобщею если не ненавистью, то по крайней мѣрѣ нелюбовью домочадцевъ. Тетушки хорошо знали что если я захочу чего-нибудь, такъ поставлю на своемъ, могу надѣлать имъ много непріятностей, могу въ

крайнемъ случаѣ вредно для нихъ повліять на мама, а потому всѣ онѣ боялись мнѣ перечить и только меня *ловили*.

Уже прошелъ августъ; недѣли черезъ двѣ мы должны были перебраться въ Москву. Я былъ почти какъ помѣшанный. Зина меня совершенно замучила своими выходками. Въ теченіе перваго мѣсяца она какъ будто забыла думать о лицеистѣ, но вотъ онъ опять ей понадобился какъ вѣрное средство дразнить меня. Она стала съ нимъ кокетничать, и когда я пенялъ ей, самымъ безсовѣстнымъ образомъ клялась что все это мнѣ только кажется, что все я выдумываю. Между нами часто происходили бурныя объясненія. Зина способна была довести меня до страшной злобы, до изступленія. Мысли мои подъ конецъ совсѣмъ спутались, я ужь не боролся съ собою и жилъ только настоящею минутой. Наконецъ я даже пересталъ сдерживаться предъ домашними.

Не объясняя никому причины моего гнѣва на Зину, я сердился на нее при всѣхъ открыто. Зажмуривъ глаза, заткнувъ уши, я какъ будто летѣлъ въ какую-то пропасть и находилъ мучительное наслажденіе въ этомъ отчаянномъ полетѣ.

Вдругъ Зина выдумала новость: она стала отъ меня отдаляться, она отказывалась гулять со мною, и когда я съ ней заговаривалъ, иногда просто мнѣ ничего не отвѣчала. Я раздражался этимъ, требовалъ у нея отвѣта что все это значитъ и, не получая его, окончательно выходилъ изъ себя, бѣсновался,

рвалъ на себѣ волосы. Мои невозможныя отношенія къ Зинѣ превратились просто въ какіе-то болѣзненные припадки.

Какъ-то разъ, въ первыхъ числахъ августа, она промучила меня все утро. Я убѣжалъ въ садъ, въ бесѣдку, и лежалъ тамъ съ горящею головой, ни о чемъ не думая и ничего не понимая. Потомъ вдругъ мои мысли какъ будто просвѣтлѣли; я нѣсколько очнулся, я понялъ наконецъ все свое безуміе. Зина была безнадежна! Мой сонъ оставался сномъ и ушелъ далеко, и никогда ему на яву не повториться. Тотъ свѣтлый и чистый образъ снова сталъ предо мной. Я зналъ что мнѣ нужно наконецъ бѣжать отъ живой Зины, я не могъ любить ее, потому что такая любовь была только позоромъ, а между тѣмъ я все же любилъ ее до сумасшествія...

Вотъ вошла она въ бесѣдку и обняла меня. Я поднялся въ негодованіи и оттолкнулъ ее.

— Уйди отъ меня и не прикасайся ко мнѣ! закричалъ я.—Я ненавижу тебя, ты дьяволъ, ты только хочешь измучить меня и уморить! Ты только умѣешь лгать, притворяться!... Уйди отъ меня и не смѣй мнѣ говорить ни слова, я не хочу тебя знать, не хочу тебя видѣть...

Она потянулась было опять ко мнѣ и я опять оттолкнулъ ее такъ что она зашаталась. Она прислонилась къ стѣнкѣ бесѣдки и громко зарыдала. Я никогда не могъ выносить ея слезъ и рыданій. Я кинулся къ ней, но въ эту самую минуту въ бесѣдку вошла мама. Она остановилась предъ нами съ поблѣднѣвшимъ лицомъ; ея добрые глаза взглянули

на меня съ невыносимымъ упрекомъ, даже какъ будто съ презрѣніемъ.

— Зина, тихо проговорила она, — уйди отсюда, успокойся пожалуста и иди въ свою комнату.

Зина вышла. Мама стояла предо мной все такая же блѣдная и также невыносимо на меня глядѣла.

— Я никакого объясненія не прошу у тебя, сказала она мнѣ. — Я не знаю и знать не хочу что тутъ у васъ, но все это такъ дико, такъ невозможно, что я должна положить этому предѣлъ. Стыдно тебѣ, André, я считала тебя за порядочнаго юношу!

Слезы брызнули изъ ея глазъ и она, удерживая рыданія, быстро вышла изъ бесѣдки...

Я не знаю какъ это устроили, но только въ тотъ день я не видѣлъ Зины, да и никого не видѣлъ.

На слѣдующее утро, когда я сошелъ внизъ, не было ни мама, ни Зины. Катя мнѣ сказала что Зину увезли въ Москву, что ее отдаютъ въ институтъ. Я убѣжалъ къ себѣ, я рыдалъ, хохоталъ, бился головой объ стѣну, ломалъ все что попадалось подъ руку и наконецъ упалъ на кровать въ полномъ изнеможеніи.

V.

Я написалъ все это не вставая съ мѣста, писалъ весь вчерашній день, всю ночь. Madame Brochet принесла мнѣ обѣдъ въ комнату; но я до него и не дотронулся, вотъ онъ такъ и стоитъ въ углу на столѣ. Я не замѣтилъ какъ прошли сутки—я жилъ опять прежнею жизнью, и какое это было счастье чувствовать себя такъ далеко отъ того ужаса, который теперь меня окружаетъ.

Я очнулся когда солнце было уже высоко и заглянуло въ мои открытыя окна, ударило мнѣ прямо въ глаза, разогнало всѣ яркіе, будто снова только сейчасъ, пережитые, годы.

Я подошелъ къ окошку: на меня пахнуло свѣжестью и ароматомъ ясное весеннее утро. Кругомъ знакомыя горы, а впереди синева озера. И вотъ явственно и звонко прошепталъ надо мной Зининъ голосъ. Я закрылъ глаза и увидѣлъ ее, но уже не

дѣвочкой, а такою какой она была нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь, въ этой же комнатѣ, у этого открытаго окошка.

Тоска давить стала; но утомленіе взяло верхъ и надъ тоской, я упалъ въ кресло и заснулъ не раздѣваясь.

Только сейчасъ стукъ въ дверь разбудилъ меня. Это Madame Brochet спрашиваетъ что со мной и предлагаетъ завтракъ. Нужно поскорѣе куда-нибудь спрятать вчерашній обѣдъ: madame Brochet такъ подозрительно на меня смотритъ съ тѣхъ поръ какъ я къ ней вернулся, боюсь—а вдругъ какъ она возьметъ да и попроситъ меня подъ какимъ-нибудь предлогомъ выѣхать изъ ея домика.

Нѣтъ, во что бы то ни стало нужно разогнать ея подозрѣнія. Спрячу обѣдъ, выйду къ ней и буду веселъ...

Все сошло благополучно, я опять могу приняться за работу.

Зина исчезла изъ нашего дома: она была въ институтѣ. Я далъ слово не стараться видѣть ее и сдержалъ свое обѣщаніе. Мало-по-малу я пришелъ въ себя: и Зина, и вся эта безумная исторія стали мнѣ казаться далекимъ бредомъ. Я ни разу не былъ въ институтѣ, а Зину къ намъ не привозили; къ тому же чрезъ годъ въ ея жизни произошла перемѣна: изъ-за границы пріѣхала ея тетка и мама ей передала всѣ права надъ нею. Она взяла Зину изъ института, такъ какъ та ничему тамъ

не училась, и увезла ее съ собою. Зина пріѣзжала къ намъ прощаться; но меня не было дома, да я и не грустилъ объ этомъ...

Прошло шесть лѣтъ и прошли эти года невѣроятно скоро. А теперь такъ я совсѣмъ даже не могу ихъ и вспомнить; мнѣ кажется что совсѣмъ ихъ и не было. Наши продали московскій домъ и переселились въ деревню; я окончилъ курсъ, жилъ въ Петербургѣ одинъ, писалъ свою магистерскую диссертацію и собирался жениться.

Да, жениться. У меня была невѣста, Лиза Горицкая, наша сосѣдка по имѣнію. Мама давно уже грезила объ этой свадьбѣ, и въ послѣднюю поѣздку въ деревню я сдѣлалъ Лизѣ предложеніе. Мнѣ помнится что я тогда былъ счастливъ, мнѣ казалось что я любилъ Лизу. Она была славная и хорошенькая дѣвушка, вѣчно розовая и счастливая, заражавшая всякаго своимъ смѣхомъ и весельемъ. Она была единственная дочь у матери-вдовы, которая ее боготворила. По пріѣздѣ въ деревню я сталъ къ нимъ забираться, благо близко это было, чуть не каждый день, и наконецъ замѣтилъ, что мнѣ безъ Лизы просто скучно. Между тѣмъ недѣли черезъ двѣ мнѣ предстояло возвратиться въ Петербургъ. Сначала это меня очень мало тревожило; но вотъ, какъ-то вернувшись домой отъ Горицкихъ, я вдругъ чрезвычайно смутился при мысли о томъ что какъ же это я останусь одинъ, что какъ же это все опять кончится—не будетъ предо мною ни свѣтлаго лица Лизы, ни смѣшной, добродушной фигуры ея матери, Софьи Николаевны, ни всѣхъ этихъ прошивочекъ, сткляночекъ, шкатулочекъ, которыми такъ любила зани-

маться Лиза. Понялъ я что какъ хорошо было бы если бы все это навсегда со мной осталось.

На слѣдующій день мы гуляли съ Лизой въ лѣсу. Вечеръ былъ удивительный, да и мѣстность прелестная. Мы шли и долго молчали, и я съ каждою минутой убѣждался, что все это такъ хорошо, такъ мило для меня только потому, что идетъ со мной Лиза и что непремѣнно нужно чтобы Лиза всегда шла со мною.

— О чемъ вы думаете? спросила она меня.

Я такъ прямо и сказалъ ей о чемъ думаю. Еслибы зналъ только кто какъ растерялась бѣдная Лиза. Она остановилась, раскрыла на меня сѣрые глаза, но не отняла у меня руку.

— Андрей Николаевичъ, что же это вы такое сказали? растерянно прошептала она,—развѣ можно говорить такія вещи!?..

— Конечно нельзя, если ихъ не думаешь. Но вѣдь вы спросили меня что я думаю, и я откровенно сказалъ вамъ, и теперь опять это повторяю и хочу чтобъ и вы такъ же откровенно сказали мнѣ то, что вы думаете.

Быстро, быстро разгораясь залилъ румянецъ все лицо Лизы. Я смотрѣлъ, не отрываясь, на это лицо; я видѣлъ эти быстрыя измѣненія въ его выраженіи; я замѣчалъ какъ безконечно хорошѣетъ Лиза съ каждою новою секундой.

— Ахъ, невольно сорвалось у нея,—что же это такое?! Ну да что жъ, я не стану лгать, Андрей Николаевичъ: эти два мѣсяца мнѣ показались не то минутой, не то двумя годами... Мнѣ кажется что я

всегда васъ знала и никогда я не была такъ счастлива какъ въ это время. Еще сейчасъ я не знала что такъ счастлива, и теперь, только сію минуту поняла это,—вотъ что я могу вамъ сказать...

На ея глазахъ блестѣли слезы.

Я крѣпко сжалъ ей руки, молча смотрѣлъ на нее. Невольное движеніе влекло меня обнять и прижать къ своей груди эту милую, раскраснѣвшуюся, такъ дѣтски и въ то же время серіозно смотрящую на меня дѣвушку; но я удержался.

Мы пошли дальше и во все время молчали. Мы не знали какъ вышли изъ лѣсу, не помнили какъ вернулись домой, къ Софьѣ Николаевнѣ.

Она сидѣла на обросшемъ плющемъ балконѣ и хотѣла что-то сказать намъ, но вдругъ взглянула на Лизу и остановилась.

— Матушка, что съ тобой, что это у тебя за лицо? проговорила она наконецъ.

Лиза бросилась къ ней на шею и заплакала.

— Да что такое, что? повторяла Софья Николаевна, тоже вся вспыхивая и нѣсколько лукаво смотря на меня.

— Нѣтъ, я не могу, не могу. Его спроси, пусть онъ скажетъ, захлебываясь слезами шептала Лиза.

Я хотѣмъ говорить, но у меня пересохло въ горлѣ и слова не давались.

— Да не нужно не нужно, поняла я васъ! тихо сказала Софья Николаевна, протягивая мнѣ руку...

Вотъ этотъ вечеръ я вижу ясно предъ собою, а потомъ все опять въ туманѣ. Скоро я уѣхалъ въ

Петербургъ работать надъ диссертаціей. Свадьбу по настоянію Софьи Николаевны, отложили до весны. Къ Рождеству ждали меня въ деревню...

По утрамъ я часто ходилъ въ Эрмитажъ и проводилъ тамъ нѣсколько часовъ предъ своими любимыми картинами. Какъ-то въ серединѣ декабря, стоялъ я у Тиціановской Магдалины и вдругъ замѣтилъ въ ней одно поразившее меня сходство, не въ чертахъ лица, нѣтъ, но что-то въ выраженіи напомнило мнѣ Зину въ иныя ея минуты.

Измученная, вдохновенная, раскаивающаяся, облитая слезами женщина, созданная Тиціаномъ, и Зина! —кажется что могло быть общаго?.. А между тѣмъ сходство дѣйствительно поражало. Точно съ такимъ же выраженіемъ я помню Зину въ двѣ, три минуты, когда она блѣдная, вся въ слезахъ, являлась предо мною и оплакивала свои проступки и раскаивалась, и просила у меня прощенья.

Въ подобныя минуты она была всегда искренна и совсѣмъ не походила на ребенка. Теперь я очень рѣдко думалъ о Зинѣ, но это внезапно найденное мною сходство вернуло къ ней мои мысли и я сталъ о ней думать. Мнѣ хотѣлось увидѣть ее, такъ, мелькомъ, чтобы только посмотрѣть что съ ней теперь сталось...

И вдругъ я ее увидѣлъ.

Высокая, стройная женщина подошла ко мнѣ и положила мнѣ на плечо свою руку. Я съ изумле-

ніемъ обернулся, растерянно взглянулъ на нее и сразу узналъ въ ней Зину.

Она очень мало измѣнилась; пятнадцатилѣтняя дѣвочка была не похожа на ребенка; а теперь въ двадцать одинъ годъ она осталась такою же. Еще за минуту передъ тѣмъ, когда я уже о ней думалъ и во всѣхъ подробностяхъ вспоминалъ лицо ея, мнѣ не было ни страшно, ни больно отъ этихъ воспоминаній, я оставался спокойнымъ; все это такъ давно прошло и ничего общаго не могло быть между тѣмъ временемъ и моею теперешнею жизнью. А тутъ, только-что, живая Зина подошла ко мнѣ, только-что взглянула она на меня и я взялъ ее за руку, какъ разомъ уничтожилось все пространство времени въ шесть лѣтъ, прошедшее съ послѣдняго нашего свиданія. Прежде еще чѣмъ я созналъ это, я уже былъ тѣмъ же самымъ несчастнымъ человѣкомъ, какимъ бывалъ всегда въ ея присутствіи. Она опять владѣла мною; прежній воздухъ дохнулъ на меня и я опять мучился.

— Ты знаешь André, заговорила Зина прежде чѣмъ я могъ произнести слово,—я здѣсь не случайно, я была у тебя. Мнѣ сказали что ты въ Эрмитажѣ и я отправилась искать тебя. Ты мало измѣнился,—ну а я какъ?

— Да и ты мало измѣнилась. Скажи, какъ ты здѣсь, на долго ли? Что ты дѣлаешь, что съ тобою? Все скорѣе разскажи мнѣ.

И она стала мнѣ разсказывать. Ея тетка умерла, она опять одна съ очень маленькими средствами. Она еще не знаетъ что будетъ дѣлать, гдѣ будетъ жить.

А теперь остановилась въ домѣ своего бывшаго опекуна, одного стараго генерала.

— Можно къ тебѣ? спросилъ я.

— Конечно, разумѣется, пойдемъ сейчасъ! Ты увидишь моего генерала, отличный старикашка, страшно богатъ и влюбленъ въ меня.

Мы поѣхали.

Генералъ былъ дома. Зина меня сейчасъ представила какъ родственника и стараго друга дѣтства. Впрочемъ онъ зналъ мою мать и встрѣтилъ меня необыкновенно любезно.

Зина пріѣхала въ Петербургъ два дня тому назадъ, прямо къ генералу, съ которымъ заранѣе списалась.

Кажется тутъ не было ничего страннаго и непонятнаго: пожилой человѣкъ, товарищъ и даже родственникъ ея отца, ея бывшій опекунъ, конечно она имѣла полное основаніе у него остановиться; но мнѣ сразу показалось въ домѣ этомъ что-то странное. Самъ генералъ не представлялъ ничего интереснаго: ему на видъ казалось лѣтъ за пятьдесятъ пять, когда-то вѣрно онъ былъ очень красивъ и теперь еще на его старомъ лицѣ оставались слѣды этой красоты. Къ тому же онъ тщательно собою занимался. Его сѣдые порѣдѣвшіе волосы были необыкновенно аккуратно расчесаны, усы надушены, одежда изыскана.

Онъ называлъ Зину своею дорогой дѣвочкой и обращался съ нею какъ нѣжный отецъ; она же относилась къ нему довольно презрительно и почти въ глаза надъ нимъ смѣялась.

Я узналъ, что генералъ еще прежде, раза два, проводилъ лѣто у Зининой тетки. Зина сказала мнѣ что онъ влюбленъ въ нее, и черезъ четверть часа я уже отлично понялъ что она сказала правду: подъ отеческой нѣжностью старика видно было другое чувство.

Мнѣ все это показалось очень безобразно, мнѣ захотѣлось чтобы Зина поскорѣй куда-нибудь уѣхала—все равно куда, только подальше бы отъ этого генерала.

Наконецъ мы остались съ ней вдвоемъ.

— Ну, какъ тебѣ понравился старикашка? спросила она меня.

— Что-жъ въ немъ особеннаго? Ничего... только это кажется правду ты сказала, что онъ влюбленъ въ тебя, и это мнѣ очень не нравится.

Она засмѣялась.

— Что же тутъ такого? Совершенно въ порядкѣ вещей! Еще бы онъ въ меня не влюбился!... давно ужь вздыхаетъ! Еще третьяго года, лѣтомъ, въ деревнѣ... И еслибы ты зналъ какъ все это смѣшно!... У меня вѣдь тамъ, что ни день, то новый женихъ являлся, и старикъ ко всякому ревновалъ меня. Еслибы не онъ, такъ я, кажется, умерла бы отъ скуки!

— Такъ у тебя много было жениховъ, сказалъ я;—отчего же ты до сихъ поръ не вышла замужъ?

Она взглянула на меня и лицо ея вдругъ стало серьезно.

— Да сама не знаю, проговорила она.

— Неужели тебѣ никто не нравился?

— Какъ не нравился, многіе нравились, даже влюблялась. Одинъ разъ совсѣмъ была готова выйти замужъ, но только что этотъ господинъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, какъ вдругъ, въ одну минуту, онъ мнѣ опротивѣлъ. Просто тошно было мнѣ смотрѣть на него! Да еслибы тогда и вышла замужъ, такъ можетъ-быть единственно только для того чтобы подразнить генерала.

Это была прежняя, не измѣнившаяся Зина.

Намъ было о чемъ поговорить съ ней, и мы говорили много, но оба тщательно избѣгали возвращаться къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ. Кромѣ Зининаго признанія объ ея отношеніяхъ къ женихамъ между нами не было сказано ни одного настоящаго, искренняго слова. Говорили обо всемъ, но не говорили о самомъ важномъ.

— А знаешь, вѣдь мнѣ сказали что ты собираешься жениться, правда ли это? спросила у меня Зина.

— Кто же тебѣ могъ сказать?

— Это все равно, только сказали. Правда ли это?

— Нѣтъ, не правда, отвѣтилъ я и отвѣтилъ искренно: я теперь зналъ что не женюсь, я зналъ что моя жизнь опять разрушена и опять началось новое.

— А я такъ можетъ-быть очень скоро выйду замужъ, шепнула Зина, прощаясь со мною.

— За кого? спросилъ я.

— За генерала.

Она смѣялась, но какимъ-то неестественнымъ смѣхомъ, отъ котораго у меня прошелъ морозъ по кожѣ.

Я вышелъ отъ нея опять въ туманѣ, опять измученный и недоумѣвающій.

VI.

Прошло два дня и эти два дня я не выходилъ изъ дома. Я бродилъ по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, не знаю даже думалъ ли я что-нибудь. Я только понималъ что снова началась старая болѣзнь и все чѣмъ жилъ я до сихъ поръ, чѣмъ жилъ еще нѣсколько часовъ тому назадъ, ушло отъ меня, потеряло для меня всякій смыслъ.

Я не могъ дотронуться до моей диссертаціи, не могъ никого видѣть—предо мной была только Зина.

Но я не шелъ къ ней, я чувствовалъ что мнѣ до новаго свиданія съ нею предстоитъ еще одно тяжелое дѣло. Мнѣ страшно было приступить къ этому дѣлу, и не зналъ я какъ приступлю къ нему, и тянулъ часъ за часомъ.

Но на второй день вечеромъ я вдругъ и неожиданно для самого себя написалъ письмо моей невѣстѣ. Не помню что именно писалъ я ей, только она конечно не могла обмануться въ значеніи письма этого: я навсегда прощался съ нею.

Какъ въ туманѣ вышелъ я изъ дома, самъ опустилъ письмо въ ящикъ и потомъ долго бродилъ по улицамъ, не зная куда дѣваться отъ тоски, которая меня душила...

Что такое я сдѣлалъ? Развѣ возможенъ подобный поступокъ и развѣ нуженъ онъ? Можетъ-быть все это и ничто иное какъ безуміе минуты, и вотъ минута пройдетъ, я очнусь, вернусь къ дѣйствительной жизни, а между тѣмъ все ужь будетъ кончено.

Было даже мгновеніе когда я хотѣлъ писать Лизѣ другое письмо, умолять ее простить бредъ мой, но сейчасъ же, и уже сознательно, понялъ я что все между нами кончено. Предо мной выросли и освѣтились двѣ фигуры: какъ живыя стояли онѣ — и Лиза и Зина, и ясно и отчетливо я видѣлъ всю разницу между ними; я понималъ до какой степени чище и прекраснѣе Лиза. Я увидѣлъ все то зло, весь тотъ мракъ и ужасъ, которые дышали отъ другаго образа, стоявшаго предо мною. И между тѣмъ этотъ образъ, едва появившись, ужь увлекалъ меня, отрывалъ отъ того, въ чемъ я могъ бы найти свое счастье.

Лиза и Зина! Боже мой!.. Но дѣло въ томъ что я бѣжалъ не къ Зинѣ, а къ призраку моего воображенія, почему-то связанному съ Зиной.

И снова безумно любилъ я этотъ призракъ, и сила любви моей была такова, что скоро заставила

замолчать совѣсть и выгнала изъ меня все тихое счастливое чувство, которымъ жилъ я въ послѣдніе мѣсяцы...

Все больше и больше запутывающійся въ своихъ мысляхъ и чувствахъ, незамѣтно заснулъ я, но и во снѣ со мной была опять Зина, только ужь не двоилась: она была одна—та самая какою я видѣлъ ее въ давно прошедшіе годы. Опять мы были съ нею въ старомъ волшебномъ домѣ, опять выходили въ садъ залитый солнечнымъ свѣтомъ и опять радость разливалась въ душѣ моей, и опять понималъ я это прекрасное созданіе, которое было рядомъ со мною. Мы снова неслись впередъ, среди ликующей природы, подъятые одной мыслью, однимъ чувствомъ. Мы не задавали другъ другу никакихъ вопросовъ, и всякій вопросъ, становившійся предъ нами, разрѣшали вмѣстѣ: и какое наслажденіе было въ этой общей работѣ!

Я помню что снова явилось въ мельчайшихъ подробностяхъ все что когда-либо волновало меня въ жизни, что неясно жило во мнѣ: и все это было понятно сразу моей спутницѣ. На все она откликнулась, и въ ней самой, въ ея недоговоренныхъ мысляхъ, невыраженныхъ чувствахъ я тоже все понялъ и разъяснилъ ей...

Проснулся я безъ тоски и страха. Меня ужь не страшили трудности: я долженъ найти все; я долженъ сорвать съ души ея эту уродливую оболочку, въ которую она прячется; я долженъ разбить колдовство и чары, долженъ освободить изъ неволи, вырвать изъ грязи эту прекрасную душу. Тяжелая, трудная задача! Но награда, которую получу я, на-

града, показанная мнѣ въ чудныхъ пророческихъ снахъ, такъ высока что было бы безумствомъ отказаться отъ этой задачи; да и развѣ это возможно?..

Итакъ, я былъ снова свободенъ; мнѣ казалось, что новая жизнь началась. Я отправился къ Зинѣ. „А вдругъ даже и борьбы никакой не надо, безумно думалось мнѣ; вдругъ это волшебное счастье уже готово и ждетъ меня? и я не разглядѣлъ его при встрѣчѣ съ нею только потому что помнилъ страшное, больное время моей юности“.

Зина была одна въ квартирѣ генерала. Она встрѣтила меня кякъ любимаго брата, сказала мнѣ, что давно ждетъ меня и что еслибъ я не пришелъ, она сама ко мнѣ отправилась бы. Я смотрѣлъ на нее и съ каждою минутой росла во мнѣ увѣренность что сонъ мой начинаетъ сбываться. Я забылъ о генералѣ, о дикой ея фразѣ, да и какъ было не забыть мнѣ. Зина не напоминала.

Я разглядѣлъ ее теперь хорошенько. Я увидѣлъ ее скромною, ласковою дѣвушкой. Во мнѣ осталось отъ нея впечатлѣніе чего-то ужаснаго, мучительнаго, а вотъ она предо мною, и столько въ ней простоты и искренности! На этотъ разъ она много говорила: разсказывала мнѣ всю свою жизнь за эти шесть лѣтъ, вспомнила свою тетку. На глазахъ ея показались слезы когда она говорила объ ея смерти. Она тоже разспрашивала меня про нашихъ, съ такою любовью припоминала мама, Катю, всѣ свѣтлые дни въ нашемъ домѣ.

Еслибъ я могъ забыть прошлое, еслибы могъ забыть весь тотъ мракъ и ужасъ, я былъ бы вполнѣ счастливъ. Но вѣдь я не могъ забыть этого. Это воспоминаніе отравляло всю прелесть нашего свиданія; съ нимъ нужно было покончить. Мнѣ было тяжело начать, но я рѣшился.

— Зина, сказалъ я,—мы вспоминаемъ все хорошее; но вѣдь столько было дурнаго. Забыть его невозможно. Я не забылъ, и ты вѣдь не забыла?

Зина подняла на меня свои молчащіе и теперь совсѣмъ тихіе глаза и протянула мнѣ руки.

— Его можно забыть, André, и должно. Это была дѣтская и глупая исторія.

И мнѣ показалось, что дѣйствительно это была дѣтская и глупая исторія, что такъ на нее и смотрѣть нужно и что только я, одинъ я, виноватъ въ ней. Должно-быть я тогда просто выдумалъ эту страшную Зину, напрасно измучилъ себя и ее, омрачилъ ея дѣтскіе дни и безобразно былъ виноватъ предъ нею.

Я искренно и горячо сталъ просить у ней прощенья.

— Если ты былъ виноватъ предо мною, то я давно, давно ужь тебя простила, сказала мнѣ Зина.— Еслибъ я не простила тебя, развѣ бы такъ встрѣтилась я съ тобою? Я помню только одно хорошее, я помню моего милаго Андрюшу. Поди ко мнѣ, поцѣлуй меня, будь моимъ другомъ; мнѣ очень нужно друзей, у меня ихъ нѣтъ...

Она наклонилась ко мнѣ, она обняла меня и спрятала свою голову на груди моей. Отъ нея вѣяло грустью и тихою лаской.

„Вотъ какъ все это разрѣшилось, радостно думалъ я; какимъ же былъ я всегда безумнымъ и какое безконечное счастье что она теперь пріѣхала."

Но, странное дѣло, мысль о томъ, что можетъ быть эта настоящая, новая Зина, Зина души моей, меня не любитъ и не полюбитъ такъ какъ я ее, не приходила мнѣ въ голову.

Мы говорили съ нею какъ братъ съ сестрой, мы признавали ту старую, страшную исторію прошедшею и оконченною. Все придетъ, все теперь сбудется, все ужь близко, чувствовалъ я, и все уходило въ настоящую минуту.

— Такъ ты не женишься? вдругъ спросила Зина.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ я.

— Однако это странно! Я все знаю изъ вѣрнаго источника, изъ писемъ твоей сестры Кати къ одной моей пріятельницѣ. Разскажи же мнѣ все.

Я сказалъ ей что точно былъ женихомъ, но что дѣло разстроилось.

— Давно?

— Недавно.

— Можетъ быть вчера?

— Можетъ быть и вчера, опять спокойно повторилъ я.

Въ это время я сидѣлъ въ креслѣ, а Зина ходила по комнатѣ. Она сзади подошла ко мнѣ, старымъ, памятнымъ мнѣ движеніемъ спутала мои волосы и наклонившись прижалась къ моему лбу влажными, горячими губами.

Я быстро поднялъ голову. Надо мной мелькнула знакомая, злая, мучительная улыбка, но я подумалъ, что мнѣ она почудилась только, тѣмъ болѣе, что въ

лицѣ Зины чрезъ секунду ужь ничего не осталось отъ этой улыбки.

— Обѣдай сегодня со мною, сказала мнѣ Зина:— я одна весь день, генералъ въ своемъ клубѣ. Отъ многаго я его ужь отучила, но отъ клуба отучить никакъ не могу, даже меня одну сегодня рѣшился оставить, а это для него много.

— Что-жь, когда же твоя свадьба съ генераломъ? смѣясь спросилъ я (я искренно смѣялся).

— Когда тебѣ угодно, тоже засмѣялась Зина.

— Такъ это вздоръ?

— Господи, конечно вздоръ, и не будемъ пожалуйста говорить объ этихъ глупостяхъ!

— Зачѣмъ же ты тогда мнѣ сказала? Знаешь, вѣдь ты меня испугала...

— Вольно же тебѣ пугаться. Мало ли что я болтаю. Если будешь вѣрить всякому моему слову, такъ я пожалуй запугаю тебя до смерти...

Весь день мнѣ пришлось знакомиться съ Зиной все въ ней было ново, поражало меня и радовало.

Когда мы рѣшили, что я остаюсь обѣдать, она повела меня въ свои комнаты, которыя были почти ужь устроены. Она показала мнѣ всѣ свои работы и наконецъ развернула предо мною большой альбомъ съ рисунками.

— Кто это рисовалъ? спросилъ я.

— Я, улыбаясь отвѣтила она.—Видишь, кое-что хорошее осталось отъ того времени. Это ты заставилъ меня полюбить живопись. Таланта Богъ мнѣ

не далъ особеннаго, но посмотри, увидишь что все что могла я сдѣлать—сдѣлала.

Я жадно принялся разсматривать рисунки. Еслибъ я могъ быть тогда хладнокровнымъ, то замѣтилъ бы что она далеко не сдѣлала всего что могла сдѣлать, потому что рѣдкій рисунокъ былъ оконченъ. Иной разъ отдѣльныя части были не только что не дорисованы, но даже перерисованы, а остальное совсѣмъ брошено. Вообще это была коллекція самыхъ безалаберныхъ рисунковъ; но тогда я не могъ этого замѣтить. Я разсматривалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Вотъ бросился мнѣ въ глаза между ними набросокъ мужской головы, въ которой я нашелъ сходство съ собою.

— Это ты меня? спросилъ я.

— А ты узналъ? Вотъ лучшая похвала мнѣ!.. только нѣтъ, не смотри, ужасно плохо... Знаешь, я часто вспоминала, но рѣдко могла хорошенько вспомнить лицо твое. Одинъ только разъ оно представилось мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и вотъ тогда принялась я за этотъ рисунокъ...

Послѣ альбома я подошелъ къ этажеркѣ съ книгами. Бывшая лѣнивая, никогда не учившаяся и ничѣмъ не интересовавшаяся, Зина привезла съ собою лучшія произведенія художественной литературы, серьезныя историческія сочиненія, нѣсколько книгъ по естественнымъ наукамъ.

— И ты прочла все это? спросилъ я.

— Даже не разъ, отвѣтила она совершенно просто,—это все мои любимыя книги.

— Такъ ты любишь чтеніе?

— Ужасно. Только училась я мало, такъ какъ-то

вся жизнь до сихъ поръ безалаберно вышла. Ну да теперь, если останусь здѣсь, ты мнѣ во многомъ поможешь. Ахъ, какъ много мнѣ еще нужно! Но что же говорить обо мнѣ, еще наговоримся; ты про себя мало говоришь, а мнѣ такъ интересно знать твои планы.

Я сталъ ей разсказывать; она жадно меня слушала, она интересовалась всѣмъ, каждою моею мыслью. Заговорила она и о своей живописи: оказалось что она провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Италіи, осмотрѣла тамъ все достойное вниманія. Съ жаромъ говорила она о многихъ видѣнныхъ ею картинахъ. Потомъ разсказала, какъ тайкомъ уѣхала отъ тетки изъ Мюнхена въ Дрезденъ, чтобы только взглянуть на Сикстинскую Мадонну.

— И знаешь, я три дня прожила предъ этою картиной. Приходила рано утромъ и уходила когда запирали галлерею. И сначала она мнѣ не понравилась, ничего я не нашла въ ней, но за то потомъ ужь не могла оторваться. Это были чудные дни какой-то новой жизни, я неслась куда-то... Вѣдь помнишь... знаешь,—она на воздухѣ вверхъ несется и поднимаетъ съ собою всякаго кто умѣетъ смотрѣть на нее и понимать ее. Но чтобы понять, нужно превратиться въ ребенка; я такъ и сдѣлала, и можетъ быть никогда я не была такимъ ребенкомъ какъ тогда, когда смотрѣла на эту картину!

Она стала подробно, передавать мнѣ свои ощущенія, и я жадно ловилъ ихъ и наслаждался тѣмъ что она повторяла мои собственныя мысли.

И это говорила она, та самая Зина, которую когда-то называли глупенькою. Она поняла тайну пре-

красного и высокаго, поняла что для того чтобы восхититься Мадонной и постичь ее, нужно превратиться въ ребенка, то-есть очиститься сердцемъ.

Я не замѣчалъ какъ шло время. Я пробылъ у нея до поздняго вечера.

Генералъ вернулся, звалъ насъ въ театръ съ собою, но мы отказались, и онъ отправился одинъ. Я сталъ было искать въ немъ, въ выраженіи лица его неудовольствія, ревности, но ничего не замѣтилъ. На этотъ разъ это былъ только добродушный старикъ. Значитъ все мнѣ пригрезилось и только сегодня я проснулся. Зина ни однимъ словомъ, ни одною миной не нарушала моего впечатлѣнія, и я наконецъ ушелъ отъ нея совсѣмъ успокоенный, ни въ чемъ не сомнѣвающійся. На душѣ у меня было свѣтло и весело; мнѣ казалось что все кругомъ меня прекрасно, даже сѣрый петербургскій вечеръ съ грязью и оттепелью.

VII.

Madame Brochet рѣшительно меня преслѣдуетъ. Я не могъ спокойно прожить нѣсколько часовъ за моею работой. Едва забудусь, едва уйду въ свои воспоминанія, едва замолчитъ эта невыносимая тоска, тоска ожиданія, какъ уже раздается стукъ въ двери и вкрадчивый голосъ шепчетъ:

— Monsieur, que faites vous toujours dans votre chambre, l'air est si doux ce soir... allez donc, faites une promenade dans les montagnes...

И я чувствую въ то же время что зоркій глазъ наблюдаетъ за мною въ замочную скважину.

Я залѣпилъ скважину воскомъ, и это не помогаетъ. Madame Brochet стала подсматривать за мною чрезъ окна. Теперь цѣлый день у меня спущены занавѣски, такъ она пустилась на новую хитрость, —подослала ко мнѣ свою Алису. Вотъ она только что ушла отъ меня.

Она явилась такая свѣженькая, хорошенькая, въ только что выглаженномъ платьицѣ, съ вѣчною черною бархаткой на шеѣ.

Она принесла мнѣ букетъ первыхъ цвѣтовъ, и я не въ силахъ былъ отъ нея отдѣлаться...

Мнѣ еще невыносимѣе стало при взглядѣ на Алису: эта свѣжесть, здоровый румянецъ, эта жизнь, полудѣтскія улыбки.... здѣсь, рядомъ со мною, въ этой комнатѣ, гдѣ все... смерть!... Я совсѣмъ растерялся.

Алиса сейчасъ же стала допытываться: чѣмъ я такимъ занятъ, что такое пишу...

Я отвѣтилъ ей что пишу романъ и тороплюсь ужасно. Она посмотрѣла мою рукопись, выразила сожалѣніе что не понимаетъ по-русски и кажется удовлетворилась моимъ объясненіемъ. Я уже думалъ что все сошло благополучно, но мнѣ предстояло большое испытаніе: Алиса вдругъ пристально посмотрѣла на меня, вся вспыхнула и залпомъ проговорила:

— Et que fait Madame? Où est elle maintenant?... Est ce que nous ne reverrons pas Madame?...

Вотъ къ чему клонился букетъ первыхъ цвѣтовъ! При словѣ „Madame“ я невольно вздрогнулъ и не могъ справитъся съ собою? А хитрая дѣвочка такъ и впилась въ меня глазами.

— Madame est à Paris... je vien de la quitter, прошепталъ я, едва ворочая сухимъ языкомъ.

Вѣрно Алиса поняла что больше отъ меня ничего не добьется или испугалась что ли моего лица, только не стала меня мучить и удалилась... Боже мой, что жь тутъ такого, что меня про нее спросили?!

а вотъ будто новый страшный ударъ разразился надо мною... Скорѣе, скорѣе опять за работу!..

Счастливый и безумный, не имѣвшій даже времени думать и мечтать о будущемъ въ этомъ нахлынувшемъ на меня счастьи, я бросилъ мои работы и проводилъ почти всѣ дни съ Зиной и у Зины. Ея генералъ пересталъ смущать меня; я теперь началъ находить его очень милымъ старикомъ и необыкновенно радушнымъ хозяиномъ.

Но мое счастіе было непродолжительно. Какъ-то, на святкахъ, придя къ Зинѣ, я засталъ у нея нѣсколько новыхъ лицъ, присутствіе которыхъ сразу отравило мою радость.

Это были именно такіе люди, которыхъ мнѣ невыносимо было видѣть рядомъ съ Зиной. Вопервыхъ, бывшая Сашенька, теперь Александра Александровна, одна изъ воспитанницъ мама, существо пустоты необыкновенной, пріобрѣтшее себѣ въ Петербургѣ самую плохую репутацію и самаго непристойнаго мужа. Потомъ эти такъ-называемые Коко и Мими, два моихъ университетскихъ товарища, не кончившіе курса студенты, износившіеся и истрепавшіеся шалопаи. Они оба были въ какомъ-то дальнемъ родствѣ съ генераломъ.

Но хуже и отвратительнѣе всего было то что за ними, изъ полутемнаго угла Зининаго будуара, на меня глянуло слишкомъ знакомое лицо съ гладко причесанными черными волосами, вылѣзшими бакен-

бардами и зеленоватыми кошачьими глазами, прячущимися подъ блестящими стеклами pince-nez.

Это былъ Рамзаевъ.

Рамзаевъ!... Нѣтъ, я во что бы то ни стало долженъ успокоиться, долженъ хладнокровно припомнить этого человѣка съ самаго начала. Вѣдь онъ прошелъ чрезъ всю жизнь мою...

Появленіе Вани Рамзаева въ нашемъ домѣ—одно изъ первыхъ воспоминаній моего дѣтства.

Я помню, его привезли въ Москву изъ какой-то деревенской глуши, привезла мать, заплывшая жиромъ женщина въ чепцѣ съ удивительными лентами. Она приходилась мама какою-то кумой, была мелкопомѣстная дворянка, получала послѣ смерти мужа маленькую пенсію и имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей. Старшихъ дочерей пристроила по сосѣдству, а вотъ Ваню, своего единственнаго сына, намѣревалась отдать въ столичное учебное заведеніе. Явилась она тогда къ намъ, по давнему обычаю всѣхъ нашихъ отдаленныхъ родственниковъ и деревенскихъ сосѣдей, совершенно неожиданно, не освѣдомившись согласна ли будетъ мама принять подъ свое покровительство ея сына. Впрочемъ къ чему ей было и освѣдомляться объ этомъ: всѣ знали мама, знали что еще никогда, никому въ жизни она ни въ чемъ не отказывала. Помню, этой неожиданной гостьѣ немедленно же отвели комнату въ нашемъ домѣ, приставили къ ней горничную; помню какъ въ тотъ же день мама куда-то уѣхала и вернулась со всевоз-

можными покупками для пріѣзжихъ. Въ дѣвичьей стали шить и кроить всякое бѣлье и костюмчики для Вани.

Ему тогда было лѣтъ ужь двѣнадцать, а мнѣ лѣтъ пять. Я его очень не взлюбилъ въ первое время: онъ ужасно сопѣлъ, и это почему-то особенно мнѣ въ немъ не нравилось. Отлично я помню это сопѣнье, но затѣмъ на нѣсколько лѣтъ воспоминанія мои какъ-то прекращаются. Я помню его опять ужь гимназистомъ старшихъ классовъ. Онъ былъ пансіонеромъ, являлся къ намъ по праздникамъ и часто все лѣто проживалъ у насъ въ Петровскомъ: не ѣздилъ въ далекую деревню къ матери.

Онъ ужь больше не сопѣлъ и мой взглядъ на него совершенно измѣнился. Теперь онъ мнѣ казался самымъ лучшимъ, самымъ привлекательнымъ существомъ во всемъ мірѣ. Я считалъ его своимъ закадычнымъ другомъ и эта дружба мнѣ необыкновенно льстила, такъ какъ я все же былъ еще маленькимъ мальчишкой, носилъ еще широкіе панталончики, обшитые кружевами, а онъ былъ длинненькимъ, тоненькимъ юношей въ гимназическомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ.

Его появленіе каждую субботу производило восторгъ не въ одномъ мнѣ; и все остальное дѣтское населеніе нашего дома встрѣчало его съ распростертыми объятіями. Съ субботы и до понедѣльника, благодаря ему, у насъ обыкновенно начиналось самое волшебное времяпровожденіе. Онъ каждый разъ приносилъ съ собою какія нибудь вещицы необыкновенной важности, какъ мнѣ тогда казалось: то хитро сдѣланную коробочку, то чудесно разрисован-

ную картинку, то резинку, доведенную до такого состоянія что она, будучи какъ-то особенно сложена и затѣмъ надавлена, очень громко щелкала. Всѣ эти удивительныя вещи приносились имъ мнѣ въ даръ и въ концѣ концовъ составляли въ моемъ шкапу огромный складъ.

Бывало, насладившись новою принесенною имъ вещью мы ожидали отъ него какой-нибудь игры или забавы, и онъ всегда удовлетворялъ нашимъ требованіямъ: то дѣлалъ намъ изъ фольги ордена и звѣзды, мастерилъ изъ чего попало военные костюмы, ставилъ насъ въ шеренги, начиналъ нами командовать, и мы бѣгали по залѣ, хоромъ распѣвая:

Какъ-то разъ передъ толпою
Соплеме́нныхъ горъ...

Особенный азартъ и восторгъ начинался со словъ:

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Поднимая пыль.

И мы мчались и мчались изъ комнаты въ комнату, поднимая такой гвалтъ и пыль, что подъ конецъ даже долготерпѣливая мама заставляла насъ перемѣнить игру.

Я начиналъ конечно, возражать, а дѣвочки начинали плакать, но Ваня всегда умѣлъ подслужиться и намъ, и мама. Онъ объявилъ что дѣйствительно нужно кончить и что онъ придумаетъ что-нибудь новое и еще болѣе интересное. Мы ему вѣрили, снимали съ себя бранные доспѣхи и ждали что такое будетъ.

— Хотите я вамъ разскажу сказку? спрашивалъ онъ.

— Хорошо, хорошо!

Мы усаживались вокругъ него въ диванной на широкихъ подушкахъ, облѣпляли его со всѣхъ сторонъ и жадно принимались слушать.

Зимніе сумерки незамѣтно надвигались; по большимъ нашимъ комнатамъ стояла тишина; только издали, въ столовой, слышались приготовленія къ обѣду: тамъ стучали ножами и вилками, тамъ непремѣнно летѣла на полъ и разбивалась тарелка. Но мы не обращали ни на что вниманія и только слушали нашего друга.

Ваня разсказывалъ намъ удивительныя сказки; онъ въ то время прочелъ всю Шехеразаду и бралъ свои сюжеты обыкновенно изъ *Тысячи и одной ночи*. Подъ конецъ онъ всегда начиналъ черезчуръ увлекаться, вдавался въ подробности имъ самимъ выдуманныя и иногда до того ни съ чѣмъ несообразныя, что я долженъ былъ его останавливать и требовать всякихъ объясненій. Эти остановки нарушали гармонію въ нашемъ кружкѣ: дѣвочки на меня накидывались и обвиняли въ томъ что я только мѣшаю.

Онѣ больше любили самый процессъ разсказа, страшныя сцены, и имъ не было ровно никакого дѣла до послѣдовательности; онѣ умѣли слушать, особенно Катя, съ разинутымъ ртомъ, съ остановившимися и впившимися въ разкащика глазами; онѣ никогда не прерывали и только по временамъ вздыхали и даже вздрагивали отъ полноты чувства.

Я тоже слушалъ очень внимательно и, можетъ-быть, тоже съ разинутымъ ртомъ, я всецѣло ухо-

дилъ въ фантастическій міръ изображаемый краснорѣчивымъ Ваней, но могъ оставаться въ этомъ мірѣ и находиться подъ его обаяніемъ только тогда когда въ разсказѣ не было никакихъ несообразностей. Малѣйшая фальшивая нота меня выводила изъ очарованія, я возмущался и конечно молчать не могъ.

Какъ бы то ни было, съ перерывами или безъ перерывовъ, но сказка продолжалась. Вотъ сумерки совсѣмъ уже сгустились, вотъ въ гостиной и залѣ раздаются шаги скрипящихъ сапогъ; лакеи зажигаютъ лампы. Вотъ буфетчикъ входитъ наконецъ въ нашу диванную и охрипшимъ отъ вѣчнаго пьянства голосомъ объявляетъ:

— Пожалуйте въ столовую, кушать подано!

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчаемъ мы въ одинъ голосъ и начинаемъ упрашивать Ваню докончить поскорѣй. Мы знаемъ что минутъ пять, а можетъ-быть даже и десять, въ нашемъ распоряженіи, что можно дожидаться вторичнаго зова. Мы въ такомъ возбужденіи, мы такъ хотимъ узнать скорѣе конецъ! Но Ваня намъ не внемлетъ: онъ пуще всего боится получить выговоръ.

— Послѣ обѣда доскажу, а теперь ни за что! твердо отвѣчаетъ онъ намъ на всѣ наши умаливанія и направляется въ столовую.

Мы поневолѣ слѣдуемъ за нимъ, и долго, сидя ужь за тарелками супа, не можемъ еще придти въ себя, и даже тетушка Софья Ивановна представляется намъ нѣсколько похожею на какого-нибудь Синдбада-морехода.

———

Вотъ этими-то сказками, играми, всевозможнѣйшими забавами Ваня и заполонилъ наши сердца. Мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, были за него горой, были окончательно увѣрены въ его необыкновенной любви къ намъ и дружбѣ, въ его баснословныхъ достоинствахъ.

И долго находились мы подъ этимъ обаяніемъ, и никогда бы изъ него можетъ-быть не вышли, еслибы наконецъ я не сталъ замѣчать что онъ вовсе не такой ужь намъ другъ, какимъ мы его считали. Ростя и начиная наблюдать окружающее, я замѣчалъ что каждый разъ послѣ удаленія Вани въ гимназію у насъ непремѣнно выходили какія-нибудь исторіи, открывались какія-нибудь шалости, кого-нибудь наказывали и наказывали обыкновенно за то что было совершенно шито и крыто и чего нельзя было узнать никакимъ способомъ, — это знали только мы и одинъ Ваня. Но долго я еще не могъ подозрѣвать его, пока наконецъ одинъ разъ, совершенно невольно, я подслушалъ какъ онъ тихонько и съ таинственнымъ видомъ передавалъ, да еще со всевозможными прибавленіями, одну нашу исторію тетушкѣ Софьѣ Ивановнѣ.

Какъ теперь помню я эту минуту. Это была чуть ли не первая минута разочарованія въ моей жизни, и она поразила меня необычайно. Я до такой степени растерялся что машинально пошелъ на верхъ, забился за сундукъ, въ углу верхней дѣвичьей, и принялся плакать. А тогда мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, и я вообще былъ не изъ плаксивыхъ. И долго я сидѣлъ за сундукомъ и плакалъ. Я слы-

шалъ какъ внизу кричали мое имя, очевидно меня искали, но я не могъ выйти изъ своей засады.

Я вовсе не боялся того что наша исторія открыта, да и исторія-то была самая пустая. Эта исторія заключалась въ томъ что я написалъ маленькій разсказъ по поводу гувернантки, которую мы всѣ ненавидѣли и которая была ужаснымъ уродомъ. Разсказъ этотъ назывался: „Происхожденіе Авдотьи Петровны“ и весь состоялъ изъ нѣсколькихъ строчекъ, которыя и теперь наизусть даже помню:

„Маленькій чортъ провинился предъ большимъ чортомъ, да такъ провинился что его рѣшено было повѣсить. Черти уже приготовили висѣлицу и подвели къ ней осужденнаго. Тогда бѣдный чертенокъ началъ громко кричать и плакать, и такъ кричалъ и плакалъ что разжалобилъ большаго чорта. „Хорошо, сказалъ ему большой чортъ,—я тебя прощу, но только съ однимъ уговоромъ: ступай ты теперь на землю, или куда хочешь, и не показывайся мнѣ на глаза до тѣхъ поръ пока не придумаешь такой гадости, которой еще никогда не бывало на всемъ свѣтѣ.“ Маленькій чертенокъ отправился на землю, сѣлъ въ помойную яму и сталъ думать. Три года думалъ онъ и наконецъ придумалъ Авдотью Петровну. Придумавъ ее, онъ самъ догадался что за такую выдумку непремѣнно получитъ прощенье, помчался къ большому чорту, показалъ ему Авдотью Петровну. Весь адъ сталъ хлопать въ ладоши, и маленькій чертенокъ не только что получилъ прощенье, но даже былъ повышенъ въ чинѣ.“

Вотъ этотъ-то разсказъ я написалъ и передалъ Катѣ. Онъ немедленно обошелъ всю нашу компа-

нію, былъ переписанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и произвелъ фуроръ необычайный. Конечно, въ первую же субботу мы его прочли Ванѣ. Ваня смѣялся вмѣстѣ съ нами, а черезъ два часа обо всемъ этомъ донесъ Софьѣ Ивановнѣ и представилъ ей экземпляръ моего разсказа.

Ну, такъ вотъ я очень хорошо зналъ что ничего особенно дурнаго выйти не можетъ; конечно, меня станутъ сильно бранить, можетъ-быть накажутъ, но я никогда не боялся наказаній. Мнѣ было тяжело и страшно совсѣмъ отъ другаго: я не зналъ какъ теперь встрѣчусь съ Ваней и какъ взгляну на него. Мысль о томъ, что я непремѣнно долженъ его встрѣтить и взглянуть на него была мнѣ невыносима. Я и сидѣлъ за сундукомъ. Наконецъ меня отыскали. И кто же отыскалъ? самъ Ваня.

— А, такъ вотъ ты гдѣ! А тебя по всему дому ищутъ, мама тебя спрашиваетъ, сказалъ онъ мнѣ спокойнымъ голосомъ, наклоняясь въ полутьмѣ надо мною.

Я вышелъ изъ-за сундука и остановился предъ Ваней. Въ это время въ верхней дѣвичьей никого не было. Въ углу на швейномъ столѣ горѣла заплывшая сальная свѣчка и неясно освѣщала фигуру Вани. Я стоялъ не шевелясь и не говоря ни слова. Наконецъ я поднялъ глаза и взглянулъ на него; право мнѣ показалось что я его не узнаю, что это не онъ. Еще такъ недавно онъ представлялся мнѣ такимъ прекраснымъ, я такъ любилъ его голосъ, его лицо и то ощущеніе которое находило на меня въ его присутствіи. Теперь нѣтъ, это былъ не онъ: и

лицо у него совсѣмъ было другое, и онъ казался такимъ страннымъ, маленькимъ, жалкимъ.

— Что съ тобой? Отчего ты такъ молчишь и такъ дико смотришь? спросилъ онъ.

Но я опять-таки не отвѣтилъ ему ни слова и пошелъ внизъ къ мама.

Тамъ ужь исторія была въ полномъ разгарѣ. Катя сидѣла въ спальнѣ у мама и плакала. Оказалось что она начала было съ того, что приняла на себя авторство знаменитаго разсказа, но конечно ей никто не повѣрилъ. Никто ни на минуту не могъ усомниться что все это выдумалъ и написалъ я. Тутъ я узналъ что Ваня не ограничился одною Софьей Ивановной, что онъ поднесъ экземпляръ и Авдотьѣ Петровнѣ. Предо мною выстроился цѣлый полкъ обвинителей.

Авдотья Петровна, свирѣпо выкатывая безцвѣтные свои глаза и такъ противно дрожа дряблымъ лицомъ, покрытымъ угрями, объявила мама, что ни минуты не можетъ больше оставаться въ нашемъ домѣ, что она нигдѣ не видала такихъ оскорбленій какія испытала здѣсь отъ меня, двѣнадцатилѣтняго мальчишки, что я самое испорченное и развращенное существо во всей Москвѣ и т. д. Тетушка Софья Ивановна съ наслажденіемъ подтверждала каждый пунктъ этихъ обвиненій.

— Такъ вы отъ насъ уходите, Авдотья Петровна, обратился я къ гувернанткѣ.

— Я съ вами вовсе не говорю, у меня съ вами ничего не можетъ быть общаго, отвѣтила „чортова выдумка“.

— Такъ вы уходите? Желаю вамъ всякаго счастья, ужь прокричалъ я;—только знайте, знайте, Авдотья Петровна, что дѣйствительно васъ чортъ выдумалъ, а не ваши родители!

Я съ нервнымъ хохотомъ выбѣжалъ изъ спальни, прибѣжалъ къ себѣ, зарылся въ постель и весь вечеръ рыдалъ и метался. И опять-таки рыдалъ я вовсе не изъ за этой исторіи: я забылъ и свой разсказъ, и Авдотью Петровну, и гнѣвъ мама, забылъ все, я помнилъ только новое лицо Вани, его новую, жалкую, ничтожную фигурку.

Меня не позвали къ чаю; мнѣ не принесли чаю въ мою комнату. На другой день мама отдернула свою руку, когда я хотѣлъ поцѣловать ее, но я оставался ко всему безучастнымъ; теперь вся моя цѣль заключалась единственно въ томъ, чтобъ избѣгать встрѣчъ съ Ваней.

Я такъ-таки и не объяснился съ нимъ, ни въ чемъ не упрекнулъ его, только весь волшебный міръ, который до сихъ поръ приносилъ онъ съ собою въ мою дѣтскую жизнь, исчезъ навсегда.

Долго потомъ, цѣлый годъ, меня преслѣдовала его жалкая фигура, и я все грустилъ о прежнемъ Ванѣ, о своемъ дорогомъ другѣ. Но черезъ годъ я съ нимъ помирился, то-есть я забылъ прошлое. Онъ съумѣлъ какъ-то изгладить во всѣхъ насъ это воспоминаніе. Конечно, теперь онъ не былъ больше волшебнымъ Ваней, но все же былъ нашимъ забавникомъ, нашимъ желаннымъ гостемъ. Онъ ужъ поступилъ въ университетъ и совсѣмъ у насъ поселился, въ комнатѣ на верху.

Поселясь съ поступленіемъ въ университетъ у насъ, Ваня Рамзаевъ оказался большимъ мастеромъ достигать своихъ цѣлей: мама видѣла въ немъ превосходнаго юношу, вдобавокъ еще очень ей полезнаго въ исполненіи разныхъ мелочныхъ порученій. Всѣ наши домочадцы были отъ него безъ ума, даже Софья Ивановна и Бобелина не распространяли на него своей ненависти. Онъ давалъ уроки дѣтямъ, и мама ему хорошо платила. Онъ былъ вѣчно завитымъ, раздушеннымъ франтомъ. Я не разъ встрѣчалъ его разъѣзжающимъ на лихачахъ; къ нему являлись франты-товарищи; онъ часто выѣзжалъ куда-то вечеромъ и возвращался очень поздно.

Потомъ оказалось, что онъ кутитъ и играетъ въ карты, и одинъ разъ мама пришлось заплатить за него довольно крупную сумму его проигрыша.

Наконецъ случилась одна очень странная исторія: у мама изъ ея спальни пропалъ бриллiантовый фермуаръ и портфель съ деньгами. Сначала было поднялся изъ-за этого большой шумъ, но на слѣдующій день мама вдругъ всѣмъ объявила, что ни на кого не имѣетъ подозрѣнія и чтобъ объ этомъ дѣлѣ больше никто не говорилъ у насъ въ домѣ.

— Да что жь, развѣ бриллiанты нашлись? спрашивали ее.

— Нѣтъ, не нашлись, но я прошу васъ всѣхъ оставить это: я никого не подозрѣваю.

Это было сказано при мнѣ, и я видѣлъ изъ лица мама, что она совсѣмъ растеряна и чѣмъ-то мучится.

Ваня все это время былъ какъ ни въ чемъ ни бывало, больше остальныхъ волновался и стремился разыскивать вещи: предлагалъ даже съѣздить къ оберъ-полицеймейстеру. Но послѣ словъ мама вдругъ притихъ и никогда потомъ не заговаривалъ объ этой исторіи.

Меня все это поразило, и главнымъ образомъ поразило то, что мама какъ-то особенно глядѣла на Ваню и весь этотъ день вздрагивала каждый разъ когда онъ подходилъ къ ней.

Наконецъ я не утерпѣлъ и, улучивъ удобную минуту, прибѣжалъ къ ней, заперъ за собою дверь и сказалъ:

— Мамочка, ради Бога признайся мнѣ, отчего ты не велишь говорить о пропавшихъ вещахъ и деньгахъ? Послушай, я все понимаю, скажи мнѣ... Если ты хочешь, я никому ни словомъ однимъ не заикнусь, скажи мнѣ: ты думаешь, что укралъ ихъ Ваня?

Мама вздрогнула и поспѣшно закрыла мнѣ ротъ рукою.

— Молчи, молчи, какъ тебѣ не стыдно выдумывать такіе вздоры! На какомъ основаніи? Развѣ ты самъ что-нибудь видѣлъ, знаешь?..

— Я ничего не видѣлъ и ничего не знаю, я только догадываюсь.

— Такъ вѣдь можно догадываться и ужасно ошибаться. Если ты любишь меня, то прошу тебя выбросить все это изъ головы... Понимаешь ли ты, что такое значитъ обвинить человѣка въ такой вещи?

Можно обвинять только тогда, когда видѣлъ своими глазами. А ты вдругъ обвинишь, вдругъ тебѣ покажется, и потомъ выйдетъ что ты обманулся; что-жь тогда будетъ? Какой ты страшный грѣхъ возьмешь себѣ на душу. Боже мой! Да если такое подозрѣніе приходитъ въ голову, такъ это наказаніе; отъ этого подозрѣнія нужно отдаляться. Ахъ, André, ради Бога не думай что я подозрѣваю Ваню. Еслибы даже я подозрѣвала, то мнѣ было бы стыдно за свое подозрѣніе...

— Мама, но что жь дѣлать, если есть подозрѣніе? Что-жь дѣлать, если вотъ явилось такое убѣжденіе? Послушай, я наблюдалъ за нимъ, знаешь, можетъ-быть ты не замѣтила, вѣдь онъ какъ-то теперь не глядитъ тебѣ въ глаза, какъ будто не смѣетъ взглянуть,—замѣтила ли ты это?

Мама вздохнула и поспѣшно прошептала:

— А ты развѣ замѣтилъ?

— Да, я замѣтилъ, я теперь невольно за нимъ наблюдаю.

— Ахъ, оставь это, оставь это, мой милый! Еслибы даже... еслибы даже это было... такъ я не хочу ничего знать, мнѣ не нужно доказательствъ, это было бы такъ ужасно!..

Она отвернулась отъ меня, быстро прошлась по комнатѣ и затѣмъ опять, подойдя ко мнѣ, прижала къ себѣ и проговорила:

— Умоляю тебя, ради меня, молчи обо всемъ этомъ и никогда никому не говори ни слова.

— Если ты хочешь, хорошо, отвѣтилъ я и вышелъ отъ нея.

Но все-же я не могъ выпустить Ваню изъ вида и все наблюдалъ за нимъ. И я видѣлъ потомъ, въ теченіи нѣскольких недѣль, какъ онъ избѣгалъ взглядовъ мама, какъ онъ жался все въ ея присутствіи, хоть и глядѣлъ на всѣхъ самымъ веселымъ, даже черезъ-чуръ веселымъ взглядомъ.

Дѣло было къ лѣту. Чрезъ мѣсяцъ по окончаніи экзаменовъ онъ уѣхалъ въ деревню къ своей матери, а затѣмъ перебрался почему-то въ Петербургскій университетъ и ужь къ намъ не показывался.

Я снова съ нимъ встрѣтился въ Петербургѣ, по окончаніи курса.

Конечно, я самъ его не розыскивалъ и не желалъ возобновленія нашихъ сношеній; но онъ ко мнѣ явился какъ къ старому другу, съ пламенными объятіями, съ восторженными фразами о томъ, какъ онъ радъ, что у него теперь будетъ близкій человѣкъ въ Петербургѣ. Онъ сразу заговорилъ меня, не умолкая разсказывалъ мнѣ о своей жизни, о томъ какъ онъ служитъ, какія у него благородныя побужденія, какъ онъ борется со зломъ, какъ его ненавидятъ дрянные людишки и всюду стараются подставить ему ногу, но какъ онъ не унываетъ и идетъ впередъ, къ достиженію высокой цѣли: занять видное положеніе въ служебномъ мірѣ и пользоваться этимъ положеніемъ для блага отечества.

Я совершенно одурѣлъ отъ этой трескотни и былъ очень радъ когда онъ наконецъ выложилъ все предо мною и удалился. Я думалъ теперь о томъ, что поставленъ въ затруднительное положеніе. Что мнѣ дѣлать? Продолжать съ нимъ сношенія мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны я отлично понималъ, что отдѣлаться отъ него мнѣ будетъ весьма трудно. Къ тому же я связанъ былъ даннымъ мною мама обѣщаніемъ никогда и никому не разсказывать прошлаго и остерегаться вредить ему.

„Я вовсе не требую, говорила мнѣ мама предъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы ты былъ его другомъ, чтобы ты искалъ съ нимъ сближенія; но если ты съ нимъ встрѣтишься, если онъ начнетъ бывать у тебя, то не отвертывайся отъ него, не оскорбляй его. Во всякомъ случаѣ, если тò и было (а она отлично знала, что тó дѣйствительно было—потомъ явились этому сильныя доказательства), если даже тó и было, то вѣдь онъ могъ съ тѣхъ поръ совершенно измѣниться, могъ раскаяться и загладить свою вину. А не согрѣшишь—не спасешься!“

И вотъ я постарался побѣдить въ себѣ отвращеніе, которое къ нему невольно чувствовалъ, постарался проникнуться взглядомъ мама и смотрѣть на него какъ на человѣка спасшагося раскаяніемъ.

Я возвратилъ ему визитъ и засталъ его въ очень комфортабельной обстановкѣ.-Онъ дѣйствительно прекрасно устроился на службѣ, искусно обдѣлывалъ свои дѣлишки и жилъ припѣваючи. Онъ, повидимому, обрадовался моему посѣщенію и затѣмъ сталъ ко мнѣ весьма часто являться; постоянно старался

о томъ, чтобы веселить меня, расширять кругъ моихъ знакомствъ; чуть не насильно возилъ меня къ своимъ знакомымъ и каждый разъ обстоятельно разсказывалъ мнѣ какимъ образомъ и чѣмъ эти люди могутъ мнѣ пригодиться въ жизни.

Теперь я понимаю, зачѣмъ я ему былъ нуженъ. Во-первыхъ, ему хотѣлось предо мною и предъ мама показать, что у него чиста совѣсть, что онъ меня не избѣгаетъ и ничего не боится, а потомъ ему еще и другое нужно было. Онъ въ душѣ меня ненавидѣлъ, ненавидѣлъ съ того самаго времени, съ той самой минуты, какъ онъ превратился для меня изъ прекраснаго, волшебнаго Вани въ маленькое, жалкое существо. Этой минуты никогда онъ не могъ простить мнѣ, но еще больше, конечно, не могъ простить того, что я зналъ исторію пропавшихъ брилліантовъ и портфеля, а что я зналъ все это, онъ не могъ не догадываться. И вотъ ему нужно было такъ или иначе отмстить мнѣ, а средства мести у подобнаго человѣка какія-же могли быть какъ не самыя мелкія и грязныя. Да, потомъ я все понялъ и узналъ!.. Онъ вводилъ меня въ какой-нибудь домъ только затѣмъ, чтобы при удобномъ случаѣ очернить въ этомъ домѣ, чтобы разстроить каждое мое отношеніе къ людямъ.

О, я долго не зналъ какого врага въ немъ имѣю, но все-же кое о чемъ уже могъ догадываться. Къ тому же сразу увидѣлъ какой это дѣятель на пользу ближняго: я узналъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ о его службѣ—конечно, это былъ мелкій интриганъ и ничего больше.

Его частыя посѣщенія и вѣчное спутничество мнѣ изрядно надоѣдали. Я началъ всячески избѣгать его. Думалъ что у Зины не стану съ нимъ встрѣчаться, а между тѣмъ вотъ онъ ужь и здѣсь и чувствуетъ себя какъ дома...

VIII.

Зачѣмъ они всѣ здѣсь? Что за друзья такіе, откуда эта дружба?!.. Рамзаева Зина ужь у насъ не застала и познакомилась съ нимъ потомъ, случайно, гдѣ-то на югѣ Россіи. Александра Александровна, которая въ Зинино время оканчивала курсъ въ пансіонѣ, являлась къ намъ только по праздникамъ и на Зину не обращала никакого вниманія какъ на дѣвчонку, — а теперь вдругъ оказалась большимъ ея другомъ...

Зачѣмъ эти люди нужны были Зинѣ, я понять не могъ, но мнѣ сразу показалось, что именно они ей нужны и что ихъ постоянное присутствіе не простая случайность. Конечно, еслибы Зина захотѣла, она бы могла удалить ихъ всѣхъ, могла-бы настроить генерала; но она не хотѣла этого, и сама была съ

ними чрезвычайно любезна, и генералъ встрѣчалъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ.

Когда-бы я ни пришелъ, я всегда могъ быть увѣренъ, что найду компанію въ полномъ сборѣ. День за днемъ могъ я наблюдать ихъ времяпровожденіе, и мнѣ становилось невыносимо отъ этихъ наблюденій.

Александра Александровна, когда была пансіонеркой, всѣмъ намъ казалась добренькою и хорошенькою барышней; теперь же она превратилась Богъ знаетъ во что. Она, несмотря на то, что ей еще не было и тридцати лѣтъ, ужь начала бѣлиться и румяниться, необыкновенно себѣ взбивала волосы, носила самые кричащіе туалеты; казалось вся цѣль ея жизни состояла только въ томъ, чтобы лежать на диванѣ или кушеткѣ, болтать ножкой и обмахиваться вѣеромъ. Изъ этого положенія она выходила только для ѣды и карточнаго стола, въ карты могла играть по двѣнадцати часовъ сряду.

Мужъ ея представлялъ собою нѣчто совсѣмъ отвратительное. Во-первыхъ, никто иначе и не могъ его себѣ представить какъ „мужемъ Александры Александровны“. Право, откровенно говоря, я и теперь не знаю навѣрное, какъ его звали: Николай Филипповичъ или Филиппъ Николаевичъ. Хотя у него на перстняхъ и брелокахъ и были вырѣзаны фамильные гербы, но я сильно подозрѣваю его происхожденіе; по крайней мѣрѣ лицо у него было совершенно жидовское: толстое, обрюзглое, съ черными, масляными и заспанными глазами. Вѣчно примазанный, онъ умѣлъ только улыбаться и какъ-то мычать, тряся головой. Какую печальную роль онъ

игралъ относительно жены, это сразу бросалось въ глаза каждому: онъ былъ у нея на посылкахъ и жилъ на ея счетъ.

Какъ-то мнѣ пришлось, по порученію Зины, заѣхать къ нимъ; я увидѣлъ обстановку. очень безвкусную, но съ большими претензіями на роскошь. Откуда-же взялось все это? Я зналъ, что у Александры Александровны очень маленькія средства и что мужъ ея нигдѣ не служитъ и ровно ничего не дѣлаетъ. Но тутъ былъ „Мими", которому родители оставили тысячъ около двадцати годоваго дохода, и этотъ Мими всюду и неотступно слѣдовалъ за Александрой Александровной. На его-то деньги и была создана и поддерживалась вся эта обстановка.

Потомъ я даже подмѣчалъ, какъ мужъ Александры Александровны иногда что-то такое шепталъ ему. Тогда Мими дѣлалъ кислую гримасу, но тѣмъ не менѣе отходилъ въ уголъ, вынималъ что-то изъ кармана и передавалъ „мужу". Тотъ самодовольно мычалъ и затѣмъ возвращался къ обществу съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Обо всемъ этомъ безобразіи я какъ-то говорилъ съ Зиной. Я замѣтилъ что ей вовсе не слѣдовало бы принимать подобныхъ людей, но она только засмѣялась.

— Мнѣ-то какое дѣло! развѣ это ко мнѣ относится? Напротивъ все это только смѣшно, и смѣшнѣе всего то, что навѣрно они воображаютъ будто никто ничего не замѣчаетъ. Ахъ, это ужасно смѣшно! Помнишь, когда я пріѣхала, Мими явился ко мнѣ, былъ у меня два раза одинъ, а затѣмъ вдругъ послѣдовало появленіе Александры Александровны съ супругомъ. И теперь какъ только Мими здѣсь такъ и они

непремѣнно! понимаешь что это значитъ? Она ужасно боится что я отниму у нея Мими,—ну и конечно должна быть тутъ и слѣдить за нимъ по пятамъ. И какъ она меня ненавидитъ, какъ ненавидитъ—это прелесть! Право, я иногда развлекаюсь не мало!...

— Ну, а Коко, а Рамзаевъ зачѣмъ тебѣ нужны?

— Коко мнѣ нуженъ за его глупость. Знаешь ли ты что я люблю такихъ глупыхъ людей: это не простая глупость, простой глупости много на свѣтѣ, она ходитъ себѣ тихонько, и самая она скучная вещь, какая только можетъ существовать. Но эта глупость другаго рода, эта глупость съ трескомъ, съ апломбомъ, глупость самонадѣянная, думающая что все ей по плечу и по карману... Коко за мной ухаживаетъ,—я не знаю чего онъ хочетъ: жениться на мнѣ что ли, или такъ просто, это ужь его дѣло, только онъ ухаживаетъ отчаянно...

—Зачѣмъ же ты его не прогонишь?

— Вотъ вздоръ какой—прогонять! Я бы его прогнала конечно, еслибъ онъ на меня не обратилъ никакого вниманія, потому что тогда бы онъ былъ скученъ, но теперь онъ забавенъ. Я могу дѣлать изъ него что хочу, я могу подвигнуть его на всевозможнѣйшія нелѣпости! Знаешь ли, вчера мы съ Александрой Александровной и съ генераломъ сдѣлали ему визитъ—посмотрѣть какъ онъ живетъ, а главное—посмотрѣть его собакъ, у него три бульдога, необычайной свирѣпости; такъ вотъ пріѣхала я къ нему. Все у него очень мило: прелестная холостая квартирка. И начинаю я на все дѣлать гримасы. Чтобъ онъ ни показалъ мнѣ,—онъ все показываетъ и всѣмъ восхищается и обозначаетъ всему цѣну,—

я гримасничаю, все мнѣ не нравится. Я ему и говорю: „Никогда въ жизни не видала я такой противной обстановки; у васъ нѣтъ никакого вкуса, все это никуда не годится.“ „Господи, говоритъ, да что же нужно? Какую же нужно обстановку? Что же нужно перемѣнить по вашему мнѣнію?“ Я ему и начала объяснять чтó нужно перемѣнить, то-есть все. „Давайте бумаги, я вамъ запишу‘ и записала. „Да; но если мнѣ теперь все это сдѣлать, такъ вѣдь для такой обстановки моихъ средствъ не хватитъ“, печально замѣтилъ Коко (знаешь ли, онъ вѣдь ужасно скупъ, хоть и скрываетъ это). „Конечно, говорю, каждый долженъ жить по средствамъ, только я вамъ скажу́ одно: никогда больше вы меня не увидите ни подъ какимъ предлогомъ въ этой вашей скверной квартирѣ. Хоть бы весь Петербургъ собрался у васъ, а меня не будетъ. А вотъ еслибы вы сдѣлали все такъ какъ я вамъ говорю, то я бы у васъ была на новосельи и обѣдала бы даже у васъ...“ Что жь бы ты думалъ: сегодня пріѣзжаетъ и объявляетъ что на дняхъ продаетъ всѣ свои вещи и все дѣлаетъ по моему! Сколько онъ долженъ былъ выстрадать до тѣхъ поръ пока рѣшился, и сколько ему предстоитъ страданій! Ну, развѣ это не весело?

Отъ этого разговора мнѣ сдѣлалось грустно. Въ это послѣднее время хотя у Зины и прорывались иногда смущающія меня фразы, но все же я еще полонъ былъ обаянія нашей встрѣчи, а теперь что жь, развѣ это не прежняя Зина?

— Чего ты нахмурился, André? вдругъ спросила она, подходя ко мнѣ.

— Есть чего нахмуриться; тутъ, я замѣчаю, на

тебя повѣяло какимъ-то старымъ, скернымъ воздухомъ. Ты измѣнилась, ты не та была когда пріѣхали.

— А, ты хочешь сказать, что опять во мнѣ обманулся, ты хочешь сказать, что я опять прежняя Зина,—та, ваша, московская?! Да, пожалуй что такъ, я не скрываюсь, такая какъ есть, вся тутъ предъ тобою. Нравится тебѣ—очень рада; не нравится—что жь мнѣ дѣлать, не могу я измѣниться! Прошу тебя объ одномъ только: пожалуста не фантазируй, не придавай каждому моему слову важнаго значенія. Право это гораздо проще чѣмъ ты думаешь; не всегда же жить только внутри себя, не всегда же искать одного только хорошаго и свѣтлаго; нужно и къ жизни возвратиться!

— Къ жизни; да, да, непремѣнно, перебилъ я,— но развѣ это жизнь?

— А то что-жь? Это-то, голубчикъ, и есть настоящая жизнь; вся наша теперешняя жизнь такая: вездѣ тутъ, а можетъ быть и на всемъ свѣтѣ, только и есть что Мими да Коко, да Александры Александровны, только подъ разными именами, да съ различнымъ внѣшнимъ видомъ, а въ сущности .. ахъ, въ сущности одно и то же!.. Постой, погоди, не перебивай меня, я хочу досказать. Вѣдь ты меня спрашивалъ еще зачѣмъ мнѣ Рамзаевъ?.. Но развѣ ты не видишь что Рамзаевъ-то ужь непремѣнно интереснѣе прочихъ. Въ немъ есть что-то недосказанное, и мнѣ иногда кажется, что отъ него можно ожидать чего нибудь очень большаго, только конечно не въ хорошую сторону, а вѣдь такіе люди интересны!

— Отъ такихъ людей нужно подальше во всякомъ случаѣ, замѣтилъ я.

Зина встала со своего мѣста и покачиваясь, посмѣиваясь, остановилась предо мною.

— Подальше!.. Тебѣ бы, конечно, хотѣлось чтобъ я была подальше ото всѣхъ, чтобъ я удовольствовалась только однимъ твоимъ обществомъ, и знаешь отчего это? Потому что ты ужасный эгоистъ и деспотъ; ты хочешь всю власть сосредоточить въ рукахъ своихъ... И тебя проучить нужно, проучить нужно для твоего же блага. Да и потомъ, подумай хорошенько, было ли бы тебѣ лучше еслибъ я окружила себя людьми серьезными, достойными и т. д. Ну, да, да, ты скажешь, что лучше было бы, только я тебѣ не повѣрю. И ты самъ ошибаешься: тебѣ было бы тогда гораздо хуже, я навѣрное это знаю, гораздо хуже бы тебѣ было! Слѣдовательно, успокойся и не волнуйся, только радоваться можешь, видя кто и что меня окружаетъ!

Она быстро вышла изъ комнаты и присоединилась къ компаніи...

Нѣтъ она ошибалась: я искренно могу сказать теперь, что мнѣ было бы несравненно лучше видѣть ее окруженною другимъ обществомъ. Не знаю, впрочемъ, можетъ быть мнѣ и тяжело бы было уступить ее другимъ людямъ, какъ бы высоки мнѣ ни казались эти люди; но уступать ее *этимъ*, дѣлиться ею съ *этими* было невыносимо и обидно и за себя и за нее. Къ тому же я не могъ не видѣть какое неотвратимое и ужасное вліяніе производитъ на нее каждый новый день, проведенный такимъ образомъ.

Въ первое время я заставалъ ее обыкновенно то за чтеніемъ, то за игрой на рояли, то за какимъ нибудь рисункомъ; въ нашихъ разговорахъ съ ея стороны постоянно былъ замѣшанъ какой нибудь серьезный интересъ; я подмѣчалъ въ ней нѣкоторые болѣе или менѣе глубокіе вопросы, приходившіе ей въ голову безъ меня и которые она каждый разъ старалась рѣшать съ моею помощью. Теперь же не было ужь никакихъ вопросовъ, не удавался ни одинъ интересный разговоръ: она очевидно совсѣмъ бросила свои книги, свою рояль; на ея этажеркѣ было всегда много пыли; она весь день слонялась изъ угла въ уголъ, какъ и всѣ слонялись...

И что за жизнь была у генерала въ домѣ! Вотъ я помню особенно одно воскресенье, проведенное мною у нихъ съ утра до вечера.

Генералъ утромъ былъ у обѣдни, вернулся и принесъ ей просвирку. Къ завтраку собралась вся компанія. Коко описывалъ прелести новой купленной имъ собаки. Его братецъ Мими и Александра Александровна перебранивались изъ-за какой-то глупости. Рамзаевъ длинно, предлинно разсказывалъ генералу о засѣданіи какого-то общества и, конечно, все вралъ, потому что не былъ на этомъ засѣданіи. Мужъ Александры Александровны только мычалъ и ѣлъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ. Сама Зина вставляла то туда, то сюда незначащія слова и перемигивалась со мною на счетъ компаніи.

Послѣ завтрака ушли въ гостиную. Александра Александровна съ мужемъ и генералъ сѣли за карты; Мими тоже къ намъ присоединился. Рамзаевъ сталъ перелистывать альбомы. Зина бродила

или вѣрнѣе металась изъ комнаты въ комнату, не зная за что приняться. Коко слѣдовалъ по пятамъ за нею, перебѣгалъ то на одну ея сторону, то на другую, нѣсколько разъ наступая на шлейфъ ея платья. И все это продолжалось вплоть до самаго обѣда. Подъ конецъ уже предъ обѣдомъ всѣ зѣвали, но снова оживились, войдя въ столовую и приступивъ къ закускѣ.

За обѣдомъ была опять собака, засѣданіе и т. д., а вечеромъ снова карты, метанье по комнатѣ... Вотъ Зина открываетъ рояль, беретъ нѣсколько аккордовъ и отходитъ. Рамзаевъ подсаживается къ рояли, затягиваетъ фальшивымъ голосомъ шансонетку, но не кончаетъ ея, подходитъ къ Зинѣ и начинаетъ разсказывать ей какую-то исторію, въ которой вретъ все отъ перваго до послѣдняго слова и которая ни ее, ни его самого никакимъ образомъ интересовать не можетъ... И всѣ курятъ папиросу за папиросой, сигару за сигарой, такъ что наконецъ дымъ начинаетъ ходить по большимъ комнатамъ, и всѣ ждутъ ужина.

Но ужина я ужь не дождался. Я простился часовъ въ одиннадцать и вернулся къ себѣ съ такою головою какъ будто весь день только и дѣлалъ что качался на качеляхъ.

Такъ проходилъ день за днемъ, недѣля за недѣлей; прошелъ мѣсяцъ, другой, третій — и сами собою рушились всѣ наши планы съ Зиной. Мы должны были подробно осматривать Эрмитажъ, Публичную Библіотеку, музей — и ровно ничего не осмотрѣли. Каждый разъ когда я заговаривалъ объ этомъ, оказывалось все неудобно. Иногда я думалъ

даже хоть бы въ театръ ее вытащить, все же лучше, но и въ театръ она рѣдко рѣшалась выѣхать, да и опять-таки если и ѣхала, то въ ложу съ компаніей. И во время представленія продолжалась та же жизнь: никто ничего не слышалъ и не видѣлъ,—передавались только скандалезныя сплетни о томъ или другомъ изъ бывшихъ въ театрѣ знакомыхъ и полузнакомыхъ... Но, что всего ужаснѣе и отвратительнѣе — это то что я самъ начиналъ незамѣтно для себя все больше и больше погружаться въ эту тину. Меня тянуло чуть не каждый день къ Зинѣ, а попадалъ туда—мысли останавливались, что-то давило, что-то вертѣлось предо мною и въ конецъ затуманивало мнѣ голову.

Возвращаясь домой, я хотѣлъ было уйти въ свою собственную жизнь и не могъ: все валилось изъ рукъ, все переставало интересовать, — думалось только о той безобразной жизни. Но изъ этой мучительной мысли не выходило никакого результата. Тутъ нечего было думать, тутъ нужно было дѣйствовать или ждать, когда все это кончится само собою. И вотъ я начиналъ задавать себѣ вопросы: когда оно кончится? и какимъ образомъ кончится? Повидимому ничто не предвѣщало близкой и благополучной развязки; повидимому вся компанія вполнѣ наслаждалась, всѣмъ легко дышалось, всѣ благодушествовали, и особенно благодушествовалъ генералъ.

Онъ самъ не разъ говорилъ мнѣ что съ пріѣздомъ Зины, освѣтилась его одинокая жизнь, что онъ никогда себя такъ хорошо не чувствовалъ какъ все это время. Не будь Зины, можетъ-быть онъ гово-

рилъ бы иначе, но все что творилось въ ея присутствіи должно было ему казаться превосходнымъ; я знаю что для нея онъ жилъ даже нѣсколько иначе чѣмъ прежде, и отказался отъ многихъ своихъ привычекъ.

Генералъ былъ человѣкъ совершенно одинокій: у него не было близкихъ родственниковъ, не было ни одного дорогаго человѣка. Почти съ дѣтства онъ выброшенъ былъ судьбою изъ семейства: родные его рано умерли, оставивъ ему значительное состояніе. Онъ былъ тогда въ корпусѣ, потомъ вышелъ въ офицеры. Способностями и быстрымъ соображеніемъ природа его не надѣлила, но за то въ замѣнъ всего этого дала ему очень красивую, симпатичную наружность и пріятныя манеры. Онъ всегда былъ что называется добрымъ малымъ, способнымъ на всякія мелкія услуги ближнему, лишь бы только эти услуги не очень его тревожили. Еще въ корпусѣ товарищи любили его и исполняли за него всѣ работы; они знали что ихъ трудъ не останется безъ награды: богатый товарищъ всегда радъ былъ угостить ихъ на славу, сдѣлать имъ кое-какіе подарочки.

То же самое продолжалось и по выходѣ изъ корпуса: явились новые товарищи, новые пріятели; явилось знакомство со всевозможными милыми, но легкомысленными дамами. Для того чтобы получить благосклонность этихъ дамъ и всѣхъ этихъ новыхъ пріятелей, опять-таки требовалось только добродушіе

и деньги, а того и другого у Алексѣя Петровича, какъ тогда еще звали генерала, было достаточно.

И такимъ образомъ вся жизнь проходила какъ праздникъ. Всюду, гдѣ бы ни появлялся Алексѣй Петровичъ, его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Онъ былъ *удобенъ* во всѣхъ отношеніяхъ: онъ не превозносился, не хвастался, держалъ себя скромно, ничѣмъ не мучилъ ни себя, ни другихъ. Онъ любилъ подчасъ и кутнуть, и поиграть въ карты, но часто мнѣ съ гордостью признавался что ни разу въ жизни не проигралъ большаго куша и не увлекся никакою женщиной до глупости.

„Все должно быть въ мѣру, все понемножку, голубчикъ, говорилъ онъ мнѣ; только такъ и прожить можно хорошо на свѣтѣ."

И всего у него было въ мѣру и понемножку. Главный его принципъ былъ: не тревожить себя и не задавать себѣ трудно рѣшаемыхъ вопросовъ.

Поразмысливъ о томъ сколько всякихъ несчастій бываетъ въ семействахъ, онъ рѣшилъ что женитьба создана не для него, потому что грозитъ вывести его изъ праздничной жизни, которую онъ такъ любилъ, и поэтому онъ никогда не женился. Ему гораздо пріятнѣе было входить въ чужое семейство и самымъ приличнымъ, скромнымъ и незамѣтнымъ образомъ занимать въ немъ, на время, чужое мѣсто. Но я думаю что онъ дѣлалъ это только въ томъ случаѣ, если видѣлъ что онъ не особенно разстраиваетъ чужое счастье, что изъ его вмѣшательства не выйдетъ никакой семейной драмы. Онъ ставилъ рога мужьямъ только положительно убѣдившись, что они ничуть не прочь отъ этого украшенія и что онъ, во

всякомъ случаѣ, можетъ за него вознаградить ихъ тѣмъ или другимъ способомъ.

Затѣмъ у него было весьма практичное правило: никогда не вести интригу слишкомъ долго, иначе опять-таки все это грозило спокойствію. Онъ обыкновенно уходилъ во̀ время и тутъ оказывалъ даже нѣкоторыя особенныя способности: онъ постоянно все умѣлъ устроить такъ, что оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и со своею прежнею возлюбленной, и съ ея мужемъ.

Что касается до его службы, то и она шла необыкновенно удачно: за скромность и добродушіе начальники его любили; товарищи видѣли въ немъ добраго и щедраго человѣка, къ которому, въ случаѣ нужды, всегда можно было обратиться, не ожидая отказа; подчиненнымъ нравилось его неизмѣнно ласковое обращеніе. И ровно ничего не понимая въ своемъ дѣлѣ, ни разу не принявъ участія ни въ какой компаніи, можетъ-быть дѣйствительно не зная какъ пахнетъ порохъ, онъ дослужился до генерала лѣтъ въ сорокъ пять, имѣлъ многочисленные знаки отличія и со спокойнымъ сердцемъ вышелъ въ отставку для того чтобъ отдохнуть, какъ онъ выражался.

Со времени отставки еще тише, еще безмятежнѣе потекла жизнь его. Если еще прежде, на службѣ, кто-нибудь и могъ ему завидовать, если въ обществѣ кто-нибудь и могъ ревновать къ нему, теперь для этого совсѣмъ не представлялось возможности: онъ былъ въ отставкѣ, онъ былъ пожилымъ человѣкомъ. Онъ не заглядывался больше на чужихъ женъ, довольствовался какою-то таинственною особой, кото-

рой нанялъ квартиру на Пескахъ, и къ которой, втихомолку, ѣздилъ въ каретѣ съ опущенными шторами.

Но видно не суждено было генералу безмятежно докончить свою жизнь; видно за все то безоблачное счастье и спокойствіе, которымъ онъ постоянно пользовался, нужно было заплатить дорогою цѣной. Онъ, вѣчно благоразумный и спокойный, умѣвшій во время удаляться отъ непріятностей, умѣвшій сдерживать біеніе своего сердца одною мыслью о томъ что біеніе можетъ повредить его здоровью, онъ вдругъ попалъ въ страшную драму, которая сначала показалась ему счастіемъ и свѣтомъ.

IX.

Я не могу понять какимъ образомъ Зина такъ сдѣлала, что несмотря на частыя и продолжительныя наши свиданія, на нашу близость, я все еще никакъ не рѣшался прямо говорить съ ней. Но, конечно, она ужь отлично все понимала и знала навѣрное теперь что я въ ея рукахъ, что она можетъ дѣлать со мной все что угодно.

И вотъ, мало-по-малу, начала она прежнюю игру. Она начала ее съ прежними уловками: она продолжала выражать мнѣ необыкновенную нѣжность, умѣла каждый разъ довести меня почти до признанія, и тутъ непремѣнно являлось какъ будто само собою такое обстоятельство, которое дѣлало это признаніе невозможнымъ. Я съ каждымъ днемъ все больше погружался въ этотъ старый мракъ и терялъ власть надъ собою...

Бывали минуты когда я хотѣлъ остановиться: тогда я запирался у себя, жадно принимался за работу, не выходилъ дня два изъ комнаты. Но къ вечеру второго дня всегда являлась или записка отъ Зины, или она сама. Она приходила какъ нѣжный другъ, какъ любящая сестра, съ участіемъ освѣдомлялась что со мною и увлекала меня. Я шелъ за ней безъ силы и безъ воли. Она заставляла меня появляться въ своемъ обществѣ, зная до чего мнѣ не по душѣ это общество. И тутъ каждый день было новое. Иной разъ ей почему-то нужно было показывать мнѣ предпочтеніе предъ всѣми, она нисколько не стѣснялась тѣмъ что всѣ это замѣчаютъ, оставляла всѣхъ, занималась исключительно мною. Другой разъ я какъ будто не существовалъ для нея.

Наконецъ я рѣшился было выдержать, не показывался ей два дня и оставилъ безъ отвѣта даже ея записку. Я рѣшилъ, что если она сама пріѣдетъ за мною, то все-таки же я отговорюсь занятіями и не пойду къ ней.

Она конечно явилась, явилась такая взволнованная, обиженная, съ упреками.

— Если ты хочешь совсѣмъ разойтись со мною, сказала она, — такъ объяви мнѣ это прямо, а такъ невозможно! Понимаешь ли, что ты здѣсь одинъ у меня другъ и что я не могу безъ тебя быть! Неужели ты не видишь, что ничего общаго нѣтъ у меня съ этими людьми? Я выношу ихъ присутствіе потому что такъ нужно, потому что этого не избѣгнешь; но вѣдь должна же я отдыхать, а отдыхаю я только съ тобою...

— Я не знаю, зачѣмъ ты мнѣ говоришь это, отвѣ-

тилъ я:—въ послѣдній разъ я очень хорошо замѣтилъ, что тебѣ вовсе не нужно моего присутствія, ты даже забыла обо мнѣ.

— Ахъ, Боже мой, прежній мнительный характеръ!.. да перестань же, André, чтó за вздоръ такой — выдумывать разныя несообразности! Послушай, если завтра такая же будетъ хорошая погода, мы намѣрены устроить поѣздку въ Петергофъ, провести тамъ цѣлый день. Теперь ужь начали ходить пароходы, поѣдемъ на пароходѣ, подышемъ весеннимъ воздухомъ, а то вѣдь здѣсь задохнуться можно, пообѣдаемъ тамъ гдѣ-нибудь, может-быть хорошо проведемъ день. Но вѣдь я могу хорошо провести день только если ты будешь съ нами...

Снова обезсиленный, я забылъ свое рѣшеніе и далъ ей слово пріѣхать на слѣдующее утро къ пароходной пристани. День удался; было тепло и ясно. Все Зинино общество собралось уже на палубѣ парохода, когда я пріѣхалъ. Тутъ былъ конечно и генералъ, и Рамзаевъ, и Александра Александровна съ мужемъ, и оба братца.

Только что вошелъ я на палубу, какъ Зина встала со своего мѣста и подошла ко мнѣ съ протянутыми руками.

— Ну вотъ, спасибо, спасибо, а я ужь думала что ты обманешь. Какъ хорошо сегодня! Я такъ рада вырваться изъ города: мы отлично проведемъ день!

Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ протянулись руки, всѣ мнѣ улыбались, выражали неестественную радость по поводу того, что въ такую погоду я рѣшился оторваться отъ занятій и подышать воздухомъ. И

тутъ-же я замѣтилъ, какъ всѣ они переглянулись между собою и подмигнули другъ другу. Я по обыкновенію не сталъ съ ними распространяться и сейчасъ же забылъ про нихъ; я замѣтилъ только, что на генералѣ новое съ иголочки платье и удивительно расчесанныя бакенбарды; а на Александрѣ Александровнѣ какая-то яркая шляпка, чуть-ли не съ цѣлою птицей на макушкѣ.

Черезъ минуту мы всѣ усѣлись. Рамзаевъ передавалъ сплетни изъ министерства генералу и Александрѣ Александровнѣ. Коко подсѣлъ было къ Зинѣ, но та ловко сумѣла сейчасъ же отогнать его, и онъ присоединился къ своему брату и мужу Александры Александровны.

Пароходъ тронулся; поднялся вѣтерокъ.

— Пойдемъ въ каюту, шепнула мнѣ Зина.

Мы сошли внизъ.

Въ дамской каютѣ никого не было. Зина прошла туда, пропустила меня и задвинула за собою дверцу.

Пароходъ покачивало; въ открытое круглое окошечко по временамъ плескала вода. Зина встала на колѣни на диванъ и заперла окошко.

— Поди сюда, сказала она мнѣ, — посмотри, сколько на стеклѣ надписей.

Я подошелъ. Она обняла меня одной рукой за шею и стала читать надписи.

Это были разныя имена и числа, вырѣзанныя на стеклѣ.

— Давай придумывать, когда и при какихъ обстоятельствахъ все это было написано, сказала Зина:—разсказывай мнѣ!

Я сталъ разсказывать. Тутъ были разныя исторіи и конечно все любовныя. Тутъ были только что выпущенныя на свѣтъ Божій институтки и пансіонерки, пажики, правовѣдики, лицеисты, обманутые мужья и жены, старые опытные ловеласы, наивная невинность, робко входящая въ дверь познанія добра и зла, расчетливый цинизмъ, скрывающійся подъ маской невинности. Я фантазировалъ на разныя темы. Зина слушала внимательно, все сильнѣе прижимая плечо мое своею рукою и не спуская съ меня глазъ. Потомъ все также внимательно слушая, она сняла свое брилліантовое кольцо и начертила: „А“ и „З“ и „29 апрѣля“.

— Ну, а тутъ какая исторія? сказала она мнѣ, снова надѣвая кольцо на палецъ,—что значитъ это: 29 апрѣля и А и З?

— На это я не могу отвѣчать, тутъ моя фантазія мнѣ совсѣмъ измѣняетъ. Я знаю только, что это какая-то особенная исторія...

— И непремѣнно опять страшная, перебила меня Зина съ громкимъ смѣхомъ, — ахъ André, André... А я именно хочу, чтобы ты разсказалъ мнѣ эту исторію. Ну разсказывай, разсказывай!..

Она порывисто приблизила ко мнѣ свое лицо и крѣпко меня поцѣловала.

Я хотѣлъ ужь начать говорить, хотѣлъ наконецъ сказать все, чтобы покончить такъ или иначе, но еще не успѣлъ произнести ни одного слова, какъ ручка дворцы зашевелилась и въ каюту просунулась голова Рамзаева.

Зина быстро отъ меня отшатнулась, и конечно, онъ замѣтилъ это, но на лицѣ его ничего не выра-

зилось. Онъ взглянулъ на насъ самымъ серьезнымъ образомъ и только немного закрылъ какъ-то свои зеленоватые глаза.

— Благую часть избрали вы, дѣти мои, сказалъ онъ,—на верху ужасно вѣтрено стало. Его превосходительство ужь пледомъ закутался, а все сидитъ. Подите, приведите его сюда, обратился онъ къ Зинѣ, — вѣдь простудится, такъ мы всѣ будемъ виноваты.

Зина вышла, а онъ стоялъ предо мною, молча смотрѣлъ на меня и чуть-чуть улыбался.

Но вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ ближе, вызвалъ на своемъ лицѣ выраженіе необыкновеннаго достоинства и грустнымъ голосомъ произнесъ:

— Я право не знаю, André, зачѣмъ тебѣ нужно ее компрометировать! Неужели ты думаешь, что никто ничего не замѣчаетъ и что все это въ порядкѣ вещей и очень прилично? Я право не знаю, что съ тобой? Подумай, мой милый, что все-таки она молодая и неопытная дѣвушка, и одинокая дѣвушка главное; ее поберечь нужно!..

Онъ говорилъ эти слова, когда то произнесенныя моею матерью, говорилъ ихъ такимъ грустно-благороднымъ тономъ! И эти слова, въ его устахъ, были до такой степени отвратительны, что я почувствовалъ тоску и злобу. Я хотѣлъ было отвѣчать ему, но сейчасъ же раздумалъ и только съ изумленіемъ взглянулъ на него.

Онъ пожалъ плечами.

Скоро вся компанія была въ каютѣ, за исключеніемъ Зины и Коко. Прошло еще нѣсколько минутъ, и вотъ явился Коко и объявилъ, что Зина меня требуетъ къ себѣ.

Всѣ опять таинственно переглянулись. Я хотѣлъ было остаться, но сейчасъ же отправился на палубу.

Зина встрѣтила меня нѣжною улыбкой, ласкающими глазами, но до самаго Петергофа болтала всякій вздоръ, не давала мнѣ сказать ни слова, и при каждой моей попыткѣ заговорить, только еще усиленнѣе, еще нѣжнѣе мнѣ улыбалась.

Все это утро Зина вела себя совершенно неприлично. Она не обращала ни малѣйшаго вниманія на компанію; на вопросы отвѣчала только „да“ или „нѣтъ“; обдавала всѣхъ холодными и презрительными взглядами; не отпускала моей руки и на прогулкѣ увлекала меня подальше ото всѣхъ. И вмѣстѣ съ этимъ все-таки настойчиво противилась всякому объясненію съ моей стороны.

Подъ конецъ я и самъ пересталъ думать о необходимости объясненія, оно показалось мнѣ даже и ненужнымъ теперь: я видѣлъ, что Зина все понимаетъ и своимъ сегодняшнимъ отношеніемъ ко мнѣ она молча отвѣчала мнѣ на всѣ мои вопросы.

Но съ той минуты, какъ мы вернулись въ петергофскій ресторанъ и расположились въ парусинной бесѣдкѣ, у самаго берега моря, обѣдать, все это измѣнилось: вдругъ, въ одно мгновеніе; я исчезъ въ глазахъ Зины.

Она подсѣла къ генералу, по другую сторону по-

мѣстила Рамзаева, улыбалась имъ и кончила тѣмъ, что стала накладывать кушанье на тарелку Коко.

Теперь мнѣ, въ свою очередь, пришлось получать на мои вопросы отвѣты „да“ и „нѣтъ“ и презрительную усмѣшку.

Къ концу обѣда я ужь не былъ въ состояніи владѣть собою, а Зина съ каждою минутой разыгрывалась больше и больше. Теперь она сдѣлалась центромъ нашего маленькаго общества: она оживилась, болтала, смѣялась, разсказывала, обращалась ко всѣмъ, за исключеніемъ только меня. Конечно, въ ея расчетѣ было довести эту игру до конца. Я долженъ былъ испить всю чашу. Но я не могъ выносить больше. Я воспользовался первою удобною минутой и исчезъ, — въ это время мы были въ Англійскомъ паркѣ, недалеко отъ станціи желѣзной дороги. Я поспѣлъ какъ разъ къ поѣзду и чрезъ полтора часа былъ ужь у себя.

Я чувствовалъ себя возмущеннымъ до послѣдней степени. Зина съ презрѣніемъ глядитъ на меня! Но развѣ я не заслуживаю этого презрѣнія, если способенъ играть такую роль? Если нельзя ничего измѣнить, если все такъ опять безобразно и безнадежно, то всегда остается по крайней мѣрѣ одинъ способъ: уѣхать.

И конечно я уѣду на этихъ же дняхъ въ деревню.

Къ концу вечера мнѣ удалось себя достаточно успокоить: рѣшеніе уѣхать было принято неизмѣнно.

Но, какъ всегда это бывало, едва я успокоился, раздался звонокъ, и вошла Зина. Былъ ужь часъ двѣнадцатый вечера; очевидно они только что вернулись изъ Петергофа.

— Я тебя убѣдительно прошу сейчасъ же уѣхать! сказалъ я ей.—Пожалуста и не снимай пальто, уѣзжай поскорѣе, потому что это совершенно неприлично.

Она не сняла пальто, но вошла въ кабинетъ, тихо и робко приблизилась ко мнѣ, обняла меня и вдругъ заплакала.

— André, я тебя ужасно измучила сегодня, сказала она сквозь слезы.— Когда ты убѣжалъ отъ насъ мнѣ стало такъ больно что я едва доѣхала. Я бы не могла ни на одну минуту заснуть этою ночью, не повидавшись съ тобою. Прости меня, и я сейчасъ же уйду, будь спокоенъ.

Что было мнѣ отвѣчать на это?

— Господи, да кончимъ же наконецъ эту комедію! проговорилъ я,—вѣдь ты знаешь какого слова я жду отъ тебя; рѣши же...

Она порывисто меня поцѣловала и, ничего не отвѣтивъ, почти выбѣжала въ переднюю, гдѣ былъ мой Иванъ и гдѣ мнѣ конечно невозможно было требовать отъ нея отвѣта.

— Завтра увидимся, уже выходя изъ двери проговорила она.

А завтра было вотъ что.

Вечеромъ, почти въ сумерки она заѣхала за мною и объявила мнѣ что генерала нѣтъ дома, что она одна весь вечеръ и что мы можемъ свободно говорить.

Я отправился съ нею. Ее дожидалась наемная карета. Вотъ мы выѣхали на Морскую.

— Отчего ты мнѣ вчера ничего не отвѣтила? конечно спросилъ я ее.

— Не будемъ говорить объ этомъ, тихо произнесла она.

— Какъ не будемъ говорить, да развѣ это возможно? Только объ этомъ мы и можемъ теперь говорить, въ этомъ заключается все, и ты сама отлично это знаешь!

— Но я не могу... не могу!

— Такъ зачѣмъ же ты зовешь меня къ себѣ? О чемъ намъ говорить о другомъ? Теперь ничто другое не имѣетъ смысла!

— Ахъ Боже мой, но если я повторяю что невозможно мнѣ отвѣчать тебѣ.

— Какъ невозможно? Отчего невозможно?

— Невозможно, упрямо твердила она,—также невозможно какъ и для тебя невозможно теперь выпрыгнуть изъ этой кареты...

Очевидно это сравненіе, совершенно нелѣпое, пришло ей въ толову неожиданно, но въ сумеркахъ наступающаго вечера я вдругъ замѣтилъ какъ она вся вздрогнула.

— Вѣдь ты теперь ни за что не выпрыгнешь изъ кареты, медленно прошептала она.

Я молчалъ. На меня нашло просто безуміе, я сразу какъ будто потерялъ голову, я почему-то вообразилъ что весь вопросъ дѣйствительно, заключается въ томъ: выпрыгну я изъ кареты или нѣтъ.

Я сказалъ ей, что если она хочетъ, то я непремѣнно выпрыгну.

— Какой вздоръ, конечно не выпрыгнешь! продолжала она дразнить меня.

— А вотъ увидишь.

Я отворилъ дверцу. Она быстро обернулась въ мою сторону, затѣмъ еще быстрѣе спустила переднее окно и крикнула кучеру: „пошелъ скорѣе!“ Кучеръ хлестнулъ лошадей; тѣ пустились почти вскачъ.

Я распахнулъ дверцу и выпрыгнулъ.

Мы были на Морской, у реформатской церкви. Ѣзда была незначительная, но все же, еслибъ я могъ соображать, то конечно понялъ бы что рискую прежде всего попасть подъ какую-нибудь лошадь. Кромѣ того, я нисколько не разсчиталъ своего прыжка и не принялъ никакихъ предосторожностей. Я просто выбросился изъ кареты и какъ-то сѣлъ на торцы. Никто на меня не наѣхалъ. Черезъ двѣ, три секунды я всталъ на ноги, убѣдился, что совсѣмъ не расшибся, взялъ перваго встрѣчнаго извощика и поѣхалъ въ квартиру генерала. Издали мелькала карета Зины.

Я пріѣхалъ можетъ-быть минутами тремя, четырьмя позднѣе Зины. Я засталъ ее въ пустой гостиной. Она сидѣла неподвижно, въ пальто и шляпкѣ; лицо ея показалось мнѣ страшно блѣднымъ. Она взглянула на меня и слабо вскрикнула:

— Ты, это ты, тебя не раздавили? Ты не расшибся?

И вдругъ она захохотала, потомъ заплакала, словомъ съ ней сдѣлался истерическій припадокъ.

Я поспѣшилъ достать ей воды и кое-какъ привелъ ее въ себя.

Она стала жадно слѣдить за моими движеніями, убѣдилась, что я совсѣмъ не хромаю, совсѣмъ цѣлъ,

и вотъ, при свѣтѣ лампы, я ясно различилъ на ея лицѣ выраженіе досады. Да, это была досада.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ даже нигдѣ не ушибся, а я-то... я боялась выглянуть въ окошко, думая что тебя тутъ же на мѣстѣ раздавили... Право, я не знала что ты такой ловкій гимнастъ, и не замѣтила какъ ты выбираешь удобную минуту чтобы выпрыгнуть тогда, когда никто не ѣхалъ...

Я молча взялъ шляпу и пошелъ въ переднюю. Но она кинулась за мною и удержала меня.

— Куда-жь ты уходишь? Или ты можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ было бы пріятнѣе еслибы тебя раздавили? Нѣтъ, Андрюша, я только удивляюсь и, разумѣется, радуюсь что ты невредимъ остался... Не уходи пожалуста, вѣдь я сказала тебѣ, что мнѣ нужно переговорить, и, знаешь,—теперь я отвѣчу тебѣ на все... Ну, слушай, садись сюда, положи шляпу... сюда, на этотъ диванъ, погоди... вотъ такъ! Дай только я немного убавлю огня въ лампѣ, а то глазамъ больно...

Она почти совсѣмъ затушила лампу, усадила меня, а сама придвинуля низкую табуретку, сѣла отъ меня близко, близко, взяла меня за руки и заговорила.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? На что мнѣ тебѣ отвѣтить? На то что ты меня любишь? Я давно это знаю, и мнѣ кажется, что ты самъ себѣ долженъ прежде всего отвѣтить: люблю ли я тебя или нѣтъ?..

— Да, я могъ бы себѣ на это отвѣтить, прого-

ворилъ я,—я ужь и отвѣтилъ. Только есть какая-то сила, которая владѣетъ мною и съ которою я не могу справиться. И вотъ эта-то сила, не смотря на все, что для меня ясно и что я отлично понимаю, заставляетъ меня еще спрашивать, любишь ли ты меня, хоть я знаю что ты меня не любишь.

— Такъ ты ничего не знаешь, быстро перебила она,—конечно я тебя люблю, конечно, но только ничего изъ этого быть не можетъ!

— Ты любишь меня? Ты?!

— Господи, да неужели ты никогда этого не видѣлъ?

— Такъ зачѣмъ же ты меня такъ мучаешь? Зачѣмъ тебѣ это?

— Зачѣмъ? Для того, чтобы ты не любилъ меня, для того чтобы ты ушелъ отъ меня. Развѣ ты можешь меня любить, меня, такую какъ я есть?

— Значитъ могу, тихо и съ болью прошепталъ я.

— Но ты меня еще не знаешь, на что я способна: я не всегда тебѣ разсказывала о себѣ искренно. Да и наконецъ я часто сама себя не понимаю. Знаешь ли ты мое прошлое въ эти шесть лѣтъ, что мы не видались съ тобою; знаешь ли ты, что тамъ, во всемъ нашемъ уѣздѣ, во всей губерніи, я оставила по себѣ самую дурную память.

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Какъ будто мнѣ не все равно какую память ты о себѣ оставила! Неужели ты меня такъ мало знаешь и можешь вообразить, что чье-либо мнѣніе о тебѣ меня касается...

— Нѣтъ, я не то, не то хочу сказать. Я хочу сказать, что много было клеветъ, много лжи на меня,

но много и правды разсказывали. Я безумствовала часто. Ахъ, есть вещи, которыхъ я даже не могу разсказать тебѣ.

— Говори, говори все, прошепталъ я съ невольнымъ страхомъ, схватывая ее за руки.

— А, такъ ты хочешь все знать!.. хорошо!.. значитъ такъ нужно... слушай же, я все скажу тебѣ!..

Ея холодныя какъ ледъ руки вздрагивали въ рукахъ моихъ, она тяжело дышала, страшно неподвижные глаза не мигая смотрѣли въ одну точку и жутко блестѣли на мертвенно блѣдномъ лицѣ, едва освѣщенномъ потухающею лампой.

— Ахъ, какія бывали мучительныя ночи! говорила она, прижимаясь ко мнѣ и обдавая меня своимъ горячимъ дыханіемъ;—послѣ тихаго спокойнаго дня, довольная жизнью, я крѣпко засыпала; но вдругъ просыпалась будто отъ какого-то удара... Отчаянная тоска начинала сосать меня. Чего я хочу—я и сама не знала, я понимала только, что мнѣ недостаточно обыкновенной жизни, обыкновеннаго счастья... Любовь, замужество!—все это представлялось мнѣ такимъ ничтожнымъ, даже противнымъ! Жить какъ живутъ всѣ я не могла!.. Мнѣ нужно было что-то новое, выходящее изъ всякой мѣры, никому неизвѣстное... И я металась на постели до утра, а когда приходилъ день, непремѣнно придумывалось что-нибудь ужасное... Послушай, вѣдь меня называютъ чуть что не убійцей... и это правда! Да, да, на моихъ глазахъ стрѣлялъ въ себя Глымовъ, молодой офицеръ, совсѣмъ еще почти маль-

чикъ, красавецъ... Я довела его до того, что онъ совсѣмъ съ ума сходилъ... Я его ни на минуту не любила, не жалѣла... я увлекла его, дразнила, мучила, ласкала, издѣвалась надъ нимъ... Я видѣла какъ съ каждымъ днемъ онъ гибнетъ, и дрожала отъ восторга... Наконецъ онъ пришелъ ко мнѣ съ пистолетомъ, и я знала, что это не фразы, что онъ непремѣнно застрѣлится. Знала тоже, что могу его успокоить, отвести отъ него эту минуту... а потомъ мнѣ стоило только перемѣнить съ нимъ обращеніе, оставить его въ покоѣ, и онъ скоро бы излѣчился отъ своего безумія... Но я ужь не могла его оставить, меня тянуло довести до конца, тянуло посмотрѣть какъ при мнѣ, изъ-за меня, человѣкъ умирать будетъ... И я это увидѣла, и я испытывала страшное наслажденіе!.. Онъ лежалъ въ крови предо мною, съ искаженнымъ лицомъ. Лихорадка била меня; но я не отрываясь на него глядѣла... Онъ не умеръ... его вылѣчили...

Голосъ ея оборвался, и она схватилась за грудь, какъ будто ей дышать было нечѣмъ.

Мнѣ казалось, что я слышу безумный горячечный бредъ и самъ теряю разсудокъ. Большая, едва освѣщенная комната измѣнялась въ глазахъ моихъ, стѣны уходили, открывалось безконечное темное пространство, которое надвигалось на меня и дышало то огнемъ, то мракомъ...

— Потомъ былъ другой, вдругъ снова заговорила она страшнымъ шепотомъ,—ужь не мальчикъ... самая первая наша губернская красавица его любила... Эта исторія продолжалась нѣсколько лѣтъ, и ее всѣ знали. Я должна была его отбить у красавицы, и

сдѣлала это: онъ скоро ходилъ за мной какъ собачка. Но мнѣ этого было мало, мнѣ хотѣлось его одурачить... Я согласилась на свиданіе... зимою, съ бала я уѣхала, какъ будто домой, къ теткѣ... онъ ждалъ меня за угломъ, мы сѣли въ карету, онъ привезъ меня за городъ, въ маленькій домикъ... Это было опасно: я чувствовала восторгъ и злобу. Подо мной была пропасть, я держалась на тонкой жердочкѣ, у меня духъ захватывало... И долго, долго я тянула эту отчаянную игру.. я ужь и себя испытывала!... Онъ былъ счастливъ, онъ вѣрилъ любви моей: да и какъ ему было не вѣрить!.. я... и вотъ въ ту минуту когда онъ ужь думалъ, что владѣетъ мною, я вырвалась отъ него, захохотала, и прежде чѣмъ онъ опомнился, мчалась въ его каретѣ обратно въ городъ... Потомъ еще... слушай... я отняла мужа у жены... Она его обожала, она была почти ребенокъ... она черезъ четыре мѣсяца умерла въ скоротечной чахоткѣ... Но мнѣ надоѣли всѣ эти люди: все это было одно и то же... на бульварѣ я подошла къ погибшей женщинѣ и подружилась съ нею... я бывала у нея... я все видѣла...

Холодный потъ выступилъ на лбу моемъ, тоска невыносимая давила меня, и я жадно слушалъ.

Я говорилъ себѣ: все это вздоръ, ничего этого не могло быть, ничего этого не было. Она нарочно мучитъ меня, все это нарочно. Но, Боже мой, если ничего этого не было, такъ какъ же могло ей все это пригрезиться, какъ могла она додуматься до всего этого, найти все это для того, чтобы меня мучить?

Наконецъ она замолчала.

— Ну вотъ, ну вотъ я все тебѣ и сказала. Что-жь ты мнѣ отвѣтишь на это? противна я теперь тебѣ, или все еще повторишь, что меня любишь?

— Я не вѣрю тебѣ, прошепталъ я: — все что ты говорила невозможно! Ничего этого не было:

— Мнѣ самой иногда кажется, совершенно тихо, спокойно и серьезно сказала она, — мнѣ самой кажется что этого не было, что это мнѣ только снилось,—но вѣдь нѣтъ, все это дѣйствительно было... Скажи мнѣ теперь, развѣ возможна любовь наша, развѣ можешь, развѣ смѣешь ты любить меня? такую!... Когда я тебя увидѣла снова, когда я увидѣла что ты опять меня любишь, что ты можетъ-быть даже и не переставалъ любить меня, на меня пахнуло счастьемъ и были минуты, даже дни въ эти послѣдніе мѣсяцы, когда я вѣрила въ возможность любви нашей. Но теперь я этому не вѣрю. О, André, милый мой! чтобъ я дала, чтобъ я сдѣлала, на чтобъ я рѣшилась, лишь бы можно было уничтожить все то что я тебѣ разсказала, забыть все это прошлое! Если бы кто-нибудь могъ взять надо мною такую силу чтобы вырвать изъ меня навсегда возможность этого безумства, этихъ мученій, которыя меня преслѣдуютъ!... Я люблю тебя, но въ тебѣ нѣтъ такой силы, ты ничего со мной не сдѣлаешь. Вспомни каждый день съ этой нашей послѣдней встрѣчи, вотъ теперь все это время—мы почти ежедневно видались, ты могъ меня понять, ты знаешь меня. Ты видѣлъ —пройдетъ день, другой, третій; я твердо рѣшилась быть тебя достойною, я довольна, счастлива.... и вдругъ въ одну минуту, неожиданно для меня самой, все перевернется, тоска меня начинаетъ душить, сама

не знаю чего хочу, сама не знаю что дѣлаю. Вотъ моя жизнь! Никто мнѣ не повѣритъ, но ты мнѣ долженъ повѣрить!.. Иной разъ цѣлыя ночи на пролетъ я заснуть не могу и плачу, плачу... Мнѣ кажется что кто-то стоитъ надо мной и давитъ меня и терзаетъ, и мнѣ хочется избавиться отъ этой пытки, хочется дохнуть чистымъ воздухомъ, вырваться на волю!... О, какъ иногда я люблю тебя! Вотъ теперь, сейчасъ: мнѣ ничего не нужно, я понимаю все, я люблю все и всѣхъ, я могу наслаждаться всѣмъ что только есть прекраснаго на свѣтѣ. Вотъ теперь если ты уйдешь отъ меня, я запрусь дома, я стану читать, и каждое слово во мнѣ будетъ оставаться и приносить мнѣ наслажденье. Теперь я могу сѣсть за рояль и найти цѣлую жизнь въ звукахъ, —а завтра можетъ-быть мнѣ тошно станетъ, темною покажется и музыка, и поэзія, и все чѣмъ живешь и можешь жить ты. И меня опять потянетъ къ чему-нибудь дикому, безобразному. Ахъ, это ужасно!.... Чтожь ты молчишь, скажи мнѣ, скажи что-нибудь, а я тебѣ все ужь сказала!

Я молчалъ потому что жадно слушалъ, я молчалъ потому что теперь изъ этого ея послѣдняго признанія мнѣ стало многое выясняться. Да, я не обманывался: вотъ она, вотъ этотъ живой, этотъ свѣтлый образъ, который является мнѣ временами. Да, я правъ былъ, всю жизнь былъ правъ, зная что она неповинна, что надъ нею совершается какая-то кара за какое-то чужое преступленіе. Въ ней два существа: поэтому-то я и люблю ее, и конечно теперь, какихъ бы ужасовъ она мнѣ ни сказала, какихъ бы ужасовъ ни было въ ея прошломъ, я ее не оста-

влю. Она говоритъ что нѣтъ во мнѣ надъ нею силы. Но можетъ-быть есть эта сила, можетъ-быть въ концѣ концовъ и спадетъ эта ужасная оболочка и вырву я Зину на свѣтъ Божій!

— Чтожь ты молчишь, André? говори, скажи что-нибудь! повторяла она.

— Я люблю тебя, отвѣтилъ я ей, — и теперь люблю больше чѣмъ когда-либо, и теперь знаю что нельзя мнѣ уйти отъ тебя.

— Ахъ, уйдешь, откажешься... я чувствую что мы никогда ничего не рѣшимъ и никогда не будемъ счастливы!

Въ передней раздался звонокъ: это генералъ возвращался.

Зина прибавила огня въ лампѣ и блѣдная, съ горящими глазами, но повидимому совершенно спокойная, вышла на встрѣчу генералу.

X.

Это объясненіе, котораго я такъ долго ждалъ и такъ страшился, пришло неожиданно и неожиданно хорошо для меня кончилось. Одинъ, у себя, я долго разбирался во всемъ что случилось, вникалъ въ каждое слово Зины, и все лучше и лучше становилось на душѣ у меня. Зачѣмъ я такъ отчаявался? Какъ бы безумно поступилъ я, если бы, не дождавшись, не понявъ наконецъ всего, уѣхалъ въ деревню; и какое счастье что не уѣхалъ!

Наконецъ-то теперь я ясно ее вижу и понимаю! Да, многое побороть нужно, но все-же вотъ сегодня развѣ не вся душа ея была предо мною? и развѣ теперь я имѣю право сомнѣваться въ душѣ этой! Нѣтъ! возможно счастье, и чѣмъ труднѣе достигнуть его, тѣмъ прочнѣе оно будетъ. Что́ будетъ завтра, послѣзавтра—я не могъ рѣшить этого, но зналъ, что ничего дурнаго теперь быть не можетъ. Я вѣрилъ

въ свои силы, надо мной звучали слова ея, я зналъ, что она меня любитъ и что нужно только уничтожить, обезсилить тѣ мучительныя чары, которыя издавна нависли надъ нею, и давятъ ее, и закутываютъ мракомъ ея свѣтлую душу. Одно только есть заклинаніе, способное уничтожить эти чары, и я владѣю этимъ заклинаніемъ; оно — великая любовь моя къ ней. Эта любовь должна побѣдить все и побѣдитъ конечно...

На другой день я только-что собрался было къ Зинѣ, какъ услышалъ въ передней звонокъ.

„Никого не принимать, я уѣзжаю“, крикнулъ я Ивану. „Слушаю-съ!“ отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ вотъ онъ кого-то впускаетъ, кто-то вошелъ въ переднюю, кто-то ужь въ моей пріемной... шевелится портьера въ кабинетѣ, и чрезъ мгновеніе кто-то крѣпко, горячо меня обнимаетъ...

Я едва пришелъ въ себя отъ изумленія — мама! Я никакъ не ожидалъ ея: ей незачѣмъ было теперь пріѣзжать въ Петербургъ, и тѣмъ болѣе, что самъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ деревню, по крайней мѣрѣ они меня ожидали. Въ первую минуту я даже испугался: „не случилось-ли у насъ чего-нибудь?“ Но мама меня успокоила. Она объявила, что всѣ здоровы и что все благополучно.

— Такъ какъ-же это ты... и даже ничего не написала! изумленно спрашивалъ я, цѣлуя ея руки, и чувствуя, что къ блаженству, охватившему меня со вчерашняго вечера присоединяется еще новое блаженство, которое я всегда испытывалъ въ первыя минуты свиданія съ матерью.

— Да вотъ, на старости лѣтъ какія штуки

устраиваю, сюрпризы полюбила! отвѣчала мама, охватывая мою голову руками и крѣпко меня къ себѣ прижимая.

Но вѣдь я зналъ, что никакихъ штукъ она не могла полюбить на старости лѣтъ, и все это меня изумляло и пугало.

Я взглянулъ въ ея глаза; она какъ угодно могла хитрить, но лицо ея не могло обмануть меня, и на этомъ лицѣ я увидѣлъ столько тоски, тревоги, столько мучительнаго, жаднаго въ меня всматриванья, что я сразу догадался зачѣмъ она пріѣхала. Она почуяла, какъ часто это съ нею бывало, что мнѣ плохо, что для меня нужно ея присутствіе, и вотъ она явилась.

Только теперь она ошиблась, мнѣ не плохо, напротивъ, теперь я наконецъ у самаго счастія!

А между тѣмъ я зналъ, что она не можетъ ошибаться, потому что никогда еще не ошибалась, и мнѣ становилось страшно.

— Знаю я теперь, зачѣмъ ты пріѣхала, и вижу, какъ хорошо что ты пріѣхала, да, именно тебя мнѣ очень нужно.

— Я знала что нужно, прошептала мама съ легкимъ вздохомъ, и опустилась въ кресло, какъ будто у нея подкосились ноги.

Я сталъ снимать съ нея шляпку, кинулся велѣть подавать чай и завтракъ, вернулся опять въ кабинетъ, а она все сидѣла неподвижно на томъ же мѣстѣ.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ея маленькія, уже начинавшія сморщиваться, руки, и жадно, жадно цѣловалъ ихъ, и смотрѣлъ на нее, и не могъ отор-

ваться отъ лица ея. Долго мы такъ сидѣли, почти ничего не говоря, какъ всегда это бывало между нами въ первыя минуты свиданія.

Она очевидно читала въ лицѣ моемъ все, что ей нужно было знать, а я, что-же я-то могъ прочитать въ ней, кромѣ этой безконечной любви ея, которая всегда, въ минуты сильнѣйшаго своего проявленія, поднимала сладкую боль и слезы въ моемъ сердцѣ.

Я не видалъ мама съ прошлаго лѣта, съ того самаго времени, когда уѣзжалъ изъ деревни счастливымъ и довольнымъ женихомъ Лизы. Я, должно признаться, такъ мало думалъ о ней всю эту зиму; я почти равнодушно извѣстилъ ее о томъ, что моя свадьба разстроилась, и потомъ, въ другомъ письмѣ, мелькомъ упомянулъ о пріѣздѣ Зины въ Петербургъ...

Еслибъ я не былъ поглощенъ тою новою жизнью, которая нахлынула на меня въ послѣднее время, я былъ-бы давно уже подготовленъ къ посѣщенію мама, я долженъ былъ знать, какія минуты пережила она, получивъ эти два письма мои. Но развѣ тогда, когда это было нужно, думалъ я о томъ, чего стóятъ ей нѣкоторыя мои письма и нѣкоторыя слова мои?! Потомъ, поздно ужь, вспоминалъ я все и каждый разъ мучился и каждый разъ обвинялъ себя искренно, считая себя дурнымъ сыномъ, недостойнымъ такой матери. Но къ чему было все это? Чтó во всю жизнь, кромѣ мученій, принесъ я ей? Да и давно ужь, во всѣ эти спокойные годы моего внутренняго существованія, не пошатнулась, нѣтъ, но какъ будто нѣсколько забылась, какъ будто отошла моя преж-

няя связь съ нею. До сихъ поръ она мнѣ была не нужна — скверное слово, но я ставлю его потому, что такъ кажется оно было,—она мнѣ была не нужна и я часто забывалъ о ней. То-есть нѣтъ, не забывалъ, забыть я не могъ конечно, но думая о ней, я не возвращался къ ней всѣмъ существомъ моимъ какъ прежде, потому что зналъ, что она все равно составляетъ мое владѣніе, которое только лежитъ теперь подъ спудомъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ его не нужно. Но вотъ теперь она нужна мнѣ, хоть еще нѣсколько минутъ предъ ея пріѣздомъ не сознавалъ этого; нѣтъ, видно нужна, потому что я такъ и прильнулъ къ ней, и такъ мнѣ горько и отрадно отъ ея присутствія...

Я опять вглядываюсь въ лицо ея. Я давно его не разглядывалъ, давно не замѣчалъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произвело на немъ время. И смотря на нее, я вспоминаю далекіе прежніе годы, вспоминаю всѣ тѣ минуты, когда она была нужна мнѣ и меня спасала. Мнѣ снова вспоминается тотъ больной ребенокъ, который когда-то съ горячею, безумною головой, съ бредомъ и лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ прижимался къ ней и наконецъ подъ тихій ея голосъ, подъ ея ласки засыпалъ укрѣпляющимъ сномъ и просыпался бодрымъ и здоровымъ. Тѣмъ же роднымъ сладкимъ воздухомъ дышетъ на меня отъ нея; та же нѣжная мягкая рука прикасается къ головѣ моей и также благотворно дѣйствуетъ на меня это прикосновеніе...

Неизмѣнна она, но сколько пережито ею въ это время! Душа ея неизмѣнна, но внѣшность ея измѣнилась. Я только теперь замѣтилъ какъ она поста-

рѣла, сколько мелкихъ морщинокъ легло кругомъ прекрасныхъ глубокихъ глазъ ея; сколько серебряныхъ нитей показалось въ блестящихъ черныхъ волосахъ; какъ глубокія двѣ тѣни вокругъ рта придали всему лицу выраженіе давнишняго привычнаго страданія.

Не радостна была жизнь ея въ эти послѣдніе годы: все какъ-то стало расшатываться, разстраиваться. Огромная домашняя машина, которая всегда цѣликомъ лежала на плечахъ ея, давила ее своею тяжестью. Обстоятельства заставили ее разлучиться со многими дѣтьми: Катя была ужь замужемъ и жила въ Одессѣ; двѣ сестры въ Москвѣ, въ институтѣ; младшій братъ вышелъ такимъ больнымъ, что не могъ совсѣмъ учиться и ежедневно можно было ожидать его смерти. Со всѣмъ этимъ сколько злобы, сколько клеветы обрушилось на нее, и этою злобой, этою клеветой пускали въ нее именно тѣ люди которыхъ она не разъ поднимала на ноги и спасала въ тяжелыя минуты. Теперь отъ нея нечего было больше ждать, теперь она ужь раздала почти все, что имѣла, и вотъ отъ нея отвернулись и провозглашали ее безалаберною, нелѣпою женщиной, разстроившею свое состояніе, не позаботившеюся о будущности своихъ дѣтей. Конечно, были люди, которые знали ее и не могли къ ней измѣниться и должны были теперь-то именно и цѣнить ее больше; но даже и въ этихъ людей она какъ-то перестала вѣрить...

А всего больше все-таки я же самъ ее состарилъ; я, который зналъ и цѣнилъ ее вѣрнѣе и лучше всѣхъ остальныхъ; я, который могъ только гордиться тѣмъ,

что она „не позаботилась о будущности своихъ дѣтей". Я зналъ, что вся ея жизнь была этою заботой, и все же я ее состарилъ. Я чувствовалъ и понималъ теперь какъ состарилась она даже въ эти послѣдніе четыре мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ получила письма мои о разрывѣ съ Лизой и о пребываніи Зины въ Петербургѣ. Я понималъ, что́ должна была пережить она до той минуты какъ выѣхала изъ деревни и пріѣхала сюда безо всякой видимой побудительной причины.

Наконецъ мы заговорили, и конечно обоимъ намъ не нужно было подходить къ этому разговору: мы его начали съ конца, съ настоящей минуты. Разсказывать мнѣ было нечего, такъ какъ она сразу объявила, что все знаетъ: знаетъ, что я разошелся съ Лизой ради Зины и что я теперь измученъ, и что мнѣ нужно спасаться.

— Нѣтъ, въ этомъ ты кажется ошибаешься, мама!

Я передалъ ей весь вчерашній разговоръ.

Она грустно покачала головой.

— Что-жь ты можешь видѣть въ этомъ разговорѣ и откуда вдругъ изъ него выводишь свое счастье? Почему надѣешься ты, что можешь ее передѣлать? Эхъ, André, бываютъ такія натуры, которыхъ никакая сила любви не можетъ передѣлать, и это одна изъ такихъ натуръ. Я давно ее поняла и давно знала, что ничего кромѣ горя не принесетъ она намъ. Вотъ я было успокоилась, думала, что чаша эта тебя миновала. Но и знаешь, тогда даже, когда я была совсѣмъ увѣрена въ твоемъ семейномъ счатьи, увѣрена въ твоемъ чувствѣ къ невѣстѣ, и тогда мнѣ порою становилось страшно, и представлялось

мнѣ: а вдругъ—вотъ ты счастливъ, у тебя любящая, любимая тобою жена, тихая, спокойная жизнь, можетъ-быть дѣти, которыхъ непремѣнно ты и любилъ бы, и вдругъ является она!.. Вотъ что меня мучило, преслѣдовало какъ кошмаръ какой-нибудь... Я представляла себѣ какъ она явится, и всегда, всегда съумѣетъ разрушить твое счастье и разбить твою жизнь...

Голосъ мама дрогнулъ, и она поднялась въ волненіи.

— Знаешь, продолжала она,—знаешь, это даже хорошо что она явилась слишкомъ рано, если суждено тебѣ погибнуть, то по крайней мѣрѣ ты одинъ погибнешь, а тогда бы съ тобою погибло много невинныхъ. Но, Боже, какъ все это страшно! Ты мнѣ ничего не писалъ и хотя я все предчувствовала, все понимала, но все же мнѣ казалось иногда, все же я надѣялась что можетъ быть и не такъ оно... Ѣхала я сюда и думала: „можетъ быть она только посмѣется надъ нимъ и оттолкнетъ его“, а вотъ ты теперь хвалишься что счастливъ!,.. Да я-то вижу что во вчерашнемъ этомъ разговорѣ и заключается все твое несчастье. Она сказала что любитъ тебя, она хорошо знала что въ этой фразѣ твоя погибель,—оттого можетъ-быть и сказала ее...

— Но неужели ты совсѣмъ не можешь повѣрить ей, мама? Неужели ты не предполагаешь въ ней дѣйствительно ничего ужь свѣтлаго? Ты заблуждаешься, ты ея не знаешь... Да, конечно .. я понимаю, что ты иначе и не можешь смотрѣть на нее. Но увѣряю тебя, я знаю, всею душой моею знаю

что можно теперь успокоиться и что все хорошо будетъ...

— Ничего не будетъ. Она родилась такою, и умретъ. Помнишь, помнишь ты мнѣ разсказывалъ—не тогда, когда это было, тогда ты все скрывалъ отъ меня—а потомъ разсказывалъ про ея жестокость съ животными, про сцену въ кухнѣ съ несчастнымъ ракомъ: она вся тутъ, такою и осталась. И теперь ты этотъ ракъ, которымъ она играетъ, котораго танцовать заставляетъ, котораго рветъ на части: это дьяволъ,—я ее знаю.

Мы были такъ взволнованы, что ничего не слышали; но вдругъ спущенная портьера зашевелилась, и мы увидѣли Зину.

Въ первое мгновенье, взглянувъ на нее и узнавъ ее, мама вся вздрогнула, хотѣла уйти куда-нибудь, искала глазами выхода изъ комнаты.

Зина посмотрѣла на меня, потомъ на мама и съ невольнымъ крикомъ, съ быстро набѣжавшими слезами бросилась предъ мама на колѣни, схватила ея руки, стала цѣловать ихъ и все плакала, и все цѣловала, и глядѣла съ такою нѣжностью, такимъ дѣтскимъ, жалкимъ и милымъ взглядомъ.

Я оставался неподвижнымъ предъ этою сценой, я жадно всматривался въ нихъ обѣихъ. И вотъ я сталъ замѣчать какъ мама, сначала испуганная, изумленная и негодующая, понемного стала свѣтлѣть и измѣняться.

Да, я не ошибался: она ужь не хочетъ уйти, не хочетъ освободиться отъ этихъ нежданныхъ, ненавистныхъ поцѣлуевъ. Она смотритъ, смотритъ на Зину, и вдругъ... вдругъ обнимаетъ ее одною рукой... Вотъ и на ея глазахъ слезы, вотъ она совсѣмъ ужь обняла ее и цѣлуетъ. Я не могъ оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого, я кинулся къ нимъ, я усадилъ ихъ рядомъ.

— Ахъ, Боже мой, заговорила Зина, нѣжно и радостно глядя на мама,—какое это было сумасшествіе! Я, я думала, что забыла васъ, что не люблю васъ; иногда мнѣ казалось даже, что во мнѣ есть къ вамъ какое-то враждебное чувство и что я даже имѣю почему-то на него право... Какое безуміе! Знаете, мама, знаете, что еслибъ я узнала, что вы здѣсь, и что я должна васъ встрѣтить у André, я бы ни за что не пріѣхала. Я въ первую минуту даже не узнала васъ; но когда узнала, то увидѣла какъ васъ люблю... И, Боже мой, какъ я счастлива, что вы здѣсь и именно теперь!... André, сказала она, взглянувъ на меня и протягивая мнѣ руку,—знаешь ли ты, что это огромное для насъ счастье, что мама пріѣхала.

— Конечно я это знаю, отвѣтилъ я.

— И какъ хорошо, что сейчасъ же, теперь же мы всѣ встрѣтились! продолжала Зина. — Мама, вотъ вы-то, вы-то должны меня ненавидѣть! Взгляните на меня, посмотрите, скажите мнѣ хоть что-нибудь, вѣдь вы мнѣ еще ничего не сказали!..

— Что-жь мнѣ сказать тебѣ? прошептала мама, поднимая на нее свои глаза съ тихимъ и нѣжнымъ выраженіемъ,—я тоже никакъ не воображала, что

встрѣчусь такъ съ тобою... Ты-то смотри на меня, смотри... вотъ такъ!

Она взяла обѣими руками и наклонила къ себѣ лицо Зины, и Зина прямо на нее глядѣла Ея странные, молчащіе глаза не молчали теперь, а изливали потоки яснаго свѣта. Мама видѣла этотъ свѣтъ: ея лицо говорило мнѣ это, и я не могъ сомнѣваться.

Зина вдругъ отстранилась отъ нея, будто для того чтобы лучше разглядѣть и прочесть ея мысли.

— Вѣрите ли вы мнѣ? проговорила она, — о, чтобъ я теперь сдѣлала чтобы заставить васъ вѣрить! Да, вы мнѣ должны вѣрить!.. André, я шла къ тебѣ сегодня затѣмъ, чтобы докончить вчерашній разговоръ. Мама, вѣдь вы все знаете, я понимаю, что онъ не могъ утаить отъ васъ что-нибудь и что это не нужно. Я шла къ нему, чтобы досказать... Еще вчера, говоря съ нимъ, я въ себѣ сомнѣвалась, но потомъ всю эту ночь я не заснула ни на минуту, я все думала, думала, я много пережила въ эту ночь, и вотъ я для того здѣсь, чтобы сказать ему: не уходи, ты можешь спасти меня...

Она крѣпко схватила мою руку, а другою рукой привлекла къ себѣ мама.

— О, какъ вы должны были ненавидѣть меня, дорогая мама, и какъ я этого стоила! Сколько мукъ, сколько несчастья я вамъ причинила, и тогда, давно, а главное теперь, въ это послѣднее время!.. Да, но вѣдь и сама я очень несчастна, и меня тоже пожалѣть можно... Вотъ я теперь каюсь передъ вами...

И точно, она каялась. Все лицо ея преобразилось; изъ глазъ ея, поднятыхъ куда то надъ нами, по временамъ капали крупныя слезы; она вся была воплощеніе искренности.

— Да, говорила она, — пріѣхавъ сюда и увидя André я ужь знала, что дѣлаю: я видѣла, что мнѣ стоитъ сказать ему одно слово, что мнѣ стоитъ такъ, а не иначе взглянуть на него, и онъ не уйдетъ отъ меня, и онъ порветъ все, что было до меня. Я знала, что онъ женится, навѣрно слышала объ этомъ, и я въ одинъ часъ разстроила все это... О, какъ вы должны меня ненавидѣть!

Мама ничего не отвѣчала, она только слушала.

— Я разстроила только для того, чтобы разстроить, но когда онъ пришелъ ко мнѣ, когда я увидѣла, что все кончено; что онъ ужь не вернется туда, къ той дѣвушкѣ, должно-быть прекрасной дѣвушкѣ, я вдругъ поняла, что можетъ-быть разстроила не даромъ, а для того, чтобы быть счастливою. Я поняла, что люблю его, впрочемъ я и всегда его любила. Больше я ничего не могу говорить, про все это время онъ самъ можетъ разсказать вамъ; онъ самъ все видѣлъ, и вчера я ему все досказала. Пусть онъ скажетъ вамъ, какъ я отдаляла минуту нашего окончательнаго разговора; пусть онъ скажетъ вамъ, какъ я, чувствуя, что не въ силахъ совладать съ собою, все дѣлала для того, чтобъ отдалить его отъ себя, чтобъ онъ меня возненавидѣлъ, чтобъ убѣжалъ отъ меня... Да, я ужасно виновата... Я знаю то зло, которое во мнѣ есть, но все же, отдаляя его отъ себя, я много мучилась, потому что люблю его. А вотъ вчера онъ совсѣмъ побѣдилъ меня... теперь

мнѣ не страшно ни за себя, ни за него, и я рада, охъ, какъ я рада, что могу это сказать ему при васъ, что вы свидѣтельница этому!

— Зина, я вѣрю твоей искренности, тихо проговорила мама, но умоляю тебя, подумай хорошенько— ты знаешь, что теперь слишкомъ многое рѣшается, увѣрена ли ты въ себѣ?

— Нѣтъ, видно вы мнѣ не вѣрите! отчаяннымъ голосомъ почти крикнула Зина, хватаясь за голову. —Да вы и имѣете право не вѣрить!

Она замолчала. Лицо ея оставалось неподвижно, глаза закрыты, она какъ будто вся уходила въ свой внутренній міръ. Но вотъ она открыла глаза, прямо взглянула на меня и на мама и какимъ-то торжественнымъ, страннымъ голосомъ сказала:

— Вѣрьте мнѣ, я не обманываю ни себя, ни васъ, теперь я въ себѣ увѣрена.

Страшная тяжесть спала съ насъ.

Какое это было утро! какъ вдругъ просвѣтлѣла моя маленькая квартирка, какъ онѣ обѣ, и мама, и Зина, у меня хозяйничали и все осматривали, пересчитывали всѣ принадлежности моего хозяйства и дѣлали свои милыя замѣчанія, и обѣ громко смѣялись. Зина превратилась въ шаловливаго, милаго ребенка, а мама вдругъ помолодѣла лѣтъ на десять, даже какъ-то разгладились и совсѣмъ исчезли эти мучительныя тѣни вокругъ ея рта, которыя придавали ея лицу такое невыносимое для меня выраженіе.

Зина объявила что она весь день останется у насъ; что она не можетъ теперь отъ насъ оторваться, и мы весь день провели втроемъ. Это были самыя праздничныя минуты во всей моей жизни.

Прошло три дня. Зина являлась къ намъ съ утра, и мы не разставались до ночи... Погода все стояла прекрасная. По вечерамъ мы ѣздили за городъ. Ни одною миной, ни однимъ знакомъ Зина не нарушала очарованія, въ которомъ мы находились. Я видѣлъ и чувствовалъ, что мама совершенно успокоилась.

Но вотъ послѣ трехъ безмятежныхъ дней Зина исчезла: два дня о ней не было ни слуху, ни духу. Наконецъ даже мама сказала мнѣ:

— Поѣзжай, узнай что съ ней такое? Можетъ быть заболѣла...

Я поѣхалъ.

Это было вечеромъ. Еще съ улицы я замѣтилъ что у генерала гости, потому что всѣ окна были ярко освѣщены. Я не ошибся: въ гостиной я засталъ всю компанію, только Рамзаева не было. Вообще всѣ эти дни онъ куда-то исчезъ, иначе непремѣнно бы явился ко мнѣ, узнавъ что мама пріѣхала.

Генералъ съ Александрой Александровной и ея мужемъ играли въ карты. Онъ пожаловался мнѣ на нездоровье и я пошелъ дальше, искать Зину.

Я засталъ ее въ ея будуарѣ. Она лежала на chaise longue; Коко сидѣлъ, согнувшись въ три погибели, на низенькой скамеечкѣ у ногъ ея, а толстый Мими стоялъ у ея изголовья и махалъ ей въ лицо вѣеромъ.

— А! André, это ты! лѣнивымъ голосомъ проговорила Зина и даже не поднялась съ мѣста. — Ви-

дишь, я больна и мои придворные меня забавляютъ... Мими, дайте André стулъ.

Мими вмѣсто стула подалъ мнѣ руку, но Зина настойчиво повторила:

— Слушайте, дайте сейчасъ André стулъ, поставьте его сюда!

Мими что-то промычалъ, но поспѣшно исполнилъ ея приказаніе!

— Садись, André.

Я сѣлъ, потому что у меня все равно подкашивались ноги.

Зина обернула ко мнѣ свое лицо съ полузакрытыми глазами. Какое это было лицо! въ немъ не было ровно ничего общаго съ тѣмъ, которое я и мама видѣли въ эти послѣдніе дни.

— Если ты больна, отчего же ты не написала? мама такъ о тебѣ безпокоится! проговорилъ я.

Тутъ вмѣсто отвѣта Зина сдѣлала какую-то странную гримасу.

— Я сама сегодня собиралась къ вамъ, только не удалось; къ тому же конечно я надѣялась что ты посѣтишь меня сегодня... Ахъ, какая скука! медленно продолжала она, потягиваясь и зѣвая.—Коко, отчего вы умѣете говорить только однѣ глупости? Я желала бы знать, неужели никогда въ жизни вамъ не пришлось сказать ни одной умной вещи, хоть нечаянно?

— Я увѣренъ что всегда говорю самыя умныя вещи, очень серіозно отвѣчалъ Коко. — Вы знаете что самыя умныя вещи всегда кажутся глупостями людямъ...

— Ого! вдругъ засмѣялась Зина, — такъ вы въ

самомъ дѣлѣ иной разъ умѣете умно говорить! или, можетъ-быть, это сейчасъ была самая умная вещь которую вы сказали.... Во всякомъ случаѣ поздравляю васъ и позволяю за это поцѣловать мою руку...

Она протянула ему руку, и онъ впился въ нее губами.

— Да отпустите же, отстаньте! какъ-то ужасно хохоча, повторяла Зина и вдругъ, повернувшись, оттолкнула отъ себя Коко ногою.

Я чувствовалъ какъ у меня пересохло въ горлѣ и закружилась голова.

„Что это такое было? Гдѣ я? Что это — будуаръ кокотки?...“

Я совсѣмъ задыхался въ этой атмосферѣ и приподнялся съ кресла, порываясь уйти.

Зина быстрымъ движеніемъ меня остановила.

— Ты ужь исчезаешь, André? Теперь, такъ какъ мама здѣсь, я не смѣю тебя удерживать, но постой минутку, я напишу ей маленькую записочку.

Я машинально снова опустился въ кресло. Она подошла къ письменному столику, что-то быстро написала, запечатала въ конвертъ и подала мнѣ.

— Пожалуста, передай мама.

Я взялъ записку, положилъ ее въ карманъ, кажется пожалъ руки Коко и Мими... Вотъ и Зина протянула мнѣ свою руку. Я ужь уходилъ, но она пошла за мною. Я не смотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ ей.

Мы проходили черезъ столовую, блѣдно освѣщенную висящею лампой. Никого не было. Коко и Мими не вышли за нами.

— André, остановись! вдругъ сказала Зина.

Я обернулся къ ней и схватилъ ее за руки.

— Зина, задыхаясь прошепталъ я,—поѣдемъ со мною, можетъ-быть еще возможно... Скорѣй, сейчасъ, рѣшайся... иначе будетъ поздно!

— Поздно, André, тихо отвѣтила она,—поздно. прощай, мой милый!...

Я замѣтилъ какъ она хотѣла обнять меня, какъ ужъ поднялись было ея руки, но тотчасъ же и опустились и вмѣстѣ съ ними низко опустились ея рѣсницы. Страшно блѣдною показалась она мнѣ въ полусвѣтѣ комнаты.

— Прощай, едва шевеля губами повторила она и тихо повернулась, и тихо пошла отъ меня.

Я хотѣлъ броситься за нею, хотѣлъ силой увлечь ее съ собою, но остановился. Ужасъ охватилъ меня, и я бросился скорѣй домой, къ мама.

Мама испуганно взглянула на лицо мое и дрожащими руками распечатала записку Зины. Она медленно прочла ее, уронила на полъ и нѣсколько мгновеній сидѣла неподвижно, блѣдная, съ такимъ страдающимъ лицомъ, что за одно это лицо я долженъ былъ навсегда возненавидѣть ту, которая написала эту упавшую на полъ записку.

Мама все сидѣла неподвижно, а я нашелъ наконецъ въ себѣ силу поднять и прочесть записку.

И я прочелъ:

„Вы напрасно мнѣ повѣрили, я опять обманула и себя и васъ: я ничего не могу сдѣлать съ собою Сегодня все рѣшилось; я выхожу замужъ за этого старика, онъ меня покупаетъ. Я не въ силахъ была сказать это André, вы скажете лучше и спасете его,

вѣдь затѣмъ вы и пріѣхали“.

Записка мнѣ не сказала ничего новаго. Уже простившись съ Зиной я все зналъ навѣрное.

Во весь конецъ этого вечера мы почти не сказали другъ другу ни одного слова.

Я напрягалъ всѣ усилія чтобы казаться твердымъ. Мама тоже не выражала ни горя своего, ни негодованія. Потомъ я понялъ, что ея присутствіе тогда спасло меня.

На другой день мы вмѣстѣ уѣхали въ деревню.

XI.

Какіе чудные дни наступили теперь здѣсь, на берегахъ Женевскаго озера!... Какъ все блещетъ теплыми, ласкающими взглядъ красками, какъ все дышетъ молодою весеннею жизнью!... И эта жизнь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ требуетъ себѣ больше и больше простора, поднимается выше и выше на бѣлыя горы...

И горы темнѣютъ; таютъ и разливаются сотнями ручьевъ ихъ снѣга и льдины... И бѣгутъ ручьи, перегоняя другъ друга со звономъ и плескомъ, бѣгутъ въ кипучія воды Роны и Арвы... Только вѣчно мертвы и угрюмы далекіе великаны, предводимые Монбланомъ, до нихъ не добраться веснѣ и жизни, и холодно обливаетъ солнце ихъ блѣдныя вершины...

Я послушался madame Brochet и пошелъ подышать воздухомъ. Долго бродилъ я по знакомымъ

мѣстамъ, гдѣ такъ часто бывалъ вмѣстѣ съ Зиной. Но, странное дѣло, теперь она мнѣ не вспоминалась, даже какъ-то призатихла тоска моя. Весенній запахъ, весеннія краски стали навѣвать на меня другія воспоминанія.

Какимъ далекимъ мнѣ кажется то лѣто, когда я пріѣхалъ съ мама въ деревню! Намъ пришлось тогда больше двухъ дней ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ. Ахъ, какая это была каторга! Но я рѣшился, во что бы то ни стало, не поддаваться своимъ мученіямъ и выдержать,—у меня хватило силы подумать и о мама.

Мы ѣхали и бодрились другъ предъ другомъ; то сознавали этотъ обманъ, то, минутами, надѣялись что онъ удастся. Мама только объ одномъ заботилась, какъ-бы настолько сильно выразить мнѣ свою любовь, чтобъ я почувствовалъ, что эта любовь чего-нибудь стóитъ, и нашелъ въ ней утѣщеніе и поддержку. Ея присутствіе, необходимость всячески сдерживать себя, отгонять свои мысли отъ ужаснаго предмета, заботиться о томъ, какъ-бы обмануть ее, подъ конецъ оказались благотворными: я пріѣхалъ въ деревню несравненно болѣе бодрымъ, чѣмъ можно было ожидать. Прошли первые страшные дни. Мама неустанно слѣдила за мною, она рѣшилась во что бы то ни стало залѣчить тоску мою. Она употребляла для этого всѣ тѣ средства, которыми обладала и которыхъ у нея всегда было много...

Я думаю, мало кто изъ нашихъ знакомыхъ считалъ ее умною женщиной; она никогда не играла ровно никакой роли въ обществѣ, напротивъ, общество всегда тяготило ее, и она его избѣгала. Она до

старости не умѣла отдѣлаться отъ какой-то дѣтской конфузливости, при чужихъ терялась, часто не находила словъ, часто даже говорила невпопадъ и отъ этого конфузилась еще больше, и можетъ быть въ иныхъ глазахъ казалась даже смѣшною Тотъ, кто видѣлъ ее и зналъ только мелькомъ, въ гостинной, конечно никогда и вообразить себѣ не могъ, какой необыкновенный умъ сердца у этой женщины. Ее нужно было видѣть дома, въ ея постоянной обстановкѣ, въ ея отношеніяхъ къ самымъ близкимъ, дорогимъ ей людямъ. Вотъ тутъ она являлась въ совершенно новомъ свѣтѣ. Тамъ, гдѣ близкій ей человѣкъ страдалъ, гдѣ надъ нимъ собиралась или ужь разразилась гроза, тамъ появлялась она во всеоружіи, и тогда для нея все ужь было ясно, она ни надъ чѣмъ не задумывалась, ничѣмъ не смущалась, у нея вдругъ находились и слова и поступки...

Ей удалось и меня скоро успокоить. Я началъ кое-какъ справляться съ собою. Конечно, все же бывали дни, когда я не зналъ куда дѣваться отъ тоски, и въ такія минуты обыкновенно приходилъ къ мама и бесѣдовалъ съ нею.

Въ этихъ разговорахъ мы никогда не касались Зины. Мы говорили объ общихъ дѣлахъ, о планахъ на будущее. Наконецъ, какъ-то послѣ долгихъ подготовленій, мама рѣшилась упомянуть имя Лизы. Я видѣлъ, я понималъ, какъ бы она была счастлива, еслибъ я снова сошелся съ Лизой, я понималъ даже, что она мечтаетъ объ этомъ, и если никогда мнѣ этого не высказала, такъ потому только, что ее смущалъ вѣчный призракъ. Еслибъ она была увѣрена, что я никогда больше въ жизни не встрѣчусь съ

Зиной, что Зина или умерла или уѣхала куда-нибудь, откуда никакимъ образомъ не можетъ вернуться, о тогда бы она конечно заговорила иначе. Но теперь не говорила и только старалась узнать отъ меня все мое прошлое съ Лизой, чтобы сообразить что-то: ей вѣрно хотѣлось знать возможна-ли наша встрѣча. И вотъ изъ моихъ разсказовъ она должно-быть поняла, что эта встрѣча возможна, что Лиза пожалуй опять ко мнѣ вернется, стóитъ мнѣ захотѣть только.

— Какое-бы это было счастье! проговорила мама. — Только нѣтъ, лучше и не думать, лучше не мечтать объ этомъ, — продолжала она, тяжело вздыхая; — знаешь, André, я часто по цѣлымъ ночамъ о тебѣ думаю... я иногда надѣюсь... но потомъ какой-то голосъ будто говоритъ мнѣ, что ты никогда не будешь счастливъ... Господи!.. бѣдный мой мальчикъ, зачѣмъ ты такимъ несчастнымъ родился!... Все я передумываю, себя виню; можетъ быть въ самомъ дѣлѣ это вина моя... я, глупая, не умѣла воспитать тебя какъ слѣдуетъ... у другой матери ты вышелъ бы счастливѣе...

Я могъ только грустно улыбнуться, цѣлуя ея руки. А она ужь плакала.

— Да, право такъ, говорила она, — и не возражай мнѣ... я умѣла и умѣю только любить тебя и мучиться вмѣстѣ съ тобою. Но вѣдь этого мало! Лучше пусть бы я тебя меньше любила, да съумѣла съ дѣтства указать тебѣ истинную дорогу.. Андрюша, милый мой, какъ ты живешь, чтó у тебя въ душѣ... вѣдь это ужасъ... вѣдь я понимаю! Тебѣ даны и способности, и талантъ, и чтó ты съ этимъ сдѣлалъ?!..

Ты только мечешься, ты ищешь чего-то и ничего не находишь... Такъ жить нельзя — безъ дѣла, безъ цѣли, безъ радости, безъ вѣры, André, пуще всего безъ вѣры!.. Ну и тутъ я ужь дѣйствительно не виновата... я только и живу, только и спасаю себя вѣрою, а ты знаешь это... я всегда тебѣ говорила съ дѣтства... Андрюша ..

— Я слушалъ ее съ невольнымъ трепетомъ, но при послѣднихъ словахъ ея мнѣ сдѣлалось ужасно неловко, какъ и всегда, когда она говорила со мной о религіи. Въ эти минуты она почему-то дѣлалась вдругъ для меня чужою и непонятною.

— Что же мнѣ дѣлать, сказалъ я, — если я не могу вѣрить... не мало было тяжелыхъ минутъ, и если даже въ эти минуты я не повѣрилъ—такъ значитъ это невозможно...

Слезы катились по щекамъ ея, она опустила голову и на ея лицѣ выражалось такое страданіе, что я сталъ проклинать себя за эти вырвавшіяся слова: вѣдь я тысячу разъ рѣшался молчать предъ нею объ этомъ!

— Ну, такъ ты погибъ! глухимъ голосомъ прошептала она;—если ни на землѣ, ни на небѣ тебѣ нѣтъ помощи, такъ чѣмъ же ты отгонишь отъ себя навожденіе, когда оно сново найдетъ на тебя?!. и чѣмъ же ты думалъ спасти Зину?!.

Она силилась подавить свои слезы, но не могла и громко безнадежно зарыдала.

Меня самого душили слезы. Я кинулся къ ней, я обнималъ ее, цѣловалъ ея руки, но долго не могъ ее успокоить.

Весь этотъ разговоръ, каждое слово такъ и звучитъ теперь предо мною.

Я долго пробылъ въ деревнѣ и уѣхалъ ужь зимою, послѣ Новаго Года.

До сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Зинѣ, тутъ же я зналъ, что сразу получу ихъ, что сразу придется столкнуться съ кѣмъ-нибудь изъ компаніи.

Такъ оно и случилось. Рамзаевъ немедленно же провѣдалъ о моемъ пріѣздѣ и явился ко мнѣ со своими новостями.

Зина съ генераломъ въ Парижѣ. Александра Александровна прогнала мужа, то-есть сдѣлала его управляющимъ имѣніемъ Мими и онъ живетъ теперь въ деревнѣ, его же мѣсто ужь совершенно открыто и безо взякаго стѣсненія занялъ Мими. Коко еще недавно былъ здѣсь, а теперь отправился въ Парижъ, конечно ради Зины.

— Только, конечно, онъ тамъ ничего не добьется, замѣтилъ Рамзаевъ, пристально смотря на меня своими зеленоватыми глазами;—наша барышня оказалась вовсе не такою какъ нѣкоторые люди о ней думали. Она искренно привязана къ мужу несмотря на то, что онъ старъ, да и вообще, какъ оказывается, о ней составилось легкомысленное и невѣрное мнѣніе...

Онъ все пристальнѣе и пристальнѣе глядѣлъ на меня. Онъ очевидно вызывалъ меня, онъ ждалъ, что я не выдержу и выскажусь. Но онъ ошибся: я слу-

шалъ его совершенно спокойно, я былъ подготовленъ къ этимъ словамъ и ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ.

День за днемъ началась моя вторая петербургская жизнь. я снова принялся за мою неоконченную диссертацію, ежедневно цѣлое утро проводилъ въ Публичной Библіотекѣ. Работа быстро подвигалась и наконецъ къ веснѣ была окончена; я выдержалъ экзаменъ, защищалъ диссертацію. Все это прошло тихо: и время было не такое (уже совсѣмъ къ лѣту), и названіе книги моей не подзадоривающее любопытство, да и самъ я наконецъ не искалъ никакой извѣстности. Прежде когда-то, еще въ Лизино время, я мечталъ объ этомъ диспутѣ, но теперь мнѣ было рѣшительно все равно, будутъ ли говорить обо мнѣ и что обо мнѣ скажутъ.

Иногда мнѣ бывало невыносимо скучно; я работалъ и спалъ только для того, чтобы не видѣть времени, чтобъ оно шло какъ можно скорѣе. Что-жь это такое было? не безсознательное ли ожиданіе чего то въ будущемъ? Можетъ-быть: но во всякомъ случаѣ совершенно безсознательное, потому что я никогда въ то время о будущемъ не думалъ.

Послѣ диспута я вернулся опять въ деревню, но прожилъ не долго и поѣхалъ за границу, а потомъ на Кавказъ; мнѣ пришло тогда на мысль найти тамъ себѣ какое-нибудь постоянное занятіе, службу, словомъ, уѣхать какъ можно подальше отъ Петербурга, чтобы совсѣмъ забыть о немъ. Къ тому же, какъ мнѣ казалось, прекрасная, новая и неизвѣстная мнѣ природа должна была возбудить во мнѣ

послѣднее, чтó еще могло скрасить мою жизнь, а именно—страсть къ живописи.

Эта страсть въ послѣдніе годы совсѣмъ ушла отъ меня, и я тщетно звалъ ее. Сколько разъ принимался за кисти, начиналъ то тó, то другое и бросалъ черезъ день: ничего не удавалось.

Я объѣхалъ почти весь Кавказъ, но мѣста себѣ тамъ не нашелъ и даже не набросалъ ни одного эскиза.

Кончилось тѣмъ что, право, самъ не знаю какимъ образомъ я вернулся-таки опять въ Петербургъ и снова сталъ жить день за днемъ. Здѣсь я ничего не искалъ; но мнѣ предложили мѣсто, и я взялъ его. Это измѣнило мое времяпровожденіе, но ни чуть не измѣнило моей внутренней жизни.

Во все это время не было ни одной интересной встрѣчи, этого мало, даже тѣ люди, къ которымъ болѣе всего привыкъ я, которыхъ считалъ своими добрыми знакомыми, гдѣ встрѣчалъ до сихъ поръ всегда самый радушный пріемъ, даже и эти люди стали какъ-то странно ко мнѣ относиться. И я не обманывался въ этомъ: это было дѣйствительно такъ. Я спрашивалъ себя, чтожь все это значитъ? Не виноватъ ли я дѣйствительно въ чемъ-нибудь относительно этихъ людей? вспоминалъ все, каждый свой поступокъ, каждое слово; но моя память ничего мнѣ не предсказывала. Совѣсть моя была совершенно чиста, я никому не дѣлалъ зла, не выводилъ никакихъ сплетенъ, ужь даже потому что съ дѣтства немало ихъ наслушался и чувствовалъ инстинктивное къ нимъ отвращеніе. Что же все это значило? А то, что мой другъ Рамзаевъ наконецъ достигъ своей цѣ-

ли: очернилъ меня гдѣ только могъ и какъ только могъ, выдумалъ нро меня всевозможныя небылицы и, конечно, все это ему отлично удавалось. Calomniez—il en restera toujours quelque chose.

По правдѣ сказать. я даже не особенно изумился и вознегодовалъ, узнавъ что многіе люди, которые имѣли полную возможность хоть немного узнать меня, такъ скоро измѣнили обо мнѣ свое мнѣніе. Я конечно не сталъ оправдываться и просто ушелъ отъ нихъ и не страдалъ отъ этого, такъ какъ они ничего свѣжаго не вносили въ мою жизнь.

Опять я продолжалъ служить, работать, заботиться о сегодняшнемъ днѣ и не думать о завтрашнемъ.

Но вѣдь не могло же такъ продолжаться до безконечности. Тоска начинала меня одолѣвать, я чувствовалъ все яснѣе, все мучительнѣе и мучительнѣе, что долженъ выйти изъ этой невозможной апатичной жизни. Однако что же было съ собой дѣлать? что было придумывать? Въ такихъ обстоятельствахъ вѣдь ничего нельзя придумать, и все придуманное не поведетъ ни къ чему.

Ждать — но чего же? Только двѣ встрѣчи могли меня встряхнуть, и обѣ эти встрѣчи были для меня невозможны. Лизы не было въ Петербургѣ, она жила съ матерью въ деревнѣ. А Зина.... я конечно желалъ только одного: съ ней никогда не встрѣчаться. И конечно я былъ увѣренъ что не допущу этой встрѣчи.

Иногда мнѣ начинало безумно хотѣться чтобы Лиза пріѣхала въ Петербургъ, чтобъ я какъ-нибудь снова ее увидѣлъ. Я говорилъ себѣ, что если она отъ меня не отвернется, если еще въ ней не умерло

прежнее чувство, то она спасетъ меня, поставитъ на ноги, съ ея помощью я найду интересъ въ жизни и начну все снова. Но какъ же я съ ней встрѣчусь? Развѣ я имѣю какое-нибудь право надѣяться на то что она забудетъ старое? О, конечно забудетъ, конечно проститъ и опять вернется!.!.

И вотъ я съ ней встрѣтился. Это было почти ровно черезъ три года послѣ моей послѣдней разлуки съ Зиной. Это было весною, въ Петербургѣ, на улицѣ. Я возвращался домой со службы и замѣтилъ ее только тогда, когда она уже совсѣмъ была предо мною. Она очень мало измѣнилась, только прежній яркій румянецъ ея сдѣлался нѣсколько блѣднѣе, да глаза глубже и серьезнѣе смотрѣли. Она была еще лучше чѣмъ прежде. Этотъ серіозный взглядъ такъ шелъ къ ней.

Я вздрогнулъ и не зналъ что мнѣ дѣлать, имѣю-ли я право остановиться или долженъ пройти. Она не дала мнѣ времени рѣшить этотъ вопросъ, она протянула мнѣ руку, и даже въ лицѣ ея я не замѣтилъ особеннаго смущенія; я видѣлъ только что она откровенно и радостно смотрѣла на меня. Я жалъ ея руку, стараясь выразить въ этомъ пожатіи всю благодарность, которая наполняла меня.

— О, какъ я радъ что вы не прошли мимо, невольно прошепталъ я.

Она только качнула слегка головою.

„Пойдемте!“ разслышалъ я и пошелъ рядомъ съ нею.

Я не зналъ про нее ничего въ послѣднее время. Можетъ-быть она замужемъ? Только нѣтъ, конечно нѣтъ, потому что тогда бы она не смотрѣла на меня

такъ свѣтло и радостно, тогда бы можетъ-быть она не протянула мнѣ руку. И дѣйствительно, оказалось что она не замужемъ. Она сейчасъ же сказала мнѣ, что недавно пріѣхала съ матерью изъ деревни, пробудетъ здѣсь недѣли три, посовѣтуются съ докторами, а затѣмъ вѣроятно отправятся куда-нибудь за границу, такъ какъ Софья Николаевна очень дурно себя чувствуетъ. Лиза говорила и разсказывала, и разспрашивала меня своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, только я замѣтилъ какъ румянецъ все ярче и ярче вспыхивалъ на щекахъ ея и какъ грудь ея высоко поднималась.

Я поспѣшилъ разсказать ей, что я одинъ въ Петербургѣ, далъ ей понять, что встрѣча съ нею для меня величайшее счастье. Она еще разъ быстро и глубоко взглянула на меня и кончила наконецъ тѣмъ, что просила сегодня же вечеромъ придти къ нимъ.

Я съ ней простился и возвращался домой съ легкимъ сердцемъ, со счастливымъ сознаніемъ, что теперь мнѣ есть куда идти и что я знаю зачѣмъ я пойду. Снова мнѣ вспомнились тѣ милые, беззаботные дни, то свѣтлое наше время въ деревнѣ. Я радостно отдавался этимъ воспоминаніямъ и радостно чувствовалъ какъ съ каждою новою минутой вмѣстѣ съ ними возвращаются и мои прежнія чувства къ Лизѣ, какъ все милѣе и милѣе она мнѣ кажется. Я ужь сгоралъ нетерпѣніемъ и, вынувъ часы, по-дѣтски разсчитывалъ сколько еще времени оставалось мнѣ до возможности къ нимъ отправиться.

XII.

Въ такомъ настроеніи я вернулся въ свою квартиру и отворивъ дверь кабинета, остановился съ невыразимымъ ужасомъ. Передъ моимъ письменнымъ столомъ сидѣла Зина.

Конечно, ничего безобразнѣе, ничего страшнѣе этого не могло со мной случиться. Ея посѣщеніе ужь само по себѣ было невозможно и невыносимо, но то что оно случилось именно въ этотъ день, въ эту самую минуту—могло довести меня до сумасшествія. Какая страшная судьба меня преслѣдуетъ! и развѣ не судьба это, развѣ это не демонъ, которому суждено разбивать мою жизнь всякій разъ, какъ она начинаетъ казаться мнѣ свѣтлою!..

Какъ смѣла она придти ко мнѣ! Какъ смѣетъ она чего-нибудь ждать отъ меня!..

Я взглянулъ на нее съ ненавистью и негодованіемъ.

Она тоже, какъ и Лиза, мало измѣнилась, только кажется пополнѣла немного. Она обернулась ко мнѣ, поднялась съ кресла и глядѣла на меня въ смущеніи.

Да, вотъ оно, это вѣчное фатальное лицо! вотъ она смотритъ на меня своими молчащими глазами. Это тѣ самые глаза, изъ-за которыхъ я вынесъ столько муки, которые столько разъ меня обманывали.

Мое негодованіе и ненависть росли съ каждою секундой. Я наконецъ подошелъ къ ней.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Неужели вы думали, что имѣете право придти ко мнѣ? Только нѣтъ, конечно, какое вамъ дѣло до этого!.. нѣтъ, не то... неужели вы думаете что я могу допустить эту встрѣчу? что я могу и хочу васъ видѣть?

Она не шевельнулась. Она глядѣла на меня, глаза ея и все лицо были неподвижны, совсѣмъ какъ будто мертвые.

Я вышелъ изъ комнаты, прошелъ въ спальню, заперъ дверь и ждалъ. Я прислушивался, когда она уйдетъ, и ничего не слышалъ. Проходили минуты,— я не знаю сколько прошло времени, только все это тянулось безконечно долго. Наконецъ, я опять вошелъ въ кабинетъ,—можетъ-быть я не разслышалъ, можетъ-быть она давно ужь ушла...

Но нѣтъ, она здѣсь. Она стоитъ все такъ же неподвижно, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я ее оставилъ! Я готовъ былъ кинуться къ ней и насильно вывести ее изъ комнаты. Я имѣлъ на это право, и это было бы самое лучшее, что я могъ сдѣлать. Но я опять взглянулъ на нее. Она мнѣ показалась та-

кою странною, такою испуганною и въ то же время жалкою, что у меня опустились руки.

— Прошу васъ, уйдите, оставьте меня въ покоѣ, едва слышно прошепталъ я. —Оставьте меня—между нами нѣтъ ничего общаго, намъ не зачѣмъ встрѣчаться, уйдите, уйдите!..

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ; мнѣ показалось, что она шатается. Она ужь не глядѣла на меня; ея глаза были опущены.

— Хорошо, я уйду, если ты меня гонишь, услышалъ я ея голосъ,—я уйду!...

И она опять сдѣлала нѣсколько шаговъ, схватила свою голову руками и громко зарыдала.

Слезы отчаянья! но развѣ я не слыхалъ ужь ихъ, развѣ я могу имъ придавать какое-нибудь значеніе?

А между тѣмъ безумная, отвратительная жалость ужь закралась въ меня, и я погубилъ себя этою жалостью.

— Я не гоню васъ, я прошу васъ уйти, потому что между нами нѣтъ ничего общаго и потому, что я никакъ не могу понять, зачѣмъ я вамъ нуженъ? Если я вамъ нуженъ зачѣмъ-нибудь, говорите — я васъ слушаю.

— Нѣтъ, я уйду, уйду! проговорила она и вдругъ обернулась ко мнѣ, и вдругъ опять взглянула на меня и продолжала:

— Боже мой, какъ будто я сама не понимаю, что не имѣла никакого права приходить къ тебѣ, что ты можешь, что ты долженъ гнать меня. Я четыре раза подходила къ этому дому и все не рѣ-

шалась войти. Гони же меня, гони, я уйду, я знаю, что мнѣ нечего ждать твоего состраданія, что я его не стою!

Но могъ ли я послѣ этого прогнать ее?

— Что съ тобой, говори, спросилъ я у нея, не будучи въ силахъ уничтожить въ себѣ жалости, которая ужь охватила меня. — Говори, чѣмъ я могу помочь тебѣ? несчастье съ тобой случилось что ли какое?

— Несчастье, конечно несчастье, иначе не хватило бы у меня силы придти къ тебѣ... Только это не то несчастье, которое можно назвать однимъ словомъ; какъ видишь я здорова, никто у меня не умеръ, никто меня не обокралъ.

— Такъ что же съ тобою? Чего тебѣ нужно?

— Ахъ, мнѣ нужно только чтобы ты не гналъ меня, чтобы ты не отвертывался отъ меня, чтобы ты протянулъ руку, простилъ бы меня. Вотъ въ чемъ мое несчастье!

Она глядѣла на меня своимъ умоляющимъ, знакомымъ мнѣ взглядомъ,—которымъ три года тому назадъ обманула мама и заставила себѣ вѣрить. Я зналъ этотъ взглядъ, я зналъ настоящую ему цѣну. Теперь я могъ, я долженъ былъ снова вознегодовать и возмутиться, теперь я долженъ былъ встать и указать ей двери. Но я не всталъ—на меня ужь дохнуло старымъ ядомъ, меня ужь заколдовало ея прикосновеніе, я опять былъ въ рукахъ ея.

Она пришла, потому что ее пригнало ко мнѣ несчастье, и это несчастье заключается въ томъ, что я далеко отъ нея, что я не простилъ еще ея... Вотъ

она станетъ теперь мнѣ разсказывать, какъ она мучилась изъ-за меня всѣ эти три года, — и я ей повѣрю, и я буду прощать ей, и въ концѣ концовъ я снова упаду къ ногамъ ея, и все это будетъ такая глупая ложь, все это будетъ моя окончательная погибель. Ну что жь, такъ видно нужно: не она пришла ко мнѣ, пришла моя судьба, пришла въ ту самую минуту, когда я думалъ наконецъ уйти отъ судьбы этой, когда мнѣ снова блеснула другая жизнь и другая участь. Судьба зоветъ! и я опять безсиленъ, опять мучаюсь, опять брежу, опять безумно люблю ее.

Я протянулъ ей руку. Она вдругъ вся преобразилась, дѣтская, блаженная улыбка мелькнула на лицѣ ея, она жадно схватила мою руку.

— Скажи мнѣ, скажи одно слово—ты меня прощаешь, André? О, какъ ты добръ, какъ ты безконечно добръ!..

Я угадалъ: она сѣла рядомъ со мною и стала разсказывать, и я заранѣе зналъ все, что она мнѣ разскажетъ. И между тѣмъ жадно ловилъ каждое ея слово и вѣрилъ каждому этому слову. Она разсказывала о томъ, какъ терзалась своимъ поступкомъ со мною и какое тяжкое несетъ за это наказаніе.

— Знаешь ли ты, что все можно было вернуть, что это можетъ-быть была бы моя послѣдняя, безумная вспышка. Да, тогда, въ своемъ проклятомъ припадкѣ, въ тотъ послѣдній день я приняла это отвратительное предложеніе. Я могла съ тобой проститься, могла написать записку твоей матери, но потомъ,

на слѣдующій день, я одумалась, я пришла въ себя, припадокъ прошелъ, и я побѣжала къ тебѣ — тебя ужь не было. Еслибы зналъ ты, какое отчаяніе охватило меня! О, какъ я была наказана! какую жизнь взяла на себя!.. Я обвѣнчалась... Мы уѣхали тогда заграницу, но я ничего не видѣла, ничего не слышала, это была не жизнь, мнѣ все стало тошно, противно. Иногда являлись капризы, я удовлетворяла имъ, но это не принесло мнѣ радости. Потомъ мы переѣхали въ деревню, и вотъ два года безъвыѣздно прожили тамъ, и въ эти два года, я ждала только одного, только объ одномъ думала, — чтобы снова тебя увидать, чтобы вымолить себѣ прощенье, чтобы ты, вотъ такъ, какъ теперь, протянулъ мнѣ руку. Но я не смѣла надѣяться, что ты простишь меня,—и я гнала отъ себя мысль о возможности такого счастья... Андрюша, пойми.. все же вѣдь ты одинъ у меня, къ кому же было мнѣ идти... вѣдь только ты одинъ у меня на всемъ свѣтѣ и можешь быть моимъ другомъ, только ты одинъ можешь прощать меня, одинъ меня понимаешь! André, если три года человѣкъ задыхается, вѣдь простительно же ему наконецъ желать вздохнуть свободнѣе, выйти на чистый воздухъ... И вотъ въ эти три года, я дышу въ первый разъ, дышу потому, что ты со мню! André, голубчикъ, не оставляй меня, не оставляй,—а то я совсѣмъ задохнусь!..

Каждое ея новое слово все больше и больше наполняло меня ядомъ; я жадно впивалъ этотъ ядъ и, конечно, снова безумный, снова безсильный, обѣщалъ ей не оставлять ея. Я готовъ былъ опять идти

за нею въ самую глубину того мрака, изъ котораго она мнѣ явилась и который вѣчно окружалъ ее.

Когда она ушла отъ меня, я машинально взглянулъ на часы и увидѣлъ, что пришло именно то время, которое назначила мнѣ Лиза. Но, конечно, къ Горицкимъ я не отправился. Теперь я опять считалъ часы и едва дождался возможности снова увидѣться съ Зиной.

XIII.

Покуда, она съ мужемъ остановилась въ гостиницѣ, гдѣ они заняли нѣсколько комнатъ.

Уже подходя къ ихъ дверямъ, я понялъ, что мнѣ предстоитъ снова встрѣча со всею компаніей. Я не ошибся. Первое лицо, которое я увидѣлъ былъ Рамзаевъ, а за нимъ стоялъ Коко и во весь ротъ мнѣ улыбался; въ эти три года мы почти не видались съ нимъ. Только Александры Александровны съ Мими еще не было, но навѣрное и они скоро явятся.

Генералъ встрѣтилъ меня очень радушно; но я невольно отъ него отшатнулся, такъ меня поразила перемѣна происшедшая съ нимъ.

Я оставилъ его постоянно удачно молодящимся человѣкомъ, а теперь предо мной былъ дряхлый старикъ, совсѣмъ больной, съ трудомъ передвигавшій

ноги. Изъ-за его нездоровья они и пріѣхали въ Петербургъ.

Онъ очень боленъ, онъ вѣрно скоро умретъ, подумалъ я, но изъ этой мысли не сдѣлалъ тогда никакого вывода, да и не сообразилъ, какой тутъ можетъ быть для меня выводъ. Вообще, я долженъ замѣтить, что ни тогда, ни долго потомъ этотъ старикъ не представлялся мнѣ препятствіемъ,—я о немъ какъ-то совсѣмъ не думалъ.

Я весь вечеръ провелъ у нихъ. Генералъ скоро ушелъ къ себѣ въ спальню. Ужасная скука была въ этотъ вечеръ. Мы всѣ перекидывались рѣдкими фразами, больше молчали и посматривали другъ на друга. Меньше всѣхъ говорила Зина.

По нѣкоторымъ ея минамъ и движеніямъ я замѣтилъ, какъ ей хочется чтобы поскорѣй всѣ ушли, чтобы намъ можно было поговорить на свободѣ. Я понималъ, что и Рамзаевъ съ Коко отлично это замѣтили и ни за что теперь не уйдутъ. Мы стали пересиживать другъ друга, но мнѣ не удалось ихъ пересидѣть. Было ужь два часа ночи, когда мы наконецъ встали и вышли вмѣстѣ.

— Да, вотъ какія дѣла, сказалъ Рамзаевъ, когда мы спускались съ лѣстницы, — старикъ-то плохъ, того и жди помретъ, а барыня наша вдовушкой останется.

— Предъ Испанкой благородной трое рыцарей стоятъ! въ отвѣтъ на это замѣчаніе пропѣлъ Коко.

— Parlez pour vous! къ чему-то произнесъ Рамзаевъ, протягивая на прощанье руку Коко.

Я, конечно, не сказалъ ничего, я только тутъ понялъ, что Коко, несмотря на всю свою глупость,

вѣрно выразилъ положеніе дѣла. „Предъ Испанкой благородной“ дѣйствительно теперь стоятъ три рыцаря, и я одинъ изъ этихъ трехъ рыцарей. Какая мучительная, какая жалкая роль выпадаетъ на мою долю! Но я ужъ не думалъ объ этой роли, я думалъ только о Зинѣ и съ истерическимъ внутреннимъ хохотомъ называлъ ее въ своихъ мысляхъ „благородной Испанкой“.

Опять для меня потянулись лихорадочные дни. Начиналось лѣто, душное петербургское лѣто. Я давно долженъ былъ ѣхать въ деревню, но не ѣхалъ. Проводилъ почти все время у Зины, а когда показывался на улицѣ, то меня охватывалъ страхъ, какъ бы не встрѣтились гдѣ-нибудь Горицкіе.

Незнаю, что бы случилось со мною, еслибъ я ихъ увидѣлъ. Я старался не думать о нихъ, старался забыть мою встрѣчу съ Лизой. Мнѣ и некогда было обо всемъ этомъ думать теперь, но все же, когда вспоминалось, мнѣ становилось ужасно неловко; я сознавалъ себя такимъ приниженнымъ, я готовъ былъ самъ презирать себя.

Теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни чувствовалъ я, что ничего съ собою не подѣлаю и махнулъ на себя рукою. Будь что будетъ, судьба стоитъ надо мною, судьба меня захватила, и я не самъ дѣйствую. Ахъ, только бы все это кончилось такъ или иначе, кончилось бы скорѣе!

И что же давали мнѣ эти дни, къ чему они приводили? Ровно ни къ чему! Я почти не имѣлъ воз-

можности говорить наединѣ съ Зиной, а когда являлась эта возможность, мнѣ становилось страшно, и я избѣгалъ всякаго разговора.

Зина затормошила всю компанію и меня въ томъ числѣ: нужно было найти удобную квартиру, такъ какъ генералъ, несмотря на совѣты докторовъ и даже ихъ настоятельныя требованія, вдругъ заупрямился, ни за что не хотѣлъ ѣхать заграницу, а положилъ остаться въ Петербургѣ. Это былъ какой-то капризъ больнаго дряхлаго старика: „Не хочу заграницу, не хочу на дачу, хочу здѣсь!“

Ему говорили что нельзя лѣтомъ жить въ Петербургѣ, особенно въ его положеніи, что здѣсь и здоровый заболѣетъ; но онъ ничего не хотѣлъ и слышать.

Наконецъ, квартира была найдена, совсѣмъ готовая, прекрасно меблированная. Генералъ отправился, осмотрѣлъ, остался очень доволенъ и на слѣдующій день они переѣхали. Снова все пошло по старому, какъ было три года назадъ, передъ свадьбой Зины Разница была только въ генералѣ: тогда онъ былъ раздушеннымъ любезнымъ хозяиномъ, теперь — капризнымъ старикомъ, котораго *компанія* должна была развлекать.

Первыя двѣ—три недѣли послѣ переѣзда на квартиру онъ чувствовалъ себя бодрѣе, онъ даже снялъ мѣховой халатъ. Опять его порѣдѣвшіе сѣдые волосы были хитро зачесаны, и отъ усовъ пахло англійскими духами. Опять Александра Александровна и Мими чуть ли не каждый день пріѣзжали изъ Петергофа съ дачи чтобъ играть съ нимъ въ карты. Рамзаевъ, Коко и я состояли при Зинѣ.

И вотъ тутъ-то шла потайная жизнь, велась интрига. Теперь мнѣ все представляется яснымъ, какъ оно тогда было. Въ первое время Коко и Рамзаевъ оказались въ ссорѣ, но затѣмъ, и внезапно, между ними произошло полное примиреніе. Вѣроятно было какое-нибудь таинственное совѣщаніе, на которомъ они рѣшили дѣйствовать заодно противъ меня.

Рамзаевъ растолковалъ Коко, что относительно Зины я одинъ только опасенъ, а затѣмъ, если они успѣютъ меня уничтожить, то вдвоемъ будетъ уже свободнѣе: предъ Испанкой благородной будутъ стоять только два рыцаря. Можетъ-быть Рамзаевъ дошелъ и до того что предложилъ Коко даже подѣлить благородную Испанку, и, конечно, Коко ничего не имѣлъ противъ этого раздѣла. Его чувства къ Зинѣ и притязанія были такого сорта что допускали возможность всякаго соглашенія съ человѣкомъ подобнымъ Рамзаеву. Про меня же онъ зналъ что со мной невозможны ужь никакія соглашенія и что это дѣло совсѣмъ другое.

Но уничтожить меня имъ однако не удалось и весь этотъ союзъ на первое время кончился погибелью Коко. Ему очевидно было поручено всячески чернить меня въ глазахъ Зины. Онъ это и началъ исполнять съ необыкновенною добросовѣстностью. Въ теченіи одной недѣли Зина пять разъ передавала мнѣ самыя невѣроятныя и грязныя исторіи на мой счетъ, разсказанныя ей балбесомъ Коко. Наконецъ это вывело меня изъ терпѣнія.

— Если хочешь и можешь его слушать, сказалъ я ей, — такъ слушай, даже вѣрь пожалуй; но мнѣ, сдѣлай милость, не передавай ничего.

— Конечно я ему не вѣрю и дѣйствительно пора прекратить это, отвѣтила Зина.—Я скажу ему чтобъ онъ не смѣлъ больше о тебѣ заикаться.

Она вѣрно такъ и сдѣлала, потому что Коко съ этого дня сталъ какъ-то особенно коситься, встрѣчаясь со мною. Тогда Рамзаевъ придумалъ новую мѣру. Видя что со стороны Зины ничего не подѣлаешь, онъ задумалъ попробовать генерала. Онъ разсчитывалъ на мое самолюбіе, онъ разсчитывалъ что если генералъ сдѣлаетъ мнѣ сцену, то я пожалуй, несмотря даже на Зину, уѣду въ деревню, а Зину въ это время онъ успѣетъ забрать въ руки. Но все же и тутъ ему нужно было дѣйствовать такъ чтобы самому остаться въ сторонѣ, — нужно было опять выставить на первый планъ Коко. На это онъ и рѣшился; только обстоятельства нѣсколько замедлили исполненіе его плана.

XIV.

Генералу вдругъ стало хуже, и такъ стало ему худо что былъ созванъ консиліумъ чуть ли не изо всѣхъ бывшихъ тогда на лицо въ Петербургѣ болѣе или менѣе извѣстныхъ докторовъ. Доктора рѣшили, что дѣло весьма плохо, что непремѣнно нужно уѣзжать изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ не теперь, такъ какъ въ такомъ состояніи больнаго перевозить невозможно. „Если поправится — сейчасъ уѣзжайте, но врядъ ли поправится." Таково было послѣднее рѣшеніе консиліума.

И вся компанія на время оставила свои планы и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала что будетъ. Это ожиданіе длилось почти три недѣли. Жара стояла страшная, а генералъ лежалъ въ мѣховомъ

халатѣ, сверхъ него еще покрытый толстымъ стеганымъ одѣяломъ, и стоналъ.

Надъ домомъ ужь носилась та атмосфера, которая обыкновенно является въ квартирѣ умирающаго: по всѣмъ комнатамъ царствовалъ безпорядокъ; прислугѣ было приказано снять сапоги и ходить въ туфляхъ. Звонки посѣтителей раздавались едва слышно. Никто не говорилъ громко, всѣ таинственно шептались.

Уже появились нѣкоторыя фигуры, присутствіе которыхъ почему-то неизбѣжно въ такихъ обстоятельствахъ: явилась сидѣлка, съ совершенно идіотскимъ и въ то же время какимъ-то таинственнымъ лицомъ, которая, очевидно захлебываясь отъ блаженства, священнодѣйствовала. Явился фельдшеръ, тоже придававшій себѣ необыкновенное значеніе, громко кашлявшій и мычавшій, тогда какъ всѣ остальные шептались. И каждый разъ, кашляя и мыча, онъ обводилъ присутствующихъ такимъ взглядомъ въ которомъ ясно читалось: „вотъ вы всѣ шепчетесь, а я кашляю и мычу. А почему я кашляю и мычу? Потому что я знаю когда можно кашлять и мычать, а вы не знаете. И попробуйте вы замычать, такъ я сейчасъ вамъ запрещу это, потому что имѣю на то право.“

Явился наконецъ и мужъ Александры Александровны, пріѣхавшій изъ деревни. Онъ почему-то оказался необходимымъ въ домѣ и даже совсѣмъ сюда переселился. Этотъ господинъ ужь положительно блаженствовалъ, даже больше сидѣлки и фельдшера. Онъ направилъ свою дѣятельность на кухню и столовую. Подъ предлогомъ что Зинѣ теперь вмѣшиваться въ хозяйство невозможно, онъ заказывалъ

обѣды и ежедневно объѣдался. Если кому-нибудь нужда была до него, нельзя было его искать ни въ комнатѣ больнаго, ни въ гостиной. Нужно было идти прямо въ буфетную, тамъ онъ пребывалъ неизмѣнно. Глядя на него я только удивлялся, какимъ это образомъ человѣкъ можетъ постоянно ѣсть или пить безо всякаго перерыва и оставаться такимъ здоровымъ и глядѣть на всѣхъ такъ лучезарно.

Александра Александровна съ Мими исчезли на это время. Они показывались только изрѣдка и то все на минуту. Они вѣрно нашли себѣ лучшее времяпровожденіе и къ тому же вовсе не желали встрѣчаться съ „мужемъ“, къ которому оба чувствовали непреодолимое отвращеніе.

Рамзаевъ искусно разыгралъ роль преданнаго друга и необходимаго человѣка. Отъ него теперь такъ и дышало „теплымъ участіемъ“. Онъ пріѣзжалъ прямо со службы, таинственно и тихо освѣдомлялся о здоровьѣ больнаго, и если ему говорили что немного полегче, онъ на цыпочкахъ входилъ въ спальню, подходилъ къ постели генерала, неслышно присаживался возлѣ него и не успокоивался до тѣхъ поръ пока тотъ не обратитъ на него вниманія и не протянетъ ему руку. Тогда онъ вставалъ и объявлялъ генералу что радъ бы посидѣть съ нимъ, но нужно спѣшить исполнить кой-какія порученія Зины. И дѣйствительно спѣшилъ исполнять ихъ. Каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ онъ говорилъ Зинѣ: «ну вотъ и судите между нами, кто изъ насъ полезнѣе и кто больше вамъ преданъ! Посмотрите кругомъ, что дѣлаютъ всѣ эти ваши друзья? Ничего, только торчатъ. А я себя забываю, забываю

удовольствіе быть съ вами, забочусь только о томъ какъ бы услужить вамъ, какъ бы принести вамъ ощутительную и осязательную пользу».

Зина благосклонно пользовалась его «теплымъ участіемъ» и ежедневно давала ему столько порученій что воображаю какъ онъ бѣсился исполняя ихъ.

Коко тоже былъ на своемъ посту. Онъ неотлучно, шагъ за шагомъ, шпіонилъ за мною.

А Зина? Я всѣми силами наблюдалъ за нею и не могъ не замѣтить въ ней большую перемѣну. Она видимо оживилась и очень волновалась. Она почти цѣлый день нигдѣ не находила себѣ мѣста: то зачѣмъ-то запрется у себя въ комнатѣ, просидитъ запершись съ часъ, выйдетъ растерянная, съ горящими глазами, спѣшитъ въ комнату мужа, подойдетъ къ его постели, что-то говоритъ ему, спрашиваетъ, очевидно не даетъ себѣ отчета что говоритъ и что спрашиваетъ, слушаетъ его разсѣянно, глядитъ на него какъ-то пытливо, странно, соображаетъ что-то.

Иногда же цѣлый день не заглянетъ въ комнату больнаго, уходитъ подальше чтобы не слышать его стоновъ. То вдругъ засядетъ у постели и сидитъ по цѣлымъ часамъ, отстраняетъ сидѣлку, сама подаетъ ему лекарство, поправляетъ подушки, одѣяло, всячески ухаживаетъ, и въ то же время глаза ея такъ безжизненно, такъ страшно на него смотрятъ.

Со мной она почти не говорила, а между тѣмъ, настоятельно требовала моего присутствія. Я присутствовалъ, я машинально каждый день отправлялся къ нимъ, машинально ходилъ на цыпочкахъ, шептался.

Такъ проходили дни; генералу не было ни лучше, ни хуже.

— Господи! когда же все это кончится! нѣсколько разъ шепнула мнѣ Зина.

Наконецъ это кончилось. Еще наканунѣ я оставилъ генерала въ очень плохомъ состояніи: онъ стоналъ и метался на постели. Возвратился я къ нимъ на другой день и сразу, съ самой передней меня поразила перемѣна. Трудно даже сказать, въ чемъ она заключалась. Все, казалось, совершается, точно такъ же какъ прежде: лакеи точно такъ же ходятъ на цыпочкахъ. Мужъ Александры Александровны такъ же торчитъ въ буфетной, хлопаетъ рюмку за рюмкой и заѣдаетъ икрой и сардинками. Сидѣлка такъ же вылетаетъ, какъ помѣшанная, изъ комнаты больного и что-то хлопочетъ, что-то приказываетъ горничной, растолковываетъ ей... А между тѣмъ во всемъ этомъ уже что-то совсѣмъ другое.

— Ну что̀, какъ? спросилъ я сидѣлку.

— Лучше, гораздо лучше, отвѣтила она.—И ужь такъ это неожиданно что и сказать нельзя. Еще вчера, сами изволили видѣть, совсѣмъ плохо было, и докторъ вотъ тоже качалъ головою—не надѣялся значитъ. А сегодня... заснула я часамъ къ пяти утра, такъ только — вздремнула немножко... Очнулась и слышу, говоритъ это онъ мнѣ: „Дайте пожалуста стаканъ съ лимонадомъ“. Такъ меня всю и передернуло, слышу, ушамъ своимъ не вѣрю: ну совсѣмъ какъ есть не тотъ голосъ, здоровый человѣкъ это сказалъ

мнѣ, да и баста!.. Смотрю—сидитъ это онъ на постели бодро такъ, и лицо у него другое. У меня и руки опустились... Вотъ, батюшка, чѣмъ кончилось!..

— А что-жь, вамъ бы хотѣлось чтобъ онъ умеръ сегодня? невольно улыбаясь на ея отчаянную безнадежную мину, замѣтилъ я.

— Ахъ, что вы, батюшка, Господь съ вами, какъ вамъ не грѣхъ! Слава Богу, говорю, слава Богу,—только неожиданно-то больно...

И она откатилась отъ меня въ другую комнату.

Я невольно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и даже на минуту заинтересовался ею. Она не на шутку была въ отчаяніи, что больной ея поправился и что все это кончилось совсѣмъ не такъ какъ она ожидала.

Я очнулся только услышавъ голосъ Зины. Она стояла передо мною блѣдная и растерянная.

— Слышалъ, шепнула она, поднимая на меня свои безжизненные глаза,—ему лучше! Онъ видимо поправляется... Доктора объявили что совершился неожиданный кризисъ, рѣдкій примѣръ, и что теперь онъ можетъ очень быстро поправиться и жить еще долго.

— Ну такъ что жь? Это очень хорошо! проговорилъ я совершенно искренно.

Зина вздрогнула и какъ-то отшатнулась отъ меня.

— André, что-жь это? притворяешься ты что ли? Неужели ты не понимаешь что это невозможно? Неужели ты не понимаешь что онъ не долженъ жить?.. Тутъ кто-нибудь: или онъ, или я!.. Я ужь изъ силъ выбилась и не могу больше!..

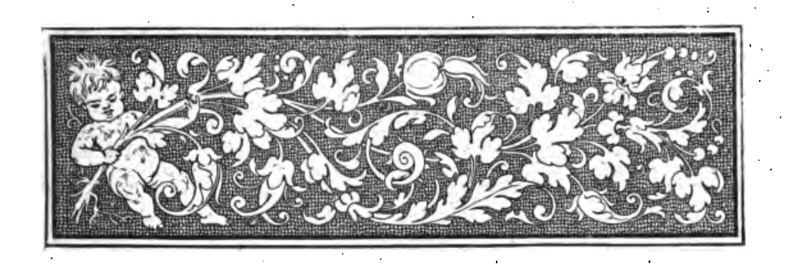
Она проговорила все это задыхаясь. Въ лицѣ ея выражалось и отчаяніе, и ненависть.

Мнѣ стало вдругъ невыносимо душно. Я взглянулъ на нее еще разъ и не нашелъ въ ней ровно ничего, что всегда такъ влекло меня къ ней и что отдавало меня въ ея руки.

Я увидѣлъ въ ней существо холодное, загрязненное, отъ меня далекое, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, что въ ней должно было быть и чего такъ безумно, такъ отчаянно искалъ я.

Вся мучительная любовь моя мгновенно исчезла. Я смотрѣлъ на нее какъ на чужую, незнакомую мнѣ женщину и, не сказавъ ей ни слова, ушелъ отъ нея. Долго, весь этотъ день и весь этотъ вечеръ, я не хотѣлъ къ ней возвращаться.

XV.

О, еслибъ я воспользовался этими минутами и уѣхалъ въ деревню! Только нѣтъ, зачѣмъ? все равно не привело бы это ни къ чему. Все равно вернулся бы я съ дороги... Еслибъ даже и совсѣмъ уѣхалъ, не спасъ бы ни ее, ни себя.

На другой день я опять былъ у нихъ и опять ничто меня въ ней не возмущало.

Генералъ сталъ замѣтно поправляться. Чрезъ три дня онъ уже вышелъ изъ спальни, опять снялъ свой мѣховой халатъ и надушилъ усы.

Онъ не только не стоналъ, но съ радостною улыбкой объявлялъ чуть не каждую минуту что ему несравненно лучше, что невыносимыхъ прежнихъ болей и въ поминѣ нѣтъ, какъ будто никогда ихъ и не бывало. Онъ, заранѣе облизываясь, толковалъ о томъ

что вотъ сегодня докторъ разрѣшилъ ему съѣсть кусокъ кроваваго бифстекса и пару яицъ въ смятку.

Рамзаевъ, и въ особенности Коко, вертѣлись вокругъ него и очевидно что-то замышляли.

Скоро случай помогъ мнѣ узнать что именно они замышляли. Какъ-то я довольно рано вышелъ отъ Зины. У меня сильно разболѣлась голова, я сдѣлалъ большую прогулку, проголодался и зашелъ поужинать къ Палкину.

Народу было мало Я прошелъ въ дальнюю, совсѣмъ пустую комнату, спросилъ ужинъ и усѣлся въ уголкѣ на диванѣ. Я ужь кончилъ мою котлету, когда замѣтилъ что въ комнату кто-то входитъ, оглянулся—вижу Рамзаевъ и Коко.

Они мнѣ до такой степени надоѣли, мнѣ такъ было тошно снова толковать съ ними. Къ тому же пришла внезапная мысль послушать о чемъ они говорить будутъ, если меня не замѣтятъ.

Я не шевельнусь, а когда услышу что они про меня говорятъ, а они непремѣнно будутъ говорить, я встану и хоть немного сконфужу ихъ: все же какое-нибудь развлеченіе.

Я такъ и сдѣлалъ.

Я сидѣлъ къ нимъ спиной въ углу, а тутъ еще и нарочно скрылся за высокою спинкой дивана.

Они усѣлись въ двухъ шагахъ отъ меня и не замѣтили моего присутствія.

Разговоръ обо мнѣ начался слишкомъ скоро, то-есть съ первыхъ же словъ.

— Ты не знаешь, спросилъ Рамзаевъ,—куда это сегодня нашъ гусь скрылся?

— Чортъ его знаетъ, не знаю! пробурчалъ Коко, наливая себѣ рюмку водки и принимаясь за закуску.—Я объ немъ и думать-то теперь не хочу, такъ онъ мнѣ опротивѣлъ. Ужь я не знаю что онъ такое говоритъ Зинаидѣ, только она чуть не отворачиваться отъ меня стала въ послѣднее время.

— Да, этому надо положить предѣлъ! замѣтилъ Рамзаевъ.—Жалѣя ее нужно положить предѣлъ, потому что такъ добромъ не кончится. Теперь старикъ пришелъ въ себя, умирать еще не хочетъ, теперь можно его настроить и нужно не терять времени. Вѣдь Богъ ихъ тамъ знаетъ, можетъ у нихъ ужь и рѣшено все... Ты замѣтилъ, какъ она странно возбуждена все это время? Вотъ того и жду что исчезнетъ съ нимъ куда-нибудь. Ну, не на долго! перегрызутся чрезъ недѣлю, другую Да дѣло то ужь будетъ испорчено! Непремѣнно старика нужно предупредить, ее спасти надо. Она фантазерка, безумная, она вотъ убѣжитъ, а старикъ возьметъ да и измѣнитъ свою духовную! Вотъ тогда ни при чемъ она и останется! Нѣтъ, этого допустить невозможно! Нужно ему открыть глаза... но только понимаешь какъ? Ее не замѣшивать, она пусть въ сторонѣ. Это онъ все ее смущаетъ и развращаетъ.

— А вотъ я возьму да завтра и переговорю съ генераломъ! рѣшительно крикнулъ Коко, стукнувъ ножемъ объ тарелку.

— Что-жь ты ему скажешь?

— Ну ужь это мое дѣло, знаю что скажу.

— Да нѣтъ, не „знаю что скажу“, а ты говори обстоятельно. Ты разскажи, какой человѣкъ этотъ идеальный André! Разскажи что это самый что ни

на есть отпѣтый развратникъ, какіе только у насъ въ Петербургѣ бываютъ! Разскажи, понимаешь, будто онъ ждетъ не дождется, какъ бы забрать Зинаиду въ руки—и ее, и состоянье все! Скажи что она смотритъ на него какъ на друга, родственника, что она вотъ по неопытности только къ нему на квартиру ѣздитъ, а онъ и радъ... Что онъ хвастается этимъ, портитъ ея репутацію, надъ старикомъ издѣвается. Понимаешь — говори: ужь по городу сплетни скандальныя ходятъ... вотъ въ какомъ тонѣ ты все разскажи!

Я всталъ съ дивана и тихо подошелъ къ этимъ двумъ друзьямъ моимъ.

Они взглянули на меня, вздрогнули и какъ-то съежились.

— Ну что жь, продолжайте, сказалъ я, — только нѣтъ, покончите! Еслибъ этотъ вашъ разговоръ былъ для меня неожиданность, я можетъ-быть вышелъ бы изъ себя, но вы видите — я спокоенъ, и спокоенъ именно потому, что заранѣе зналъ все, что вы можете говорить и что скажете...

Коко все сидѣлъ смущенный, но Рамзаевъ ужь оправился и нахальнѣйшимъ образомъ взглянулъ на меня.

— А! подслушивать! это тоже къ твоему идеальному благородству относится! прошипѣлъ онъ.

Я едва удержался, чтобы не плюнуть ему въ лицо.

— Да ужь одно то, что я услышалъ, доказываетъ, что я имѣлъ право васъ подслушивать. Васъ, господинъ Коко, я буду просить не приводить въ исполненіе вашего плана ради васъ же самихъ, потому что все

это можетъ очень плохо для васъ кончиться. А что касается тебя, другъ моего дѣтства, то тебѣ и совѣта никакого подать не могу...

Я взглянулъ на него, я увидѣлъ этотъ его бравирующій, вызывающій взглядъ, я мгновенно вспомнилъ все,—всѣ наши отношенія, все наше дѣтство. Кровь ударила мнѣ въ голову. Я вспомнилъ мою мать, все чѣмъ онъ былъ ей обязанъ, но въ то же время я не могъ вспомнить того, о чемъ она меня просила. Мнѣ безумно захотѣлось смять эту нахальную физіономію.

Я задыхался.

— Тебѣ я скажу только одно: не смѣй нигдѣ подходить ко мнѣ, не смѣй сталкиваться со мною, потому что иначе при всѣхъ я назову тебя подлецомъ и воромъ! И докажу неопровержимо, что ты подлецъ и воръ!

Онъ задрожалъ и вдругъ глаза его опустились.

Но я ужь былъ внѣ себя, я ужь не помнилъ, что дѣлаю.

— Воръ! воръ! повторялъ я подъ натискомъ старыхъ воспоминаній. — Ну, отвѣчай же мнѣ какъ подобаетъ отвѣчать, если въ глаза тебя называютъ воромъ, а ты не укралъ ничего! Отвѣчай!..

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ опустился на стулъ, онъ ждалъ, что я ударю его. Я наконецъ пришелъ въ себя и быстро вышелъ изъ комнаты.

Эта безобразная сцена меня сильно разстроила и я долго находился подъ ея впечатлѣніемъ.

Я давно уже зналъ и понималъ съ какими людьми приходится мнѣ постоянно сталкиваться, какъ только въ жизнь мою начинаетъ входить Зина, какіе люди ее окружаютъ. Но есть же всему предѣлъ!...

Я сознавалъ, что нужно наконецъ порвать это, что я не имѣю никакого права до такой степени унижаться. Да и сама она, разслышалъ я внутри себя разсуждающій голосъ — что она такое? Что вышло изъ того, что я согласился простить ее? Отъ чего я ее спасаю? Зачѣмъ я ей? Во все это время, какъ и прежде, вѣдь ничего не выяснилось. Какъ и прежде я увидѣлъ въ ней просвѣтъ только въ минуту свиданія, а затѣмъ она была все тою же, неизмѣнною!

И вотъ теперь, теперь въ ней видно одно только отчаяніе и негодованіе оттого что мужъ ея выздоровѣлъ. И она даже ничѣмъ не объясняетъ мнѣ этого отчаянія и негодованія. Изъ-за меня что ли она отчаивается? Она ни разу не поговорила по душѣ со мною. Она снова что-то тянетъ. Нужно покончить, нужно непремѣнно! Но въ то же время я отлично зналъ, что ничего не покончу.

Мнѣ только невыносимы были эти минуты отрезвленія. Я съ мученіемъ вслушивался въ разсуждающій голосъ, потому что въ эти минуты сознавалъ все свое позорное безсиліе.

Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ этихъ отвратительныхъ людишекъ нужно удалить оттуда... или пусть они сдѣлаютъ тамъ свое дѣло!

Я даже сталъ чувствовать что буду радъ, если они успѣютъ оклеветать меня, если генералъ прямо объявитъ мнѣ, что не желаетъ моего присутствія. Вѣдь только этими внѣшними препятствіями и можно меня заставить не ходить къ нимъ. О, какая слабость!

Во весь слѣдующій день я однако туда не пошелъ. Я именно ждалъ, я давалъ возможность Рамзаеву и Коко исполнить ихъ замыселъ.

И еще день прошелъ, а я все не трогался. Вечеромъ я получилъ записку отъ Зины. Она зоветъ, пишетъ, что ей необходимо меня видѣть. Я пошелъ.

Она встрѣтила меня одна, и первыя ея слова были:

— Что такое случилось между тобою и Коко?

— Ты не такъ спросила, отвѣтилъ я. — Ты должна была спросить, что случилось между мною и Рамзаевымъ.

Я подробно разсказалъ ей всю безобразную сцену у Палкина.

— Ну да, я такъ все это и знала! Зачѣмъ же ты сейчасъ не пріѣхалъ, я бы предупредила...

— А, такъ значитъ было что предупреждать. Оттого-то я и не пріѣхалъ. Я далъ имъ полную волю. Ну, что же вышло? говори. Мужъ твой намѣренъ отказать мнѣ отъ дома?

— Да! — Она улыбнулась. — Я желала-бы посмотрѣть, какъ это онъ будетъ отказывать моимъ друзьямъ! Нѣтъ, совсѣмъ не то! Коко дѣйствительно явился, говорилъ съ мужемъ и на тебя наговаривалъ. Но мужъ поступилъ весьма благоразумно и даже такъ, что я отъ него этого и не ожидала.

Онъ призвалъ меня и заставилъ Коко при мнѣ повторить все. Тотъ смутился, сталъ краснѣть, заикаться, но все-же повторилъ. Ну, а когда онъ повторилъ, я, конечно, попросила его избавить меня навсегда отъ своего присутствія. Слѣдовательно ты можешь быть покоенъ: его никогда ужъ у насъ не увидишь.

— Да, это хорошо, сказалъ я. — Но дѣло не въ немъ, — онъ просто дуракъ и безсмысленное орудіе въ рукахъ другаго. А о другомъ ты пока еще не сказала ничего!

Она не сразу мнѣ отвѣтила. Она какъ-то странно опустила глаза.

— Съ Рамзаевымъ, наконецъ проговорила она, — мы еще не видѣлись, и тутъ, я думаю, будетъ очень трудно поладить съ мужемъ: онъ слишкомъ высокаго о немъ мнѣнія.

Въ это время въ комнату вошелъ генералъ.

Онъ прямо подошелъ ко мнѣ съ протянутыми руками, обнялъ меня и приложилъ къ моей щекѣ свои колючіе, надушенные усы.

— Очень радъ васъ видѣть, голубчикъ, заговорилъ онъ медленно, все еще слабымъ голосомъ. — Я нарочно просилъ Зиночку послать за вами. Она навѣрно ужъ вамъ все разсказала. Да, не думалъ я, что у васъ есть враги такіе! Но только они безсильны, успокойтесь. Мы васъ знаемъ и, повѣрьте, я очень цѣню вашу дружбу къ моей женѣ. Эта старая дружба, съ дѣтства, этакая дружба не измѣняетъ! Да и характеръ вашъ я хорошо понялъ, такъ ужъ такой скверный мальчишка не можетъ измѣнить

моего мнѣнія о васъ. Будьте покойны: во мнѣ вы имѣете друга. Я вамъ вѣрю.

Онъ крѣпко сжалъ мою руку. Мнѣ вдругъ сдѣлалось тяжело и неловко.

Еще такъ недавно, еще сейчасъ, да и всегда, этотъ старикъ представлялся мнѣ какъ бы не существующимъ, я никогда не обращалъ на него никакого вниманія. Но тутъ я понялъ, что онъ существуетъ. этого мало, что онъ очень много значитъ. Мнѣ захотѣлось чтобъ онъ говорилъ мнѣ теперь совсѣмъ другое. Мнѣ захотѣлось чтобъ онъ вѣрилъ всему, чтобы вѣрилъ всѣмъ росказнямъ Коко и компаніи, считалъ бы меня своимъ врагомъ, человѣкомъ, жаждущимъ похитить его семейное счастіе.

Мнѣ захотѣлось даже чтобъ онъ сейчасъ указалъ мнѣ на двери! Тогда бы я могъ прямо взглянуть ему въ глаза, тогда бы свалилась съ плечъ моихъ та тяжесть, которая, очевидно, давно ужь лежитъ на нихъ, но которую я только что сейчасъ замѣтилъ. Но онъ все повторялъ: «Будьте спокойны, — я вамъ вѣрю!».

— Да, продолжалъ онъ, усаживаясь въ кресло,— право, въ деревнѣ жилось лучше. Я ужь не говорю о своей болѣзни, а о томъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ людей всегда лучше, право такъ! Тутъ же... вотъ, думаешь, окруженъ друзьями преданными, со всѣми ласковъ, ко всѣмъ расположеніе показываешь, а вонъ и найдется такой вертопрахъ, придетъ,—и такъ ужь тебѣ плохо, чуть не умираешь, — а онъ придетъ да и старается всячески разбередить тебя. Хорошо что другаго болвана не видно, Мими. Это право кончится тѣмъ что не велю никого пускать. И безъ

нихъ проживемъ en petit comité съ вами, да вотъ съ Рамзаевымъ...

— Такъ вы Рамзаева считаете своимъ другомъ, Алексѣй Петровичъ? проговорилъ я.

— Да, хорошій онъ человѣкъ, хорошій! не замѣтивъ тона моего вопроса, отвѣтилъ генералъ. — Въ его расположеніе я вѣрю, да и вамъ онъ другъ старый.

— Я не стану разубѣждать васъ, хоть можетъ быть и слѣдовало бы, — только объ одномъ прошу: не считайте его моимъ старымъ другомъ; это самый старый врагъ мой!

Генералъ изумленно поднялъ на меня глаза и покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Николаевичъ, я не знаю, что такое произошло между вами; можетъ быть тотъ же скверный мальчишка и васъ хотѣлъ поссорить; видно у него нѣтъ другаго занятія въ жизни какъ строить каверзы; только вѣдь и вамъ тоже не слѣдъ всему вѣрить и поддаваться такимъ глупымъ людямъ... Нѣтъ! Рамзаева не обижайте. Я за него въ такомъ случаѣ заступникъ. Нѣтъ, это хорошій человѣкъ, дай Богъ побольше такихъ! Я ужь его знаю. Отъ него никогда дурнаго слова не слышалъ, а ужь въ это-то все время, въ болѣзнь мою, какой намъ былъ всѣмъ помощникъ! Нѣтъ, это золотой человѣкъ!

Конечно, я могъ кое-что сдѣлать, я могъ разсказать все серіозно, съ самаго начала и, можетъ быть моимъ разсказомъ заставилъ бы генерала измѣнить мнѣніе о его другѣ. Но мнѣ вдругъ стало все это необыкновенно противно. „Да Богъ съ ними, пускай дѣлаютъ что хотятъ!“ А тутъ еще и Зина загово-

рила, и я съ изумленіемъ слушалъ ее. Она нашла нужнымъ стать на сторону мужа и заступаться за Рамзаева.

— Да, это правда, онъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей какихъ только я знаю, и дѣйствительно, онъ оказалъ намъ большія услуги во все время болѣзни Алексѣя Петровича. Если бы не было его, я просто не знала бы что мнѣ и дѣлать. Не будь къ нему строгъ, André, даже если и есть какія нибудь недоразумѣнія между вами,—все можно покончить мирно. Къ тому же я вѣдь тебя знаю, ты все черезчуръ принимаешь къ сердцу. Нужно быть хладнокровнѣе.

— Да, да, нужно быть хладнокровнѣе! совсѣмъ какъ будто машинально повторилъ генералъ и, медленно поднявшись съ кресла, вышелъ изъ комнаты.

XVI.

Я взглянулъ на Зину, но ровно ничего не прочелъ въ лицѣ ея.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ нуженъ Рамзаевъ? началъ я.—Какъ съумѣла ты уничтожить Коко, такъ, конечно, съумѣла бы уничтожить и этого, еслибы захотѣла. Но ты не хочешь! Зачѣмъ же онъ тебѣ?

Она слегка пожала плечами и едва замѣтно улыбнулась.

— Да я право ничего противъ него не имѣю! До сихъ поръ я не видѣла отъ него ничего дурнаго.

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ выбирай между имъ и мною, сказалъ я.

— Что? что? перебила она,—выбирать между имъ и тобой? Оставь эти фразы — между тобою и имъ нѣтъ ничего общаго, слѣдовательно и выбирать нечего. Тебѣ его нечего бояться; онъ мнѣ не близкій

человѣкъ, не другъ; онъ мнѣ просто нуженъ, потому что ты знаешь какъ я лѣнива, какъ я непрактична, какъ я ничего не умѣю устраивать. Если онъ когда-нибудь осмѣлится мнѣ говорить про тебя дурное, тогда другое дѣло,—съумѣю ему отвѣтить какъ слѣдуетъ, съумѣю ему показать настоящее его мѣсто. Но пока этого ничего нѣтъ, — я его терплю по его удобности. Я на него смотрю какъ на моего управляющаго: все ему поручаю. Онъ теперь ведетъ всѣ мои дѣла. Гдѣ я найду такого человѣка?

— Онъ ведетъ твои дѣла изъ безкорыстной дружбы, ты думаешь?

— Нѣтъ, я этого не думаю. Очень можетъ быть что онъ разсчитываетъ превратиться въ офиціальнаго нашего управителя.

— Да, для того чтобы васъ обманывать и въ концѣ концовъ обобрать!

— Я не думала, André, что ты сталъ такъ рѣзокъ. Ну хорошо, ну положимъ хотя бы даже и это; такъ вѣдь еще вопросъ: удастся ли ему? А пока, пока я поручаю ему только такія дѣла, гдѣ онъ не можетъ ни обманывать меня, ни обирать. Успокойся же пожалуста! Не повторяй мнѣ эту смѣшную фразу о выборѣ между вами.

— Но я серіозно тебѣ повторяю, сказалъ я,—что вовсе не желаю встрѣчаться съ нимъ.

— Вотъ это дѣло другое! Да вѣдь день великъ,—онъ можетъ здѣсь бывать и не встрѣчаться съ тобой. Я ужь буду такъ устраивать чтобы не было вашихъ встрѣчъ. Только одно: ты долженъ мнѣ дать честное слово не оскорблять его предъ моимъ му-

жемъ. Нужно чтобы все это было подальше отъ Алексѣя Петровича — теперь всякая малость его раздражаетъ и чрезвычайно вредно на него дѣйствуетъ...

— Давно ли ты стала такъ заботится о его здоровьѣ? невольно сказалъ я, взглянувъ ей въ глаза.

Но она нисколько не смутилась.

— Ты меня въ самомъ дѣлѣ, кажется, начинаешь за убійцу принимать? проговорила она,какъ-то странно усмѣхнувшись.—Но, во всякомъ случаѣ, ты долженъ мнѣ дать честное слово не дѣлать ему сценъ. Даешь? Ну, пожалуста, прошу тебя!

Она подошла ко мнѣ еще ближе, съ нѣжной улыбкой заглянула мнѣ въ глаза,—и я далъ ей это слово.

Впрочемъ на весь разговоръ съ нею и съ генераломъ я обратилъ мало вниманія: мнѣ нужно было совсѣмъ не то. Мнѣ нужно было наконецъ объясниться съ нею, выяснить мое положеніе относительно ея, и я рѣшился вызвать ее на откровенность.

Я началъ прямо.

— Зина, сказалъ я,—ты называешь неумѣстною фразой мои слова о томъ, что должна выбрать между мною и Рамзаевымъ. Пожалуй, я отказываюсь отъ этой фразы, но дѣло въ томъ, что мнѣ кажется и безъ всякаго выбора слѣдуетъ мнѣ уйти отъ тебя.

— Это еще что! изумленно шепнула она.

— А то что я тебѣ вовсе не нуженъ. Ты пришла за мною, ты звала меня, ты меня уговаривала, ты повторяла о своемъ несчастьѣ, о томъ что я такъ необходимъ для тебя... Ну вотъ я здѣсь, я вмѣстѣ съ тобою и неужели ты думаешь что у меня совсѣмъ ужь глазъ нѣтъ. Да, я точно слѣпъ, и ты лучше

чѣмъ кто-либо знаешь до какой степени слѣпъ, но все же я вижу, что тебѣ я вовсе не нуженъ и что самое лучшее уйти мнѣ отъ тебя. И я прошу тебя, отпусти меня, отпусти!

Я замѣтилъ, какъ она слабо улыбнулась на это слово.

Но къ чему мнѣ было скрываться? развѣ она не знала своей власти надо мною?

— Уйди, тихо сказала она,—насильно я не стану тебя удерживать, если ты меня не жалѣешь.

— Господи! да этою-то жалостью ты и притянула меня опять сюда! А между тѣмъ, наблюдая за тобою, я вовсе не нахожу тебя жалкою. Ты очевидно спокойна. Если что тебя тревожило до сихъ поръ, то одна только страшная, скверная вещь: выздоровленіе твоего мужа. А въ этомъ тебя успокоить и помочь тебѣ, конечно, ужь я не могу.

Она внимательно слушала и смотрѣла на меня своими молчащими глазами, но при послѣднемъ моемъ словѣ встрепенулась.

— Ты называешь это ужасною и скверною вещью, но есть вещи еще ужаснѣе, еще сквернѣе, съ которыми однако мы должны мириться: жизнь заставляетъ насъ брать ихъ. Я не виновата въ этомъ желаніи.

— Да, ты могла бы быть не виновата, но я не знаю, такъ ли это? Ты могла бы быть не виновата, еслибы было все ясно предъ тобою, еслибъ у тебя были опредѣленныя цѣли, еслибы ты жила сознательно. А ты живешь безсознательно, Зина! Ты сама не знаешь чего тебѣ нужно!

— Въ этомъ-то мое и мученье! въ этомъ-то мое и несчастье! горячо возразила она. — Отъ этого-то мнѣ такъ и холодно на свѣтѣ! Отъ этого то мнѣ и нуженъ такой человѣкъ какъ ты.

— Зачѣмъ же я тебѣ нуженъ? Во все это время ты ни разу не обратилась ко мнѣ. Ты ни разу не нашла чего-либо чтобы нужно тебѣ было передать мнѣ. Ты ни разу по-душѣ не поговорила со мною. Зачѣмъ же я тебѣ нуженъ?

— Ахъ, ты опять ничего не понимаешь, André! Что-жь такое что я не говорю съ тобой? Иной разъ и много на душѣ, а словами всего не выговоришь, да и не нужно... Знаешь ли ты, что много вопросовъ тяжелыхъ, мучительныхъ, могутъ разрѣшиться безъ всякихъ словъ, однимъ только присутствіемъ человѣка? Ты говоришь—зачѣмъ ты мнѣ нуженъ! Вотъ я ни въ чемъ не совѣщалась съ тобою, ты ничего мнѣ не совѣтовалъ, а между тѣмъ не разъ, конечно, ты многое рѣшалъ для меня. Нѣтъ тебя — и я тревожна, и я мучаюсь. Пришелъ — и я знаю что ты тутъ, рядомъ со мною, и мнѣ теплѣе становится, и я спокойнѣе. Вотъ зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!

— Хотѣлъ бы я вѣрить что все это такъ, да не вѣрится. Вообще, я думаю ты сама отлично понимаешь и видишь, что много чего-то невысказаннаго въ нашихъ отношеніяхъ. Дикія какія-то это отношенія. Скажи что не такъ, возрази, если умѣешь!..

— Да, конечно оно можетъ казаться тебѣ неестественнымъ и дикимъ, если ты постоянно будешь обращаться назадъ и вспоминать старое.

— Да развѣ можно его забыть? изумленно спросилъ я.

— Можно! отвѣтила Зина.—Я, по крайней мѣрѣ, о прошломъ не думаю, не позволяю себѣ думать. Я гляжу на тебя какъ на единственнаго своего друга, какъ на любимаго брата. Гляди и ты на меня такъ же, гляди на меня какъ на несчастную сестру, которая исковеркала, испортила себѣ жизнь, какъ только можетъ испортить свою жизнь женщина. И если ты будешь такъ смотрѣть на меня, тогда ничего неестественнаго и дикаго не покажется тебѣ въ нашихъ отношеніяхъ.

Я не могъ не задуматься надъ этими ея словами. Конечно, она была права; конечно, иначе теперь я и не долженъ смотрѣть на нее, ничего другого я и не имѣлъ права ждать. Если я согласился вернуться къ ней, то именно только затѣмъ, чтобъ быть ей братомъ. Да къ тому же, развѣ наконецъ сегодня я не разглядѣлъ этого старика? развѣ мнѣ не ловко отъ его довѣрчивыхъ словъ, отъ его пожатія? Чего же въ самомъ дѣлѣ я хочу? Отнять жену у мужа?!.. Я ничего не хочу, но вѣдь я люблю ее, люблю всю жизнь, безумно люблю! Съ нею соединено все мое будущее! въ ней вся судьба моя! Такъ какъ же я могу не думать о прошломъ! какъ же я могу успокоиться на этихъ отношеніяхъ и не считать ихъ неестественными! Да и наконецъ, вотъ она все рѣшила и высказала такъ прямо, такъ умно и справедливо, а между тѣмъ развѣ не ложь эти умныя и справедливыя слова ея и развѣ она сама не сознаетъ что онѣ ложь?!

— Зина, проговорилъ я, — ты сама отлично понимаешь, что я не могу не думать о прошломъ. И

я знаю что ты сама о немъ думаешь: такое прошлое не забывается!..

— Зина! Зиночка! поди сюда на минуточку! раздался изъ дальней комнаты голосъ генерала.

Она встала, хотѣла выйти, но остановилась предо мною и обдавъ меня однимъ изъ своихъ невыносимыхъ, быстрыхъ и горячихъ взглядовъ, шепнула:

— Зачѣмъ же считаешь ты ужаснымъ и безобразнымъ мое желаніе никогда больше не слыхать этого голоса?!

Долго я сидѣлъ одинъ и много всякихъ тяжелыхъ мыслей обрывалось и путалось въ головѣ моей.

XVII.

Съ этого вечера и съ этого разговора все же ледъ былъ разбитъ между нами.

Я продолжалъ ежедневно бывать у Зины.

У нихъ рѣшено было, что они останутся въ Петербургѣ. Съ генераломъ дѣлалось что-то странное. Всѣ доктора твердили ему о необходимости поѣздки заграницу, но онъ ничего и слушать не хотѣлъ.

— Мнѣ лучше! мнѣ гораздо лучше, повторялъ онъ — Я останусь здѣсь! Мнѣ здѣсь хорошо! Никакой медицинѣ не вѣрю. Суждено умереть — умру и заграницей, и здѣсь, все равно. Но я еще не умру, —мнѣ гораздо лучше!

Они остались.

Съ Рамзаевымъ я не встрѣчался. Зина исполнила свое обѣщаніе и всегда умѣла такъ устраивать, что

онъ являлся когда меня не было. Одинъ разъ только встрѣтился я съ нимъ на крыльцѣ у нихъ. Мы сдѣлали видъ что не замѣчаемъ другъ друга.

Съ Зиной я теперь оставался вдвоемъ иногда по цѣлымъ часамъ. Генералъ полюбилъ лежать въ маленькой комнатѣ, возлѣ Зининой гостиной, и оттуда слушать игру ея. Собственно для этого рояль былъ перенесенъ изъ залы въ гостиную и Зина подолгу играла, особенно вечеромъ въ сумерки.

Старикъ часто засыпалъ подъ музыку. Тогда она отходила отъ рояля, подсаживалась ко мнѣ на маленькій диванчикъ и у насъ начинались безконечные разговоры. И я самъ не замѣтилъ какъ эти разговоры мало-по-малу приняли самое невѣроятное направленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я уже ощущалъ безконечную тоску, но даже не понималъ откуда она, чувствовалъ только что мысли мои начинаютъ путаться.

Я наконецъ сообразилъ все только тогда когда какъ-то вернувшись домой, припомнилъ послѣдній разговоръ съ ней. Чтожь это такое было? Къ чему все это свелось? Чѣмъ все это кончилось? Теперь я ужь былъ не братъ, было не забвеніе прошлаго, была наконецъ не законность ожиданія смерти. Было опять что-то окончательно безобразное, опять разговоры о дикихъ желаніяхъ и капризахъ, о дикихъ сценахъ въ невѣдомомъ для меня ея прошломъ. Упоминалось тутъ и о таинственномъ человѣкѣ, который что-то для нея значитъ и имя котораго она никогда не назоветъ мнѣ.

Прошло еще нѣсколько дней, и я чувствовалъ, что положительно съ ума схожу.

Я не находилъ себѣ нигдѣ мѣста. Я опять собирался бѣжать въ деревню, куда мама отчаянно звала меня своими частыми письмами, и не трогался съ мѣста, уходилъ къ Зинѣ и слушалъ ее. И то что я слышалъ отъ нея съ каждымъ вечеромъ все болѣе принимало видъ невыносимаго бреда.

Очевидно, въ первый разъ когда она сказала свою первую дикую фразу я черезчуръ поразился ею. Очевидно она замѣтила впечатлѣніе, произведенное на меня, и это ей понравилось, и тутъ ей пришла фантазія, одна изъ ея больныхъ, ужасныхъ фантазій, меня мучить. Она стала практиковаться въ этомъ ежедневно, окончательно вошла въ новую роль свою.

Ей было пріятно видѣть какъ я задыхался отъ словъ ея, какъ на ея глазахъ я сходилъ съ ума. Ей пріятно было сознаніе ея безконечной власти надо мною. Она торжествовала, когда я окончательно измученный и выведенный изъ всякаго терпѣнія, объявилъ ей и генералу что завтра ѣду заграницу.

Она въ тотъ же вечеръ пріѣхала ко мнѣ, увидѣла уложенныя мои вещи, сама все выложила опять изъ чемодановъ въ комоды, заперла, ключи взяла съ собою, цѣловала меня, бѣсилась, хохотала—и я не уѣхалъ.

Я на другой день опять былъ у нея и при ней сплеталъ генералу глупую исторію о томъ какъ на службѣ мнѣ дали важное спѣшное дѣло, которое помѣшало моей поѣздкѣ.

Чего она отъ меня хотѣла? Я ей говорилъ что не вынесу, что убью или ее или себя. И она смѣялась, и представляла мнѣ какъ это будетъ. Какъ вотъ меня нѣтъ; цѣлый день проходитъ—меня нѣтъ! Она ѣдетъ ко мнѣ и застаетъ меня застрѣлившимся. Она описывала какъ будетъ мучиться, рыдать, рвать на себѣ волосы и—хохотала!

Иногда я замѣчалъ, что она наконецъ хочетъ оставить эту отчаянную, безобразную игру. Вотъ она встрѣчаетъ меня серіозно и спокойно, вотъ она наконецъ проситъ у меня прощенія, говоритъ что понимаетъ какъ безумно, какъ подло (это ея выраженіе) ведетъ себя, плачетъ. Вотъ почти весь вечеръ прошелъ, и я едва узнаю ее. Снова я вижу въ ней другой образъ и снова въ своемъ безумномъ, несчастномъ ослѣпленіи, готовъ ей вѣрить, готовъ ждать чего-то, на что-то надѣяться.

Но она не можетъ долго выдержать, и конецъ вечера завершается новымъ бредомъ.

Зачѣмъ я тогда уѣхалъ изъ Петербурга? Но, Боже мой, какъ же мнѣ было не ѣхать?! Да и помогъ ли бы я чему-нибудь, отвратилъ ли бы что-нибудь? Такъ или иначе, а вышло бы то же самое, такъ должно было... Какой это ужасный день и какъ ясно я его вижу предъ собой... Я по обыкновенію послѣ обѣда получилъ отъ нея записку. Она звала меня и сердилась что я два дня не показывался, писала, что въ девять часовъ будетъ непремѣнно дома.

Я вышелъ въ половинѣ десятаго и пошелъ пѣшкомъ, хотя съ утра не переставая лилъ дождь, и на улицахъ было грязно и скверно. Но я всегда любилъ такую погоду и именно осенью, вечеромъ, въ Петербургѣ. Я любилъ эту мглу, этотъ паръ въ сыромъ, безвѣтренномъ воздухѣ, блестящія мокрыя плиты тротуаровъ, осторожно ступающія черезъ лужи фигуры прохожихъ. Мнѣ дѣлалось тогда какъ-то тихо, будто внутри останавливается что-то и замираетъ...

Я шелъ медленно знакомою дорогой и по временамъ совсѣмъ забывался, такъ что не помнилъ пройденнаго пространства; еслибы въ такую минуту подошли ко мнѣ и закричали у самаго уха, я бы и этого не замѣтилъ. Потомъ вдругъ, очнувшись, я начиналъ усиленно интересоваться всѣмъ что было кругомъ меня. Я заглядывалъ въ окна магазиновъ, разсматривалъ каждую встрѣчную фигуру. Я и теперь помню все, всякую мелочь бывшую тогда предъ моими глазами, какъ будто все это нужно помнить, какъ будто оно имѣетъ какую-нибудь связь съ тѣмъ что потомъ случилось... Наконецъ я остановился у знакомаго подъѣзда.

Входя въ ея гостиную, я чуть не наткнулся на Рамзаева. Онъ стоялъ со шляпой въ рукѣ и застегивалъ перчатку. Зина была рядомъ съ нимъ и очевидно что-то ему сейчасъ говорила. Она, по обыкновенію, чуть замѣтно покачиваясь, подошла ко мнѣ и крѣпко сжала мнѣ руку. Съ Рамзаевымъ мы не поклонились. При видѣ его мое раздраженіе усилилось еще больше. Мнѣ захотѣлось еще разъ на-

звать его подлецомъ и посмотрѣть какъ онъ опять промолчитъ на это названіе. Но я далъ Зинѣ честное слово его не трогать, къ тому же въ сосѣдней комнатѣ я слышалъ шаги ея мужа и, конечно, жалѣя старика, долженъ былъ молчать.

Рамзаевъ отлично понималъ мое положеніе. Поэтому онъ нисколько не спѣшилъ уходить, нахальнѣйшимъ образомъ дѣлалъ видъ, что меня не замѣчаетъ, и даже два раза посмотрѣлъ на меня, какъ будто въ пустое пространство.

— Такъ я завтра же съѣзжу на почту, все устрою и дамъ вамъ знать, а за симъ до свиданія, спокойно сказалъ онъ Зинѣ.

Она вышла его проводить.

Я едва владѣлъ собою. Я хорошо понималъ, что Рамзаевъ нарочно хвастается предо мной, что вотъ она поручаетъ ему свои дѣла, что онъ близкій ей человѣкъ, другъ дома и что моя исторія съ нимъ нисколько не испортила ихъ отношеній. Но вѣдь я и такъ, безъ этихъ внѣшнихъ доказательствъ, все равно давно ужь понималъ, что тутъ есть какая-то близость и даже можетъ-быть гораздо болѣе серьезная, чѣмъ дружеское исполненіе порученій и веденіе дѣлъ. И эта близость, это что-то таинственное, что было между ними и что я и сейчасъ замѣтилъ, по тому какъ они глядѣли другъ на друга, возмущало мою душу...

Шевельнулась портьера, выглянула голова старика.

— Здравствуйте, голубчикъ, сказалъ онъ мнѣ, своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.—Только не под-

ходите, не подходите: вы съ холоду! Обогрѣйтесь...

Онъ спрятался за портьеру.

Вошла Зина. Я хотѣлъ было выразить ей все, что мучило меня и возмущало по поводу Рамзаева; но взглянулъ на нее и не сказалъ ни слова. Она тоже ничего не говорила. Она подошла ко мнѣ, спутала мнѣ рукою волосы, а потомъ сѣла къ роялю и заиграла что-то очень странное, длинное, безконечное, гдѣ по временамъ мнѣ слышались какіе-то колокольчики, каждый разъ больно ударявшіе мнѣ въ сердце и голову.

Я придвинулъ кресло къ самой ея табуреткѣ. Мы почти касались другъ друга. Мы могли говорить тихо, тихо, и старикъ не могъ насъ слышать изъ сосѣдней комнаты, гдѣ онъ, кажется, уже дремалъ за своею газетой. На далекомъ угловомъ столикѣ слабо свѣтилась лампа, прикрытая темнымъ абажуромъ. Я чувствовалъ, какъ необычайный мракъ начиналъ окутывать все предо мною...

— Что дѣлать, Зина? почти безсознательно прошепталъ я.

— Что, что дѣлать? повторила она.

— Что дѣлать человѣку, который идетъ во мракъ и навѣрное знаетъ, что нужно идти впередъ... его мозгъ работаетъ, его чувства напрягаются невыносимо, но онъ ничего не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ. Предъ нимъ мелькаютъ только туманные призраки, и онъ сейчасъ же сознаетъ, что это призраки его воображенія, а не живые, настоящіе предметы...

— Коли человѣкъ силенъ, такъ онъ долженъ

знать что ему дѣлать, шепнула Зина, и новый колокольчикъ, сорвавшись съ клавишей, злобно ударилъ въ меня.

— Ахъ, Зина! вскрикнулъ я, даже невольно схватившись за грудь,—да вѣдь всякая сила только тогда можетъ выказаться, когда есть съ чѣмъ бороться, когда то что побороть нужно — видно! А вѣдь въ этой темнотѣ ничего не видно и не слышно,—силу-то и обратить не на что! Она можетъ только нестись куда-то впередъ, въ пропасть...

— Нестись!.. То-есть сложить руки и отдаться теченію—какая же это сила? Это слабость!.. усмѣхнулась Зина, искоса и лукаво взглянувъ на меня.

— Нѣтъ... это не „по теченію", это бездна... это несчастіе и безуміе...

— Можетъ-быть ты и правъ, только я не понимаю, зачѣмъ все это: ничего этого нѣтъ и быть не можетъ...

И она оборвала свою музыку цѣлымъ дождемъ невыносимыхъ колокольчиковъ.

Я поднялся съ кресла и взглянулъ за портьеру: старикъ лежалъ въ своемъ мѣховомъ халатѣ на кушеткѣ, газета свалилась на коверъ, очки спустились къ самому кончику носа. Глаза были закрыты и старое, красивое лицо его показалось мнѣ до такой степени безжизненнымъ и страшнымъ, что я навѣрное бы подумалъ, что онъ уже умеръ, еслибы тоненькій свистъ не выходилъ изъ-подъ сѣдыхъ, вѣчно надушеныхъ усовъ его.

— Спитъ? спросила Зина.

— Да, отвѣтилъ я, возвращаясь въ гостиную.

Зина сѣла на маленькомъ диванѣ. Я попросилъ ее подвинуться.

— Ну, вотъ тебѣ мѣстечко, сказала она, поправляя платье.

Я сѣлъ рядомъ съ нею и взялъ ея руки; онѣ были какъ ледяныя.

— Холодно, холодно! говорила она, сжимая мои пальцы,—отъ меня дышетъ холодомъ, да и отъ тебя тоже; мы не согрѣемъ другъ друга, уйди лучше.

Она отшатнулась, освобождая мои руки. Но только-что я хотѣлъ подняться съ мѣста, какъ ея голова очутилась на груди моей, и она прижалась ко мнѣ, а я крѣпко ее обнялъ и началъ цѣловать ея холодный лобъ, глаза и щеки.

Ея губы потянулись впередъ и встрѣтились съ моими. Такъ мы сидѣли долго и слышали какъ тихо, тихо постукивали часы на каминѣ. Потомъ она подняла голову, открыла на мгновенiе глаза, снова закрыла ихъ и прижалась ко мнѣ еще крѣпче.

Она заговорила тѣми прозрачными намеками, къ которымъ стала прибѣгать въ послѣднее время, заговорила о томъ, какъ она любитъ его, того таинственнаго человѣка, о томъ, какъ она ненавидитъ весь мiръ, о томъ, сколько въ ней злобы и жестокости, какъ легко ей безъ всякихъ угрызенiй совѣсти быть причиною гибели человѣка...

Это былъ безумно раздражающiй, горячечный бредъ, въ которомъ слышались, то наивность безсмысленнаго ребенка, то дикая, циничная злоба безнравственной женщины. Это былъ тотъ бредъ, который въ послѣднiе вечера, все чаще и чаще при-

ходилось мнѣ выслушивать, который сопровождался поцѣлуями и заканчивался угрозой убить меня какимъ бы то ни было способомъ.

Она и теперь повторяла свою угрозу и въ то же время разбирала и гладила мои волосы, и цѣловала меня горячими, влажными губами.

Я съ безконечнымъ отвращеніемъ вслушивался въ слова ея, я безсмысленно отдавался мученью ея поцѣлуевъ... Наконецъ, я почувствовалъ совершенно опредѣленно и ясно, что еще двѣ такія минуты,— и я задушу ее.

Я сдѣлалъ надъ собою послѣднее усиліе и, оторвавшись отъ нея, всталъ съ дивана.

— Куда же ты? посиди еще! сказала Зина.

— Нѣтъ, пора, прощай, уже первый часъ; мы не замѣтили какъ пробило двѣнадцать.

Она подошла къ часамъ, сняла абажуръ съ лампы, а потомъ тихонько заперла дверь, за которою послышался старческій кашель.

— Подожди еще!

Она положила мнѣ на плечи свои руки.

— Довольно, Зина, сказалъ я:—ты сегодня сдѣлала все, что только могла сдѣлать...

— Ну, уходи, заговорила она, обнимая меня,— только знай, что ты не заснешь сегодня ночью, ты будешь умирать, умирать по настоящему, умирать мучительною смертью... и ты увидишь двѣ тѣни... двухъ людей... прощай!..

— Прощай, Зина.

Нѣжно и кокетливо склонилась она снова на плечо мое и глядѣла на меня своими странными

глазами, глядѣла какъ тихій, довѣрчивый ребенокъ, какъ любящая и невинная женщина...

Я смотрѣлъ на это лицо, и мучительная жалость поднялась во мнѣ. Кого жалѣлъ я — себя или ее — не знаю...

Я почти шатаясь вышелъ въ переднюю, гдѣ сонные люди уже давно дожидались, чтобы запереть за мною двери.

XVIII.

Темная, дождливая ночь охватила меня сыростью и порывами вѣтра. Я помню, что низко висѣли густыя тучи; но не помню какъ шелъ я, что думалъ и что чувствовалъ. Придя домой, я сѣлъ за письменный столъ, началъ было писать, потомъ читать, но ничего не могъ... Не помню, сколько прошло времени, — можетъ быть часъ, а можетъ-быть нѣсколько минутъ,—не помню. Я сидѣлъ неподвижно и вотъ тутъ-то меня охватило то ужасное ощущеніе, вспоминая о которомъ, я и теперь холодѣю.

Оно подкралось ко мнѣ какъ-то незамѣтно, завладѣло мною сразу, сейчасъ же вслѣдъ за полнѣйшимъ бездумьемъ и легкою дрожью, пробѣгавшею по всему тѣлу. Когда я сознаЛъ его — было уже поздно. Я почувствовалъ, что уже никакою силой воли не разгоню его, что борьба напрасна.

Предсказаніе Зины исполнилось: я начиналъ умирать, „умирать по настоящему, мучительною смертью,“ какъ она предрекла мнѣ.

Напрасно пытаюсь я передать въ словахъ это ощущеніе медленной агоніи. Оно началось безконечно холоднымъ сознаніемъ моей полной одинокости, одинокости не въ безпредѣльномъ пустомъ пространствѣ, а напротивъ, въ громадномъ мірѣ, кипящемъ разнообразнѣйшею жизнью. Этотъ живой, цѣльный міръ окружалъ меня, но не имѣлъ со мною ровно ничего общаго. Я видѣлъ и понималъ, какъ блестящія нити матеріи, по которымъ струилась эта міровая жизнь, распредѣлялись причудливыми, но математически правильными формами, обусловливавшими ихъ взаимное равновѣсіе и соотношеніе. Только одно мѣстечко громаднаго міра, то мѣстечко въ которомъ трепетало мое существованіе, было прорваннымъ, или, вѣрнѣе, еще недодѣланнымъ. И мнѣ уже видѣлись со всѣхъ сторонъ концы блестящихъ нитей, стремившихся также правильно размѣститься и закончиться на мѣстѣ занимаемомъ мною. И, разумѣется, я долженъ былъ уничтожиться, чтобы не мѣшать общей гармоніи. Вѣдь не могъ же я, одинъ я, удерживать за собою это недодѣланное мѣсто всемірной паутины!...

Вотъ какое невозможное, но тѣмъ не менѣе совершенно яркое, опредѣленное представленіе сложилось въ моемъ мозгу и въ моемъ чувствѣ. Мнѣ казалось что уже раскаленные, острые концы этихъ нитей вонзаются въ меня по всѣмъ направленіямъ. Я вскочилъ и остановился посреди комнаты. Свѣчи, зажженныя въ канделябрѣ на столѣ, почему-то по-

тухли; можетъ-быть я самъ безсознательно затушилъ ихъ. Я остался въ темнотѣ и сейчасъ же замѣтилъ, что я не одинъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, на моемъ турецкомъ диванѣ, кто-то есть; мнѣ слышался, чей-то тихій неопредѣленный шепотъ.

Мои ноги подкашивались, въ груди давило. Я медленно подошелъ къ дивану и протянулъ руки. Я почувствовалъ чьи-то мягкіе волосы, нѣжное, гладкое женское лицо. Я понялъ что это была Зина. Но она была не одна,—она кому-то тихо шептала на ухо и этотъ кто-то былъ отъ нея такъ близко, какъ былъ и я на маленькомъ диванѣ въ ея гостиной. Мнѣ не нужно было допытываться, кто онъ; я узналъ его сразу, по одному ужасу охватившему меня. Это былъ онъ, тотъ таинственный человѣкъ, которымъ она меня мучила—это былъ Рамзаевъ.

Я крикнулъ безумнымъ голосомъ, кинулся впередъ и потерялъ сознаніе....

Не знаю сколько времени продолжался мой обморокъ. Я очнулся на коврѣ предъ диваномъ и долго еще не могъ пошевельнуться и лежалъ въ темнотѣ и тишинѣ. Наконецъ совсѣмъ машинально приподнялся, зажегъ свѣчу, прошелъ въ спальню, и странное дѣло, заснулъ какъ убитый.

Проснулся я поздно. Вчерашняго ощущенія слабости, разбитости какъ не бывало. Я даже удивлялся своей бодрости, своей силѣ. Только внутри меня оставалась все та же тоска, тотъ же отвратительный туманъ носился предо мною. Я хорошо помнилъ

весь этотъ страшный вечеръ, эту невыносимую галлюцинацію. Какъ все въ ней было живо, ясно, отвратительно .. Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться! думалъ я, такъ съума сойти можно!... Нужно бѣжать, бѣжать и покончить разомъ....

Что жь такое что все перепуталось, что я потерялъ счетъ днямъ и позабылъ прежніе интересы моей жизни? Что жь такое, что всѣ близкіе мнѣ люди куда-то провалились, а въ ихъ платье облеклись какія-то отвратительныя чудовища, которыя только меня дразнятъ и сживаютъ со свѣта? Что жь такое что вмѣсто скучнаго, но все же яснаго теченія жизни, съ крошечными обязанностями, съ крошечными развлеченіями, и заботами о дѣлахъ житейскихъ, для чего-то, для какого-то будущаго устраиваемыхъ,— что жь такое что вмѣсто всего этого явилось сплошное мученіе и не оставляетъ меня, не покидаетъ ни на минуту вотъ ужь больше двухъ мѣсяцевъ... Такъ неужели мнѣ такъ и согнуться, такъ и замереть и только—смотрѣть что изъ этого выйдетъ, скоро ли и какимъ образомъ я окончательно погибну? Зина права, когда говоритъ что это значитъ сложить руки, что это „по теченію“... Нѣтъ я еще постою за себя, я еще выплыву! Я покажу ей, что меня не такъ ужь легко „убить тѣмъ или другимъ способомъ“. И покажу сегодня же, сейчасъ, сію минуту.

Я досталъ свой заграничный паспортъ, взятый уже больше мѣсяца тому назадъ, велѣлъ Ивану уложить мои вещи. Я сказалъ ему, что чрезъ два часа буду дома, а вечеромъ уѣзжаю за границу. Но я не хотѣлъ уѣхать такъ, не повидавшись съ Зиной. Это было бы бѣгствомъ. Я рѣшился отправиться къ ней

и побороться съ нею. Я зналъ, что она не захочетъ меня теперь выпустить.

Я засталъ ее въ гостиной вмѣстѣ съ мужемъ. Онъ былъ веселъ, бодръ, разодѣтъ и раздушенъ; отъ вчерашняго страшнаго, почти умирающаго старика, ничего не осталось. Онъ ужь не боялся того, что я съ холоду и простужу его. Напротивъ, онъ объявилъ что отлично себя чувствуетъ, и, благо солнце выглянуло и на улицахъ пообсохло, собирался сдѣлать небольшую прогулку.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ проститься съ вами, сказалъ я, — я къ вамъ на минуту и сегодня ѣду за границу...

— Ты сегодня ѣдешь за границу? спросила Зина съ насмѣшливой улыбкой.

— Да, ѣду, ужь и вещи мои укладываютъ.

— И на долго?

— Вѣроятно... вѣдь я давно собираюсь .. нужно же когда нибудь выбраться... вотъ рѣшилъ наконецъ и ѣду...

— Съ Богомъ, съ Богомъ, голубчикъ, ласково беря меня за руку, говорилъ старикъ.—Вѣдь вы въ Швейцарію... теперь тамъ самое лучшее время, скоро начнется уборка винограда; подышите воздухомъ, освѣжитесь... съ Богомъ... а я ужь пойду, посидѣлъ бы съ вами, да боюсь, пожалуй дождь опять, такъ я безъ прогулки останусь... ну, прощайте, пишите почаще...

Онъ подставилъ мнѣ свои надушеные усы и трижчы поцѣловался со мною.

— А можетъ еще и застану... вѣдь я не долго, только въ скверѣ пройдусь и домой.. а ты, Зиночка, вели мнѣ кофе сварить, да яичекъ... въ смятку... только чтобы не переварились...

Наконецъ мы остались одни. Зина остановилась предо мной и захохотала.

— Такъ ты сегодня за границу ѣдешь?.. хоть бы при немъ-то постыдился говорить, вѣдь опять какую-нибудь невѣроятную исторію придумывать придется... вѣдь не уѣдешь...

Я молча улыбнулся и спокойно взглянулъ на нее. Она говорила съ такою непоколебимою вѣрой въ свою власть надо мною, она считала меня ужь окончательно и невозвратно прикованнымъ къ ней, обезсиленнымъ, ничтожнымъ.. И вдругъ она сама показалась мнѣ какою-то далекою, чужою, совсѣмъ другою. Все что влекло меня къ ней, изъ-за чего она владѣла мною, куда-то исчезло. Я все глядѣлъ на нее и улыбался. Ея блестящіе, неподвижные глаза, уже не обдавали меня страстью и мученіемъ. Она была теперь просто красивая, стройная женщина, съ блѣднымъ, нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ, съ не совсѣмъ естественною злою усмѣшкой. Ея волосы были плохо причесаны и закрученная коса кое-какъ придерживалась на затылкѣ, утренній пеньюаръ, по обыкновенію, смятъ и даже довольно заношенъ... я невольно припомнилъ, какъ еще дѣвочкой ее всегда бранили за неряшество...

Но я не смѣлъ радоваться, что она такая, что я такъ гляжу на нее и спокойно улыбаюсь. Вѣдь я зналъ что и прежде бывали не разъ подобныя минуты: иногда она представлялась мнѣ просто грубою, глупою и даже противною... но проходила минута, и все забывалось, и снова она могла дѣлать со мною все, что хотѣла...

Но теперь вѣрно она прочла въ глазахъ моихъ, что-нибудь для себя опасное. Она вдругъ оставила свою злую усмѣшку и съ видимымъ удовольствіемъ подошла ко мнѣ еще ближе.

— Чего же ты смѣешся, чего ты молчишь?.. да говори же?.. что это такое?!. серіозно ты ѣдешь?..

— Я уже сказалъ тебѣ что ѣду... не вѣрь, если хочешь, я клясться не стану... сама увидишь.

Она глядѣла на меня не отрываясь, какъ будто хотѣла высмотрѣть всю мою душу, потомъ сѣла на ручку моего кресла и обняла меня за шею. Широкій рукавъ пеньюара откинулся, я видѣлъ почти у самыхъ глазъ своихъ ея розовый локоть, я чувствовалъ у щеки своей ея гладкую теплую руку. Я хотѣлъ приподняться, но она удержала меня.

— Послушай, Зина: я думаю что говорить намъ не о чемъ и нечего повѣрять другъ другу предъ разлукой... Простимся теперь же, и я уѣду... право такъ будетъ гораздо лучше...

— Нѣтъ, постой, что ты! быстро заговорила она, наклоняясь ко мнѣ.—Я не могу тебя отпустить... я должна поговорить съ тобою... какъ же это? вѣдь я совсѣмъ не ожидала, что ты въ самомъ дѣлѣ вздумаешь ѣхать... Что-жь, ты сердитъ на меня?

Она совсѣмъ прижалась ко мнѣ, и говорила ужь надъ самымъ моимъ ухомъ.

Я не могъ выносить этого. Я чувствовалъ что еще мигъ и она опять станетъ для меня прежнею, вѣчною, мучительною Зиной. Я отстранилъ ея руку и поднялся съ кресла.

— Мнѣ на тебя сердиться!.. странные ты выдумываешь вопросы! проговорилъ я.—Ну, да о чемъ ужь тутъ!.. я думаю что и тебѣ самой будетъ гораздо лучше когда я уѣду... вѣдь ты сама мнѣ недавно сказала, что я за тобой наблюдаю и что ты этого не любишь.

— Послушай! ты меня ревнуешь къ Рамзаеву! какъ это глупо! вдругъ перебила меня Зина и засмѣялась.

Я взглянулъ на нее и понялъ, что все пропало. Меня снова охватило мученье, страсть, жалость.

— Нѣтъ, не ревную, отвѣтилъ я,—но мнѣ очень тяжело видѣть, что между вами есть что-то общее, какая-то проклятая близость, которую я не могу постигнуть.

— А! ты видишь между нами близость!..

— Да, вижу и чувствую, и ты ничѣмъ меня не разувѣришь... и это ужасно! Вѣдь Рамзаевъ это ужь совсѣмъ послѣднее дѣло, Зина... Прикоснуться къ этому человѣку, завести съ нимъ что-нибудь общее, кромѣ грязи, кромѣ позора тутъ ничего, ничего быть не можетъ... и вѣдь ты сама это знаешь...

— Ничего я не знаю. Но если ты такъ ужь *видишь* и *чувствуешь* и скорбишь обо мнѣ, — зачѣмъ же ты уѣзжаешь? ты долженъ оставаться, ты дол-

женъ оберегать меня отъ вліянія этого *ужаснаго*, по твоему, человѣка...

— Я бы и не смутился твоими насмѣшками... и остался бы, и оберегалъ бы даже хоть насильно... но я понялъ и рѣшилъ, что ровно ничего не въ состояніи сдѣлать... вѣдь только ради того, чтобы помучить меня, ты окунешься во что угодно... на смѣхъ мнѣ станешь кликать этого Рамзаева... развѣ я тебя не знаю!..

У меня, дѣйствительно, еще утромъ мелькнула мысль что можетъ-быть послѣ моего отъѣзда, она его прогонитъ. Думая и передумывая, даже не смотря на свои предчувствія и наблюденія, я иногда начиналъ сомнѣваться въ возможности между ними общихъ интересовъ. Мало ли что еще вчера могло мнѣ казаться въ бреду и сумасшествіи, мало ли какъ она меня дурачила и дурачитъ. Можетъ-быть и весь-то этотъ таинственный любимый человѣкъ, весь этотъ Рамзаевъ существуетъ только для того, чтобы меня попытать и помучить. Но вѣдь и въ такой даже роли онъ вреденъ: онъ и этою ролью съумѣетъ воспользоваться для какой-нибудь своей гадости...

— Ты думаешь, что я теперь насмѣхаюсь надъ тобою? сказала Зина,—ты ошибаешься...

Она взяла мою руку; на ея лицѣ вдругъ мелькнула та рѣдкая, серіозная и въ то же время, дѣтски-жалкая мина, которую такъ любилъ я.

— Я говорю правду, André, продолжала она.— Ты мнѣ теперь очень нуженъ и ты можетъ-быть раскаешься что уѣхалъ...

Она совсѣмъ превращалась въ несчастнаго, замученнаго ребенка. Она глядѣла такъ какъ бывало тогда,

давно, когда приходила жаловаться мнѣ на какую-нибудь обиду. Я не могъ выносить этого. Я опять сѣлъ въ кресло и старался не смотрѣть на нее.

Она почти упала на коверъ, предо мной, спрятала лицо въ мои колѣни и зарыдала.

— Зина, Зина что съ тобою? съ мученіемъ повторялъ я, стараясь ее поднять. Наконецъ, вся въ слезахъ, она откинула голову и схватила мои руки. Въ ея лицѣ выражался дѣйствительный ужасъ и отчаянье.

— Развѣ я сама не знаю что гибну, шептала она прерывающимся голосомъ.—Я гибну и знаю, что совсѣмъ погибну безвозвратно. И ты не спасешь меня. Когда ты пришелъ сегодня, я думала что у тебя въ карманѣ или пистолетъ или ножъ. . или что-нибудь... я думала что ты убьешь меня... и я даже рада была этому...

Она опять зарыдала. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Я слушалъ ее какъ помѣшанный, и чувствовалъ опять весь міракъ, весь бредъ, всѣ муки вчерашняго вечера.

— Убей меня, ради Бога убей меня! заговорила она снова, останавливая свои рыданія и продолжая глядѣть на меня страшными, широко раскрытыми глазами.—Убей меня сейчасъ, теперь... теперь лучше, послѣ будетъ слишкомъ поздно...

У меня голова кружилась. Я отстранилъ ея руки, я отбѣжалъ отъ нея, взялъ шляпу и спѣшилъ къ двери. Прочь отъ этой безумной... не то—еще нѣсколько минутъ, и она навсегда сдѣлаетъ и меня сумасшедшимъ, и я ужь никогда и никуда не убѣгу отъ нея.

Но она кинулись за мною, она заслонила дверь, она хватала меня за платье. Ея коса распустилась, въ лицѣ не было ни кровинки, а поблѣднѣвшія губы судорожно вздрагивали. На нее страшно было глядѣть въ эту минуту.

— Ты думаешь, что я съ ума сошла, задыхаясь шептала она;—нѣтъ, я не безумная, именно теперь не безумная, можетъ быть только теперь я и въ своемъ разсудкѣ... André! я умоляю тебя, убей меня, убей, не то будетъ хуже... Или спаси меня... Только нѣтъ! ты не можешь спасти меня... убей же меня, убей... Andrè, милый мой, умоляю тебя!...

Она опять опустилась передо мной на колѣни и, крѣпко держа мои руки, стала вдругъ цѣловать ихъ.

Но эта сцена была черезчуръ ужь дика и невыносима, и я какъ-то съумѣлъ очнуться.

— Зина, я въ послѣдній разъ прошу тебя успокоиться и не безумствовать... ты меня не пускаешь, но я все равно уйду сейчасъ, хоть еслибъ ты повисла на мнѣ и волочилась за мною...

Она вдругъ встала и выпустила мои руки.

— Такъ ты уходишь, ты ѣдешь... ты оставляешь меня, проговорила она уже новымъ и болѣе спокойнымъ голосомъ.—Значитъ, такъ надо, такъ суждено... ты не знаешь *зачѣмъ* ты ѣдешь... Ну хорошо, прощай... только я не на долго прощаюсь съ тобою... я можетъ быть скоро къ тебѣ пріѣду... прощай...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ меня, какъ будто намѣревалась выйти изъ комнаты. Вдругъ она обернулась, порывисто обняла меня и прежде чѣмъ я успѣлъ сказать ей слово, скрылась за портьерой.

Выйдя на воздухъ, я вздохнулъ полною грудью, будто вырвавшись изъ душнаго подземелья.

„Она скоро ко мнѣ пріѣдетъ", думалъ я; „ну это-то фраза! старикъ ни за что не выѣдетъ изъ Петербурга и еще не скоро умретъ: ему въ послѣднее время видимо лучше. Что-жь, убѣжитъ она отъ него что ли? но ей черезчуръ невыгодно теперь бѣжать отъ него... не рѣшится она"...

Если бы только хоть на мгновеніе могла у меня мелькнуть мысль о томъ что должно было случиться,— конечно я остался бы. Но я ничего не подозрѣвалъ и не предвидѣлъ, я все еще недостаточно зналъ Зину. Вечеромъ я уже былъ въ вагонѣ и ѣхалъ въ Швейцарію.

XIX.

Я поселился тогда здѣсь, въ Лозаннѣ, у madame Brochet. Поѣздка освѣжила меня, тишина моей новой жизни, чудный воздухъ успокоивали мои больные нервы. Я рѣшилъ, что мнѣ еще рано отчаяваться въ своей жизни, что нужно же наконецъ отвязаться отъ болѣзненныхъ сновъ и поставить цѣль свою на болѣе здоровомъ и твердомъ основаніи. Здѣсь, въ полномъ уединеніи, я отдохну скоро и сами собою придутъ благодатныя мысли...

А пока буду работать, буду рисовать и читать, приготовлять матеріалы для своей второй диссертаціи: со мною всѣ нужныя книги, со мною полотно и краски, а кругомъ прекрасная, могучая природа.

Время шло, прошелъ мѣсяцъ. Я чувствовалъ себя иногда легче, спокойнѣе.

Но все это было днемъ, на яву, а приходила ночь, я засыпалъ, и тутъ ужь не могъ владѣть собою, тутъ

ужь не могъ отгонять Зину: она приходила какъ и въ далекое время моей первой юности, приходила свѣтлая и чистая, и вся душа моя рвалась къ ней навстрѣчу. Она говорила мнѣ что свободна, что послѣднее испытаніе окончилось, что тотъ человѣкъ которому она продала себя и который стоялъ между нами, умеръ и что она теперь моя, на всю жизнь, безраздѣльно. „Въ тебѣ одномъ все мое спасеніе", говорила она: разбей мои цѣпи, прогони злыя чары, и будемъ счастливы!"

Я просыпался, еще весь полный блаженства, и невольно мечталось мнѣ: „Да вѣдь можетъ же это быть! больной старикъ не вѣченъ... и, если она тогда придетъ ко мнѣ,—я спасу ее, о, тогда я спасу ее!"

Этотъ старикъ долгое время не имѣлъ для меня никакого значенія; я только недавно разглядѣлъ его; но теперь, почему-то онъ начиналъ представляться мнѣ единственною преградой, мнѣ казалось, что только его присутствіе и дѣлало меня слабымъ, а не будетъ его,—и я вырву ее изъ мрака.

Но я не смѣлъ этого ждать... да и придетъ ли она тогда ко мнѣ?!..

Бывали у меня и другіе сны, другія грезы. Иногд цѣлую ночь страшный кошмаръ душилъ меня; Зина являлась мрачная и ужасная, съ окровавленными руками, и говорила мнѣ: „я его убила!" Она простирала ко мнѣ свои руки, съ которыхъ струилась кровь, обнимала меня, — и я захлебывался кровью, задыхался, рвался изъ ея объятій. Тогда, она брала ножъ и погружала его по рукоятку въ грудь мою. И я чувствовалъ что умираю, а она стояла надо мной и злобно смѣялась...

Я просыпался, я какъ безумный выбѣгалъ на воздухъ и бродилъ по горамъ, во мглѣ и сырости уже поздняго осенняго разсвѣта.

Какъ-то возвращался я домой. Тишина природы въ этотъ день на меня особенно успокоительно дѣйствовала.

Моя дверь, по обыкновенію, была не на запорѣ; сумерки уже совсѣмъ сгустились. Я вошелъ въ темную комнату, подошелъ къ столу, вынулъ спичку и зажегъ свѣчу. И вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ черную фигуру. Невольнымъ движеніемъ я отшатнулся, закрылъ глаза, открылъ ихъ снова... фигура не пропадала.

Свѣча, медленно разгораясь, освѣщала ее больше и больше: на меня глядѣло блѣдное лицо Зины.

Я опять закрылъ глаза и схватился за голову: „призракъ!“ подумалъ я... я ни на минуту не усумнился, что нахожусь снова предъ галлюцинаціей. Мысль о возможности появленія живой Зины не приходила мнѣ въ голову, и тѣмъ болѣе, что ничто не нарушало тишины комнаты. Призракъ съ ужасающею ясностью, молча и неподвижно, стоялъ предо мной. Я нѣсколько разъ закрывалъ глаза и открывалъ ихъ, пока наконецъ совсѣмъ не разгорѣлась свѣча и я не понялъ, что это живая Зина.

Вотъ она покачнулась и протянула мнѣ руку. Я едва не вскрикнулъ. Она прикоснулась ко мнѣ такою холодною рукой, была до такой степени стра-

шно блѣдна, а глаза ея такъ неестественно холодно блестѣли, что въ ней ничего не было живаго. Страхъ, паническій страхъ охватилъ меня, я выдернулъ отъ нея свою руку и бросился вонъ изъ комнаты. Но она успѣла удержать меня и наконецъ заговорила:

— Да ты кажется, въ самомъ дѣлѣ принялъ меня за привидѣніе?!—это я, живая, не бойся... Видишь, я исполнила свое обѣщаніе: я къ тебѣ пріѣхала...

Она сказала все это какимъ-то не своимъ голосомъ и продолжала дико и мертво глядѣть на меня. Отъ нея вѣяло такою смертью и во всемъ этомъ появленіи ея было столько страшнаго, столько поднято было имъ во мнѣ невыносимыхъ предчувствій, что я почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ это былъ призракъ только, привидѣніе, а не живая женщина.

— Зачѣмъ же ты пріѣхала? Какъ ты пріѣхала? Гдѣ мужъ твой?

— Я тебѣ говорила, что пріѣду — и пріѣхала; я предчувствовала что пріѣду. Мой мужъ умеръ, я одна.

— Умеръ! закричалъ я, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ,—умеръ?

— Да, умеръ, прошептала она, медленно опускаясь въ кресло и продолжая смотрѣть на меня неподвижными глазами.

„Господи, что же тутъ такого необыкновеннаго что онъ умеръ, больной давно, старикъ? Не самъ ли я по временамъ ожидалъ его скорой смерти? Отчего же мнѣ такъ страшно смотрѣть на нее? Неужели я вѣрю своимъ снамъ, своему бреду?“

Дрожь пробѣгала по мнѣ все сильнѣе и сильнѣе, я не отрываясь глядѣлъ на Зину. Я чувствовалъ,

какъ весь холодѣю, какъ стучатъ мои зубы, и начиналъ все яснѣе и яснѣе понимать, отчего я холодѣю, отчего мнѣ такъ страшно.

— Это ты его убила! неожиданно для самого себя произнесъ я и, шатаясь, схватился за стулъ, чтобы не упасть, но все-таки ни на секунду не оторвался отъ лица ея.

Она молчала, она оставалась такою же блѣдною, каменною, спокойною.

— Отвѣчай мнѣ, отвѣчай мнѣ! задыхаясь повторялъ я, — отвѣчай!.. Я подошелъ къ ней въ упоръ и положилъ ей на плечи свои руки.

„Сейчасъ, сейчасъ все рѣшится, мелькнуло во мнѣ,—она скажетъ, но что она скажетъ?“

Прошло нѣсколько страшно долгихъ мгновеній. Она все стояла передо мной, неподвижная, съ опущенными глазами. Но вдругъ ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Такъ вотъ ты какимъ вопросомъ встрѣчаешь меня! съ негодованіемъ произнесла она, высоко поднимая голову и блестя глазами. — Я спѣшила, спѣшила, нигдѣ не останавливаясь, чтобы сказать тебѣ: „бери меня — я твоя теперь“ — а у тебя нѣтъ для меня другаго слова, кромѣ этого ужаснаго подозрѣнія?!..

Глаза ея опять опустились, а изъ-подъ рѣсницъ блеснули слезы. Я отошелъ отъ нея, взялъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ нею.

„Она сказала, она отвѣтила, я могу быть спокойнымъ. Я долженъ ей вѣрить, да и наконецъ я все же не имѣю права подозрѣвать ее!“

Я не сталъ отъ нея требовать повторенія, не сталъ ни о чемъ ее разспрашивать, не оправдывался въ словахъ своихъ; я только ждалъ, что она дальше говорить будетъ.

И она заговорила.

— Онъ три дня былъ боленъ, очень мучился... Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ я выѣхала...

„Что жь это? думалъ я, что жь это все значитъ? Она свободна, — она пріѣхала ко мнѣ, она ждетъ отъ меня спасенія, и теперь я могу, я долженъ спасти ее... мои лучшія мечтанія осуществляются... Теперь мы можемъ быть счастливы. Отчего же я такъ несчастливъ?"

— Зина, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхала? спросилъ я.

Она взяла мою руку своими холодными дрожащими руками, она слабо, какъ-то жалко мнѣ улыбнулась.

— Куда же мнѣ было ѣхать? Я здѣсь, потому что люблю тебя, потому что не уйду теперь отъ тебя никуда. Теперь я имѣю право на тебя, теперь я не стану тебя мучить; ты увидишь — я совсѣмъ другая. О, я знаю, знаю какъ я страшно предъ тобой виновата! Да вѣдь все можно забыть, все забывается. Скажи мнѣ: вѣдь правда, вѣдь все забывается? усиленно переспросила она; — вѣдь ты забудешь самъ и поможешь мнѣ забыть? Я искуплю всѣ вины мои. Я говорю тебѣ, ты меня не узнаешь. Я ужь слишкомъ много пережила и измучилась... такъ нельзя больше!... Какое хочешь назначь мнѣ испытаніе...

ты увидишь... Я не для твоего мученья прiѣхала, а для твоего счастья.

Она робко, боязливо, какимъ-то страннымъ, стыдливымъ движенiемъ поднесла мою руку къ своимъ губамъ и стала цѣловать ее.

Но я не былъ счастливъ, у меня сдавливало грудь, мнѣ дышать было нечѣмъ.

Мы замолчали. Я отвелъ отъ нея глаза и увидѣлъ тутъ же, въ моей первой комнатѣ, большой сундукъ, сажъ-вояжъ, пледъ, картонку. Она прiѣхала, очевидно, прямо сюда ко мнѣ, значитъ надо было подумать о томъ, какъ ей устроиться.

Уныло вышелъ я изъ комнаты и кликнулъ madame Brochet. Та немедленно явилась.

— Вотъ моя родственница прiѣхала, сказалъ я;— ее какъ-нибудь устроить здѣсь нужно.

Madame Brochet привѣтливо улыбнулась Зинѣ. Она ужь видѣлась съ нею до моего прихода.

— Eh, monsieur, mais j'ai déjà pensé à tout. Я сейчасъ сообразила; и, по счастью, мы можемъ хорошо устроить madame, конечно, если только она удовольствуется одною комнатой. Пойдемте, я покажу вамъ.

Зина поднялась, и мы пошли за madame Brochet.

Она дѣйствительно ужь обо всемъ подумала, потому что комната была прибрана, и даже на окнахъ появились бѣлоснѣжныя занавѣски.

— Ну вотъ, какъ тебѣ нравится? все также уныло спросилъ я Зину. — Если тебѣ неудобно здѣсь, возьми мои двѣ комнаты, а я перейду въ эту.

— Съ какой стати, тоже уныло отвѣчала Зина,— здѣсь отлично.

Черезъ полчаса ея вещи были перенесены, и она разбиралась. Я присутствовалъ при этой разборкѣ и помогалъ ей.

Вотъ она потребовала кипятку, вынула привезенный ею чай, налила себѣ и мнѣ и даже снесла чашку madame Brochet, приглашая ее попробовать du thé russe.

Комнатка была такая чистенькая, свѣтлая, съ блѣдно-зелеными обоями и изобиліемъ кисеи. Вечеръ чудесный, лунный; изъ окна виднѣлось озеро и далекіе, неясные силуэты горъ. Не разъ уже грезилось мнѣ все это; такая же свѣтлая комнатка, такой же лунный вечеръ, такое же озеро и горы; и Зина разбирающаяся послѣ дороги, и чашка душистаго чая; свиданье послѣ долгой разлуки; любовь, и свобода, и счастье. Вотъ эти грезы превратились въ дѣйствительность, вотъ все это предо мной. И разлука окончена, и Зина свободна и пріѣхала ко мнѣ для того, чтобы никогда отъ меня не уѣхать— любовь и счастье! Но мнѣ страшно, уныло теперь все это, и я избѣгаю смотрѣть на Зину. И она смотритъ такъ странно.

Вотъ она подсѣла ко мнѣ, обняла меня одною рукой, а другою машинально мѣшаетъ ложкой въ чашкѣ чая. Вотъ она говоритъ, говоритъ много, говоритъ все такія хорошія вещи. Она вспоминаетъ самыя лучшія, самыя свѣтлыя минуты нашей общей

жизни,—ихъ было мало, но все же онѣ были и она ихъ вспоминаетъ. Она обѣщаетъ мнѣ, что такихъ минутъ теперь будетъ много, и при этомъ страстно, горячо цѣлуетъ меня. Мнѣ душно, я задыхаюсь. Я говорю ей, что ужъ поздно, что она устала съ дороги, прощаюсь съ нею—и спѣшу отъ нея, весь въ лихорадкѣ, съ горящею головой, съ останавливающимися мыслями.

XX.

Я проснулся довольно поздно и въ первую минуту не могъ сообразить, что такое случилось со мною, — зналъ только что что-то очень страшное.

„Она его убила“, наконецъ мелькнуло въ головѣ моей. Или все это во снѣ?.. Какой вздоръ, какіе пустяки... онъ умеръ... Нужно удивляться какъ еще до сихъ прожилъ съ такою болѣзнью.

Я поспѣшно одѣлся и постучался въ дверь Зины. Она тоже была ужь совсѣмъ готова; мы вышли съ ней на воздухъ. Утро было свѣжее, — осеннее утро. Мы пошли въ bois de Sauvabelin. Деревья ужь пожелтѣли, покраснѣли и медленно осыпались; иныя были совсѣмъ красныя съ темнымъ отливомъ. Ночью шелъ дождь и теперь еще по небу неслись тучи, но вдали разъяснивало. Насъ охватывалъ осенній запахъ; подъ ногами нашими шелестѣли завядшіе листья. Мы пошли по дорогѣ къ озеру.

Я не разъ разсказывалъ Зинѣ объ этомъ моемъ любимомъ мѣстѣ. Я помню какъ она клялась мнѣ, тогда, до своей ужасной свадьбы, въ присутствіи мама, что рано или поздно будетъ здѣсь идти со мною: и вотъ она идетъ, а мы молчимъ, но молчимъ не отъ полноты чувства, а потому, что странно и не о чемъ говорить намъ. Еслибы Зина не заговорила, я бы кажется такъ и вернулся домой, не проронивъ ни слова. Но она внезапно оживилась, даже легкій румянецъ показался на щекахъ ея. Она начала усиленно восхищаться окружающимъ, вдыхать въ себя свѣжій, чистый воздухъ. Наконецъ она остановилась и пристально стала глядѣть на дальнія горы.

— Гдѣ же Монбланъ? покажи мнѣ! сказала она.

— Вонъ, смотри, тамъ лѣвѣй! Кстати теперь кругомъ ясно. Онъ хорошо виденъ.

Она повернула голову по направленію руки моей.

— Гдѣ? гдѣ? Вотъ это?

И вдругъ она задрожала, судорожно оперлась о плечо мое, и вся блѣдная взглянула на меня испуганными, страшно раскрытыми глазами.

— Это? задыхаясь повторила она. — Смотри, ты ничего не видишь? смотри, ты ничего не замѣчаешь? на что похожа эта гора, эта бѣлая вершина? Вѣдь это лицо, лицо... вѣдь это мертвецъ! Онъ лежитъ бѣлый, страшный!..

— А ты развѣ никогда не слыхала, отвѣтилъ я,— что вершина Монблана дѣйствительно похожа на лицо лежащаго человѣка.

Я сказалъ это спокойнымъ голосомъ, но въ то же время у меня холодѣла кровь въ жилахъ: „какъ она испугалась!“ Но она уже справилась съ собою. Мы пошли дальше.

Она довольно обстоятельно начала мнѣ разсказывать всѣ подробности происшествій этого послѣдняго времени. Наконецъ она произнесла имя Рамзаева, и снова мнѣ показалось, что дрогнула рука ея у моего локтя.

— Что жь, рѣшилась ты навсегда развязаться съ этимъ человѣкомъ?.. или можетъ-быть у васъ продолжаются общія дѣла? будешь получать отъ него письма?

— Ахъ, не говори мнѣ о немъ, не говори ради Бога! быстро перебила она. — Ради Бога не говори о немъ, я не хочу о немъ и думать, и конечно ничего общаго нѣтъ между нами!

Въ эту прогулку мы все окончательно рѣшили: мы проживемъ здѣсь мѣсяцъ, потомъ вернемся въ Россію. Зина окончитъ всѣ дѣла по наслѣдству отъ мужа, потомъ поѣдемъ опять путешествовать; гдѣ-нибудь въ Германіи или здѣсь, въ Женевѣ, обвѣнчаемся. Послѣдніе зимніе мѣсяцы и весну проведемъ въ Парижѣ, а лѣтомъ поѣдемъ въ деревню.

И опять такъ, какъ и вчера, хотя мы все рѣшили, но я ничему не вѣрилъ.

Прошло нѣсколько дней. Съ утра и до поздняго вечера мы не разлучались ни на минуту. Мы предпринимали большія прогулки въ коляскѣ и верхомъ.

на осликахъ, въ горы. Зина не только не капризничала, не мучила меня, но казалась совсѣмъ новымъ существомъ. Она была теперь какая-то тихая, робкая, никакого блеска не могъ замѣтить я въ глазахъ ея, на губахъ не появлялась прежняя страшная для меня усмѣшка.

Часто глядѣла она съ грустною нѣжностью. Она обращалась со мной такъ бережно, она вслушивалась въ каждое мое слово. Даже самыя ласки ея были не прежнія: она больше не жгла меня ими, она тихо брала меня за руку, тихо наклонялась ко мнѣ, какъ будто не смѣя поцѣловать меня, какъ-будто спрашивая меня, позволю ли я ей это. Въ ней было теперь что-то дѣтское, робкое.

Иногда, мгновеніями, я забывался; иногда мнѣ удавалось поймать это счастье, котораго такъ долго и такъ жадно искалъ я: но эти мгновенія быстро проходили и опять та же тоска давила меня, и опять стояла передо мной неразрѣшимая вѣчная загадка.

И Зина видѣла и понимала мое состояніе. Я часто подмѣчалъ что она пристально въ меня всматривается и потомъ задумывается, соображаетъ что-то. Она употребляла всѣ усилія прогнать тоску мою, заставить меня забыть все смущающее и тревожное. Вдругъ ея обращеніе со мной измѣнилось, ея робость и тихая нѣжность исчезли...

Послѣ долгой и тоскливой прогулки мы вернулись домой. Въ домикѣ madame Brochet все затихло. Было уже поздно, но мы не зажигали свѣчи и сидѣли облитые голубою мглой, теплымъ луннымъ свѣтомъ, врывавшимся въ окна.

— Ты меня не любишь, André, ты меня не любишь! вдругъ отчаяннымъ глухимъ голосомъ прошептала Зина, прижимаясь ко мнѣ и схватывая меня горячими, дрожащими руками.—Ты меня не любишь! —повторяла она,—а я, Боже мой, какъ люблю тебя!... Что же это такое Андрюша? Неужели теперь я обманулась... неужели ты измѣнился, и я ужь не нужна тебѣ?... Такъ скажи, говори... я не вынесу этого сомнѣнія.

Она все крѣпче и крѣпче жалась ко мнѣ, меня жгло ея дыханіе. Все забывалось... я видѣлъ только въ голубомъ туманѣ милое лицо ея, и оно казалось мнѣ не такимъ какимъ было въ эти послѣдніе годы, а прежнимъ, почти дѣтскимъ.

Мнѣ чудились длинныя, черныя косы, какъ она носила тогда, въ Москвѣ и въ Петровскомъ. Слышались сладкія слова ея перваго признанія, десять лѣтъ тому назадъ, въ такой же лунный вечеръ...

Я задыхался.

— Андрюша, если любишь меня, такъ вѣдь я — твоя... возьми меня! едва слышно прошептала Зина...

XXI.

Мы оставили проводника и нашихъ осликовъ въ тавернѣ и пошли бродить по извилистой горной тропинкѣ. Надъ ними поднимались скалы, а дальше, внизу, громадная понорама — съ одной стороны Женевское озеро, съ другой — селенія долины Арвы и Роны. Свѣжій вѣтеръ поднялся и гналъ облака, которыя клубились внизу у ногъ нашихъ.

Зина крѣпко опиралась на мою руку. Она была очень блѣдна, ея глаза совсѣмъ потухли. Мы все это утро обмѣнивались только незначительными фразами. Наконецъ я почувствовалъ, что больше никакъ не можетъ это продолжаться, что нужно наконецъ все кончить, но какъ кончить, что кончить, что нужно—я ничего не зналъ и мы долго шли молча, скоро, какъ будто спѣшили куда-нибудь къ опредѣленной цѣли. Вотъ опять поворотъ дорожки, вотъ

огромный камень, наклонившійся надъ пропастью, вотъ еще нѣсколько разбросанныхъ камней, на которыхъ кой-гдѣ вырѣзаны имена путешественниковъ, отдыхавшихъ здѣсь.

— Что это какъ я устала сегодня! проговорила Зина, оставляя мою руку и садясь на одинъ изъ камней.

Я остановился предъ нею. Она подняла на меня усталые, унылые, безжизненные глаза. Я зналъ что сейчасъ случится наконецъ то, что порветъ эту невыносимую жизнь послѣднихъ дней, которую даже страсть не могла скрасить.

— Зина, понимаешь ты что вѣдь нельзя жить такъ? наконецъ сказалъ я, опускаясь возлѣ нея на камень.

— Понимаю, робко и не глядя на меня, шепнула она.

— Что-жь это значитъ? Отчего это, отчего такая тоска, отчего, несмотря на все, мы такъ несчастливы?

— Я не знаю, еще болѣе робкимъ голосомъ и еще ниже опуская голову, проговорила она.

— Нѣтъ, ты знаешь, Зина, ты знаешь!

Я схватилъ ее за руки.

— Смотри на меня, смотри мнѣ въ глаза!

Она съ усиліемъ подняла глаза и все-таки не могла взглянуть на меня.

— Смотри на меня, отчаянно говорилъ я сжимая ея руки—отвѣчай мнѣ, ты его убила?

Она задрожала всѣмъ тѣломъ, она вырвала у меня свои руки и схватилась ими за голову.

Мнѣ показалось что скалы, висящія надъ нами, обрываются, мнѣ показалось, что земля уходитъ изъ-подъ ногъ нашихъ и что мы летимъ въ пропасть. Стонъ вырвался изъ груди моей, но я оставался неподвижнымъ.

Зина бросилась на мокрую траву къ ногамъ моимъ.

— André, выслушай меня—все же не я его убила! О, выслушай меня, да, нужно чтобы ты все зналъ.

Я думала что можно скрыть это, я думала нужно скрыть это, я думала что возможно счастье. Я не могла, я не смѣла, мнѣ казалось что я не имѣла права, не должна была говорить тебѣ, но теперь вижу что ошиблась. О, какое безуміе! какъ будто я не знала давно, всю жизнь, что скажу тебѣ все. Теперь значитъ пришелъ этотъ день, этотъ часъ, слушай же меня, слушай.

И я слушалъ, и я все не могъ пошевельнуться, и все мнѣ казалось что со всѣхъ сторонъ скалы летятъ на насъ и что мы ужъ задыхаемся подъ ними. И я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и не проронилъ ни одного звука, и каждый звукъ ударялъ въ меня какъ громадный камень.

— Не я его убила, слышалъ я страшный голосъ, —только нѣтъ, все равно, я... я, конечно! Зачѣмъ ты тогда уѣхалъ? Вѣдь я говорила тебѣ, что ты не знаешь для чего ѣдешь! Ты могъ еще спасти меня,

да, ты могъ... Вѣдь ужь все тогда было почти рѣшено, а ты ничего не понялъ, хоть и предчувствовалъ что-то страшное... Помнишь какъ я тебя мучила Рамзаевымъ, помнишь какъ ты боялся его за меня; ахъ, ты кажется ревновалъ его, ты не зналъ, что онъ мнѣ для другаго нуженъ. Онъ, этотъ дьяволъ, онъ все сдѣлалъ. Ты вѣдь не знаешь какъ часто я съ нимъ видѣлась. О, онъ меня понялъ, онъ зналъ какъ говорить со мною, онъ зналъ чего мнѣ было нужно... Вѣдь тѣ два года, что я прожила съ мужемъ въ деревнѣ, я совсѣмъ задыхалась, я сдѣлалась какъ помѣшанная. Ты и представить себѣ не можешь что такое это была за жизнь! Не разъ я порывалась убѣжать, но убѣжать было не легко. Ты не зналъ его, онъ былъ вовсе не такъ ужь мягокъ, какъ это казалось, онъ отлично забралъ меня въ руки. Знаешь ли ты, что незамѣтно для меня самой всѣ даже мои крошечныя средства оказались у него, и я сама ровно ничего не имѣла: мнѣ не съ чѣмъ было бѣжать. Какъ же бы я убѣжала, куда? Къ тебѣ, но я помыслить не могла объ этомъ, ты былъ для меня ужь не живымъ человѣкомъ, я мечтала иной разъ о тебѣ—и только... не понимаю до сихъ поръ, какъ потомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, рѣшилась я придти къ тебѣ... Тогда, выйдя за него, я думала что буду совершенно свободна; его громадное состояніе мнѣ представлялось ужь моимъ состояніемъ. А вдругъ онъ запуталъ меня, обернулъ такъ скоро, такъ неожиданно, что я и очнуться не могла и не сумѣла вырваться. Онъ только обѣщалъ мнѣ скоро умереть... сулилъ тогда полную свободу!..

Но онъ не умиралъ, а пойми же ты, что мнѣ нужна была воля... я вѣдь тысячу разъ тебѣ это повторяла...

„Теперь у нея есть воля--что жь она пришла ко мнѣ?“ мелькнула у меня и сейчасъ же прошла эта мысль. Я опять слушалъ и опять скалы давили меня.

— Что жь мнѣ оставалось, еслибъ я рѣшилась убѣжать отъ него? продолжала она.—Вѣдь мнѣ оставалось только явиться въ Петербургъ, показаться въ ложѣ и на другой день продать себя какому-нибудь другому старику и еще на худшихъ условіяхъ—мнѣ не того было нужно!.. Вотъ онъ наконецъ заболѣлъ. Я видѣла, что болѣзнь его серьезна. Ты знаешь все, что тогда было. Я ждала день за днемъ, недѣля за недѣлей, ты видѣлъ... ты видѣлъ, что онъ все поправлялся. Еслибы только зналъ ты какъ иногда я его ненавидѣла!.. А тутъ пришелъ тотъ дьяволъ и разсказалъ мнѣ все, что я думаю и чего я желаю... Конечно, онъ притворился въ меня влюбленнымъ. Онъ началъ увѣрять меня, что мнѣ стоитъ сказать ему одно только слово и онъ для меня на все готовъ: онъ сдѣлаетъ все, онъ пойдетъ на всякое преступленіе. Я сначала смотрѣла на это какъ на вздоръ, я забавлялась его словами, его глупою ролью...

— И ты мнѣ ничего не сказала! И ты могла слушать и его и меня? — не знаю выговорилъ ли я это вслухъ или только подумалъ, но все равно она отвѣтила:

— Я не прогнала его, я его слушала! И онъ добился того, что я стала слушать его все внимательнѣе. Онъ умѣлъ именно тогда являться, когда я была

особенно въ раздраженномъ состоянiи, когда я особенно не могла равнодушно глядѣть на мужа. Онъ являлся и пѣлъ все ту же пѣсню на разные лады, онъ видѣлъ и понималъ какъ я начинаю его слушать. Одного только онъ боялся—тебя... но ты самъ уѣхалъ! ты убѣжалъ и оставилъ меня ужь совсѣмъ въ рукахъ его... О, какъ все это невыносимо, какъ страшно вспоминать объ этомъ! Онъ какъ будто околдовалъ меня. Послѣ тебя онъ являлся все чаще и чаще: цѣлые дни проводилъ у насъ и все твердилъ, твердилъ одно и то же. И я сходила съ ума все больше и больше. Зачѣмъ, для чего я сказала ему, что между мной и тобой все кончено—не знаю; только я сказала... Вотъ наконецъ онъ увѣрился въ томъ, что если я соглашусь только, такъ буду совсѣмъ ужь въ рукахъ у него, и я согласилась... и мнѣ казалось, что я согласилась...

Ея голосъ оборвался, и она замолчала. Не знаю откуда взялъ я силы, но только я взглянулъ на нее. Я никогда не могъ себѣ представить ничего болѣе страшнаго, какъ лицо ея въ эти минуты. И между тѣмъ, на этомъ ужасномъ, преступномъ лицѣ въ то же самое время мелькала знакомая, жалкая дѣтская мина; и между тѣмъ, несмотря на весь мой ужасъ, на отвращенiе и ненависть, я чувствовалъ... съ невыносимымъ отчаянiемъ и позоромъ... я чувствовалъ, что мнѣ ее жалко.

— Я согласилась... начался опять ея невыносимый шепотъ;—я видѣла, что онъ поправляется, что онъ не умретъ этою зимой и ни за что меня отъ себя не отпуститъ. А я не могла больше выносить

его, я не могла безъ отвращенія, безъ отчаянія и дикой злобы войти въ его комнату. Дьяволъ былъ тутъ же,—онъ все зналъ; я при немъ громко думала. Сначала онъ все продолжалъ увѣрять меня въ любви своей, объяснять все любовью. Онъ все говорилъ: „скажите одно слово—и черезъ нѣсколько дней вы свободны, и я пойду за вами куда хотите, я удовлетворю всѣмъ вашимъ желаніямъ, ваша воля будетъ закономъ!..“ Но я могла только хохотать на эти безумныя слова: онъ хотѣлъ освободить меня для того чтобы закабалить снова!.. Наконецъ онъ увидѣлъ, что этимъ ничего не возьметъ и вотъ тогда-то онъ высказался. Онъ снова повторилъ: „шепните только—и я возьму все на себя“. Но для того чтобы все взять на себя ему ужь теперь не нужно было моей любви, ему не нужно было идти за мной, чтобъ исполнять всѣ мои капризы; ему нужно было только половину состоянія мужа, и не знаю, онъ можетъ-быть думалъ, что потомъ все рáвно заберетъ меня въ руки, запугаетъ, что я изъ страха буду связана съ нимъ на вѣки... И я опять его слушала... опять слушала еще внимательнѣе и наконецъ сказала это слово!.. то-есть нѣтъ, я не сказала его, но онъ понялъ—это было все равно, что я и сказала, и онъ сдѣлалъ... Я все видѣла; все знала и молчала. Я знаю когда, въ какую минуту все это было; я ужаснулась, я хотѣла было все уничтожить, но взглянула на него—на старика... Еслибы ты видѣлъ какое у него было тогда лицо, еслибы ты видѣлъ какъ онъ тогда смотрѣлъ на меня... ничего не осталось во мнѣ кромѣ отвращенія... и я не шевельнулась. И вотъ потомъ, потомъ, цѣлыхъ два дня я

была возлѣ него, я смотрѣла, я слышала какъ онъ стонетъ, я знала почему онъ стонетъ, я знала чѣмъ это кончится и я все молчала. И дьяволъ былъ тутъ же, и дьяволъ все видѣлъ и все слышалъ... Ахъ, какіе были эти два дня!

— И никто ничего не узналъ, никто не догадался? вырвалось у меня, хоть я конечно не могъ объ этомъ думать теперь и не могъ этимъ интересоваться.

— Никто ничего не узналъ. Какъ было догадаться? Ты помнишь мнѣніе доктора, вѣдь онъ говорилъ, что это можетъ случиться вдругъ, очень быстро. Тотъ все отлично устроилъ, такъ что меня ничѣмъ не тревожили—хлопоталъ, вертѣлся, все такъ быстро обдѣлалъ. Когда все кончилось, онъ ужь совсѣмъ не отходилъ отъ меня, не отпускалъ меня, слѣдовалъ за мной по пятамъ, говорилъ... о, что онъ такое говорилъ!.. И знаешь ли, что была минута когда я подумала, что такъ оно и будетъ, что я теперь съ нимъ связана, что мы теперь одно и пойдемъ вмѣстѣ. Но это была только минута. Я поняла наконецъ все, я поняла весь этотъ ужасъ, я поняла что такое сдѣлала, и вотъ тогда-то я тебя увидала. Ты явился мнѣ снова; я рѣшилась бѣжать къ тебѣ за смертью... И вотъ, когда я сюда ѣхала, я все думала, думала, и мнѣ снова стало казаться, что можетъ-быть и не смерть, что можетъ все забыться, что можетъ быть возможно и наше счастье, что легко мнѣ будетъ обмануть тебя, что я всею жизнью, каждымъ мгновеніемъ выкуплю все это. Я пріѣхала и стала тебя обманывать, но, ты знаешь,

не обманула. Кончай же скорѣе! Вотъ я... тутъ... я не шевельнусъ! Что-жь мнѣ дѣлать! Я въ твоей волѣ...

Она замолчала, она наклонилась ко мнѣ, подняла на меня глаза полные слезъ, скрестила на груди руки. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее—это была воплощенная Магдалина. Но, Боже мой, вѣдь это она призналась, вѣдь это она говорила, это ужь не сонъ! Развѣ это можетъ быть смыто и уничтожено? И я все глядѣлъ на нее, и вдругъ мнѣ начало казаться что-то новое... мой ужасъ, мое отвращеніе проходили... Куда же она пойдетъ теперь? Если я ее оставлю, ей идти некуда... Я глядѣлъ на нее и теперь-то я ужь не могъ обмануться, теперь-то я читалъ въ душѣ ея: вся душа выражалась у нея на лицѣ. Это лицо не могло лгать, эти глаза не могли лгать, и я видѣлъ какъ съ каждою секундой спадаетъ и исчезаетъ весь мракъ, весь ужасъ, остается только одна тоска, одно страданье, одно раскаяніе. Она пришла ко мнѣ за смертью! Но развѣ возможна теперь смерть? Теперь нужна жизнь больше чѣмъ когда-либо, и теперь придетъ истинное возрожденіе.

— О, какое страшное нужно было испытаніе для того чтобы вырвать тебя изъ мрака! вдругъ зарыдалъ я, простирая къ ней руки. — Но все же ты вырвана! Не за смертью пришла ты ко мнѣ... живи. Будемъ жить для того чтобы жизнью своею искупить все это прошлое... все пройдетъ, все очистится, все простится,—живи!

Какъ будто лучъ яркаго свѣта зажегся мгновенно въ лицѣ ея, какъ будто чистая душа засвѣтилась

въ немъ и она, живое воплощеніе сновъ моихъ, съ громкимъ благодатнымъ рыданіемъ кинулась къ ногамъ моимъ. Я самъ склонился надъ нею, и мы оба рыдали; но скалы ужь не давили насъ, а разступались предъ нами. Туманъ расходился, облака таяли, надъ снѣгами горныхъ вершинъ проглянуло солнце.

XXII.

Я обѣщалъ ей искупленіе и новую жизнь, я страстно повѣрилъ въ возможность этого. Нѣсколько часовъ продолжался мой порывъ, мое лихорадочное возбужденіе; но уже въ тотъ же вечеръ я почувствовалъ, что тяжесть послѣдняго времени вовсе не спала съ меня, что мучительное признаніе Зины не спасло ни ее, ни меня...

О, какіе страшные дни потянулись! Никогда еще во всю жизнь мою, въ самыя невыносимыя минуты, не бывало на душѣ у меня такого ужаса! Сначала мною овладѣло безпокойство. Мнѣ вдругъ начало казаться, что я не одинъ съ Зиной, что между нами постоянно есть кто-то, или вѣрнѣе что-то чужое, лишнее и отвратительное. И это что-то постепенно стало окружать меня со всѣхъ сторонъ, давить. Мое безпокойство возрастало съ каждымъ часомъ. Ночью иногда мнѣ удавалось заснуть; но и во снѣ мель-

калъ отвратительный призракъ. Наконецъ паническій страхъ охватилъ меня, я не смѣлъ оставаться одинъ, не смѣлъ оглянуться. Я жался къ Зинѣ, не покидалъ ее ни на минуту.

Но я не хотѣлъ и не могъ говорить ей о своемъ состояніи, я не долженъ былъ пугать ее, — вѣдь я обѣщалъ ей возрожденіе, она ждетъ его отъ меня!.. Она мнѣ шепчетъ:

— Веди меня, теперь я всюду пойду за тобой... спаси меня! Я не могу такъ жить... я задыхаюсь... я знаю, что всею жизнью нужно смыть этотъ ужасъ... такъ скорѣе же, скорѣе говори мнѣ, что нужно дѣлать!? Чѣмъ труднѣе, чѣмъ невозможнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ я буду спокойнѣе...

Я не зналъ куда вести ее и что указать ей.

Я говорилъ ей о честной жизни, о добрѣ и пользѣ, и самъ понималъ что говорю совсѣмъ не то, и самъ не вѣрилъ въ слова свои. Я разсказывалъ ей о грёзахъ, о волшебныхъ снахъ моей юности, о томъ какою являлась она мнѣ тогда, о счастьи, которое она съ собою приносила. Но я видѣлъ, что ничего не умѣю передать ей, что она меня не понимаетъ. Да и для меня самого эти старые сны теперь вдругъ потеряли свое прежнее значеніе, поблѣднѣли, расплылись. Я не могъ ужь поймать ихъ главнаго смысла— онъ ускользалъ отъ меня...

Бывали минуты когда я, безсильный и совсѣмъ измученный, хотѣлъ бѣжать куда-то дальше, какъ можно дальше, на край свѣта; но сейчасъ же и соображалъ что тоска и страхъ, и отвратительный призракъ будутъ всегда и вездѣ стоять между мною и Зиной. А бѣжать безъ нея, бѣжать отъ нея я не

могъ; я попрежнему, даже еще больше, еще безумнѣе любилъ ее. Только тогда, въ началѣ ея признанія, она представилась мнѣ страшною и преступною. Потомъ же я ни на минуту не винилъ ея, не связывалъ съ нею ничего ужаснаго. Она была мнѣ жалка: и чѣмъ больше я чувствовалъ свое безсиліе помочь ей, тѣмъ дороже и дороже она мнѣ становилась.

Мы доживали послѣдніе дни въ Лозаннѣ. По настоянію Зины, я началъ ея портретъ, и въ этой работѣ кое-какъ убивалось время.

Пришло письмо отъ мама. Я всегда такъ радовался этимъ письмамъ; но теперь прочелъ машинально и сейчасъ же забылъ что такое она мнѣ пишетъ.

Зина почти каждый день получала дѣловыя письма, и мы всегда вмѣстѣ ихъ читали. Почтальйонъ обыкновенно приносилъ ихъ утромъ и отдавалъ ей прямо въ руки. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда я самъ видѣлъ какъ онъ принесъ и передалъ ей три письма... и вдругъ у нея ихъ оказалось только два.

— Право, у тебя въ рукахъ три письма было, сказалъ я,—уже не получила ли ты письмо отъ Рамзаева... такъ покажи мнѣ!

— Вотъ все что я получила, спокойно отвѣтила мнѣ Зина, протягивая два письма.

Этотъ разговоръ такъ и кончился между нами. Не могъ же я въ самомъ дѣлѣ заподозрить, что она что-нибудь отъ меня скрываетъ. Значитъ мнѣ просто показалось.

Прошло еще три дня. Зина объявила мнѣ, что съѣздитъ въ Женеву купить передъ дорогой необходимыя вещи. Я конечно предложилъ проводить ее, но она отказалась, очень спокойно доказавъ, что мнѣ не мѣшаетъ остаться дома и поработать надъ портретомъ, иначе онъ не будетъ готовъ къ нашему отъѣзду.

Я остался.

Она уѣхала рано утромъ. Проводивъ ее до парохода, я принялся за работу.

Прошелъ часъ; я усиленно работалъ, и вдругъ мнѣ стало какъ-то тяжело и неловко. Я старался успокоиться и уйти въ свою работу, но это мнѣ не удавалось. Напротивъ, тоска давила меня больше и больше. Я не зналъ что дѣлать съ собой. Я ни въ чемъ не могъ подозрѣвать Зину, а между тѣмъ мнѣ казалось, что у меня безсознательно явились какія-то подозрѣнія; словомъ, я просто не зналъ что со мною, только видѣлъ что долженъ что-то сдѣлать.

Я одѣлся и отправился въ Женеву. Она мнѣ сказала что можетъ-быть запоздаетъ въ городѣ, что вернется послѣ обѣда, и что въ такомъ случаѣ будетъ обѣдать въ Hôtel Métropole. Прямо туда я и поѣхалъ, но ея не засталъ. Впрочемъ времени еще достаточно, обѣдаютъ черезъ часъ. Искать ее по магазинамъ невозможно, я вернусь сюда черезъ часъ: она навѣрное здѣсь будетъ.

Я пошелъ по набережной, вошелъ въ садъ и сталъ бродить тамъ по прежнему смущенный и волнующійся. Погода въ этотъ день стояла прекрасная, но все же въ саду было очень пусто. Я повернулъ за уголъ

одной дорожки и остановился: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на скамейкѣ, сидѣла Зина съ какимъ-то человѣкомъ. Съ какимъ-то!.. нѣтъ, я сразу его узналъ: это былъ Рамзаевъ.

Сначала я не повѣрилъ глазамъ своимъ, я не пошевельнулся, чувствовалъ только какъ внутри у меня все холодѣетъ. Ни отчаянія, ни злобы, ничего не было: мнѣ кажется, я тогда ничего не чувствовалъ, ни о чемъ не думалъ. Я только машинально повернулъ назадъ и тихо, тихо сталъ огибать дорожку. Какъ-то безсознательно соображалъ я, что можно такъ обойти и такъ къ нимъ приблизиться, что они не будутъ меня видѣть, а я буду ихъ слышать: за скамейкой гдѣ они сидѣли, были густые кусты, еще не совсѣмъ осыпавшіеся, а за этими кустами что-то въ родѣ бесѣдки. Тамъ есть тоже скамейка, и оттуда будетъ слышно все... Тихо, едва переводя дыханіе, забрался я въ бесѣдку, сѣлъ на скамью и сталъ слушать.

Я не обманулся. Вотъ... вотъ слышу я голосъ Зины, не могу только разслышать, что говоритъ она. Но сейчасъ все буду слышать... вотъ теперь говоритъ онъ. И даже при звукѣ этого отвратительнаго голоса я не вздрогнулъ, я остался такимъ же спокойнымъ, я только внимательно, всѣмъ существомъ своимъ слушалъ.

— Да вѣдь вы себя обманываете, говорилъ онъ,— и я, право, удивляюсь вамъ: это какой-то новый капризъ, но онъ пройдетъ такъ же скоро какъ и все, и тогда увидите, что будетъ еще хуже. Вѣдь я хорошо его знаю: ну развѣ онъ — этотъ фантазеръ,

мечтатель,—развѣ можетъ онъ наполнить жизнь вашу? Развѣ то вамъ было нужно, и для того вы освободились?

— Прошу васъ, тихо перебила его Зина,—не говорить объ André; я сама знаю что дѣлаю, и не вамъ вмѣшиваться въ мою жизнь. Если я согласилась встрѣтиться съ вами и если я васъ слушаю, то это только по необходимости.

— Я ни во что не вмѣшиваюсь и кажется ничего дурного не говорю про него, опять раздался отвратительный, вкрадчивый голосъ,—но согласитесь что я имѣю право высказать вамъ свои мысли, тѣмъ болѣе, что вы меня до такой степени удивили, что я едва могу придти въ себя. Вамъ вольно сейчасъ же перестать слушать, встать и уйти отсюда, но я все-таки же вамъ повторяю что эта новая ваша жизнь, какъ вы говорите, не будетъ продолжительна. Господи Боже мой, вы—и André! Вы не могли вынести неволи, деспотизма старика, ну а деспотизмъ André посильнѣе! Черезъ мѣсяцъ какой-нибудь вы не будете знать сами куда дѣваться: онъ станетъ вамъ навязывать свои мысли, будетъ заставлять васъ восхищаться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ можетъ восхищаться; преклоняясь передъ вами и называя васъ богиней, сдѣлаетъ васъ рабой своею... Помню, вы говорили когда-то о какой-то необычайной, неземной любви къ вамъ! Знаете ли, подъ отличными словами все скрыть можно... Какая такая неземная любовь—просто высшая степень эгоизма! Не для васъ, а для себя онъ васъ любитъ, и попробуйте, докажите мнѣ что я не правъ въ этомъ!.. это очень легко сдѣлать: вамъ стоитъ только заявить ему, о какомъ-нибудь

своемъ собственномъ желаніи, о чемъ-нибудь такомъ, что будетъ не по немъ, вамъ стоитъ погладить его противъ шерсти, ну тогда и увидите какъ онъ васъ любитъ! Тогда и конецъ всей этой неземной вашей жизни!

Рамзаевъ засмѣялся... а она молчала и слушала.

Тихо поднялся я со скамейки, вышелъ изъ сада и, не заходя въ Métropole, поѣхалъ домой.

XXIII.

Соображать и думать я долго не могъ, но наконецъ вышелъ изъ своего страннаго состоянія. Madame Brochet спросила меня, гдѣ я былъ; я сказалъ что я ходилъ въ горы.

Оставшись одинъ у себя, я все началъ приводить въ ясность. „Тогда она получила письмо, это письмо было отъ него, она спокойно притворилась, солгала, все отъ меня скрыла. Въ этомъ письмѣ, конечно, онъ извѣщалъ ее о своемъ пріѣздѣ: не случайно же они встрѣтились въ Женевѣ! Она, уговоривъ меня остаться дома, отправилась на свиданіе съ нимъ. Изъ того что я слышалъ, было ясно, какова была цѣль этого свиданія съ его стороны. Но съ ея стороны что же? Она его боится. Да, это возможно. Она сказала, что слушаетъ его только по необходимости, но она его слушала, и зачѣмъ это она все отъ меня скрыла? Что въ этомъ заключается? Ужас-

ное что-нибудь, смерть наша, или нѣтъ еще? Можетъ-быть что нѣтъ, и это нужно рѣшить непремѣнно! Она могла все скрыть отъ меня, изъ простаго, понятнаго чувства любви ко мнѣ, она имѣла право не хотѣть впутывать меня въ это дѣло. Можетъ-быть она боялась за нашу встрѣчу; да, конечно, она должна была бояться этой встрѣчи. Можетъ-быть она хорошо даже сдѣлала, что все отъ меня скрыла. Я ничего не слышалъ дурного отъ нея сегодня въ саду, въ Женевѣ"...

Все-таки же ничего не рѣшается. Нужно выждать, вотъ она пріѣдетъ...

Она пріѣхала часа черезъ три послѣ меня. Она сейчасъ же вошла ко мнѣ, спросила что я дѣлалъ.

— Madame Brochet сказала мнѣ, что ты гулялъ долго очень; гдѣ ты былъ?

— Я былъ въ горахъ. Вышелъ пройтись, да напалъ на прелестный пейзажъ и не могъ удержаться...

Я показалъ ей одинъ изъ моихъ эскизовъ, который она не видѣла еще и который теперь я нарочно выложилъ.

Изъ ея словъ, изъ ея тона, изо всего наконецъ, я хорошо понялъ что она не подозрѣваетъ о моей поѣздкѣ въ Женеву. Значитъ, она не была въ Métropole, иначе тамъ бы ей сказали что я ее спрашивалъ. Теперь посмотримъ, что она будетъ говорить?

— А ты что такъ долго дѣлала въ Женевѣ? спросилъ я.

— А вотъ пойдемъ ко мнѣ, я покажу тебѣ всѣ мои покупки. Все кончила довольно рано, хотѣла было вернуться, но опоздала къ пароходу...

— Гдѣ же ты обѣдала?

— Не въ Métropole, а въ Hôtel de la Balance. Это было мнѣ по дорогѣ и тамъ очень недурно готовятъ.

— Никого ты не видала въ Женевѣ?

— Кого же мнѣ видѣть? никого не видала.

Она увела меня въ свою комнату и стала показывать покупки, потомъ сѣла на диванъ рядомъ со мною, положила мнѣ на плечо руку, какъ обыкновенно это дѣлала, и задумалась о чемъ-то.

— А знаешь ли, Зина, что я очень безъ тебя тревожился, сказалъ я. — Мнѣ вдругъ приснился на яву страшный сонъ: мнѣ вдругъ приснилось что ты отъ кого-то получила письмо, помнишь тогда, когда я у тебя спрашивалъ, и скрыла отъ меня это письмо, что ты можетъ быть съ кѣмъ нибудь видѣлась и скрываешь отъ меня это.

Это было уже такъ ясно и такъ грубо. Что она отвѣтитъ?

Она засмѣялась, засмѣялась откровеннымъ, громкимъ смѣхомъ.

— Какіе ты вздоры болтаешь! сквозь смѣхъ проговорила она;—вѣдь не хочешь же ты чтобъ я тебя заподозрила въ ревности?

— Но ты знаешь, что одна мысль о томъ, что можетъ быть когда нибудь ты въ состояніи что либо скрыть отъ меня, можетъ меня измучить. Скажи мнѣ, можешь ли ты что нибудь скрыть отъ меня?

Она тихо покачала головой.

— Теперь отъ тебя скрывать,—съ какой же стати?

Больше говорить спокойно я ужь не могъ и поэтому долженъ былъ остановиться. Она давно бы

должна была мнѣ все разсказать послѣ моихъ словъ; если же не разсказала, если продолжаетъ такъ упорно и хладнокровно скрывать, значитъ рѣшилась скрыть во что бы то ни стало. Теперь весь вопросъ въ томъ, зачѣмъ ей такъ необходимо скрывать отъ меня: ради ли меня или тутъ что нибудь ужасное?

Я пристально, внимательно смотрѣлъ на нее и мало по малу начиналъ приходить къ убѣжденію что все это дѣлаетъ она для меня, что только поэтому она можетъ такъ спокойно притворяться. Теперь было бы слишкомъ безумно заподазривать ее и не вѣрить ей. Теперь не вѣрить ей, что-жь бы тогда было? Подожду еще, можетъ быть въ концѣ концовъ она мнѣ все сама разскажетъ, и я самъ какъ нибудь окончательно рѣшу все это.

На другое утро я и рѣшилъ окончательно: я успокоился на той мысли, что Зина имѣла право скрывать отъ меня свою встрѣчу съ Рамзаевымъ.. Теперь я буду знать, увидится ли она еще разъ съ нимъ; конечно не увидится, конечно, отдѣлавшись отъ него, то-есть заплативъ ему, она никогда его больше не увидитъ. А что на его дьявольскія слова она не можетъ поддаться, объ этомъ теперь мнѣ было бы смѣшно заботиться. Развѣ я недостаточно зналъ ее— новую, развѣ я могъ не вѣрить любви ея?

Черезъ два дня мы должны были ѣхать и рѣшили что предъ отъѣздомъ непремѣнно отправимся въ горы... Этотъ день весь въ мельчайшихъ подробностяхъ сохранился у меня въ памяти. Можетъ-быть это былъ послѣдній ясный и теплый осенній день. Я, какъ сейчасъ помню, сидѣлъ предъ своимъ столомъ и дописывалъ письмо къ мама. Я сидѣлъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ гдѣ пишу теперь, и Зина вошла тихонько и я замѣтилъ, что она вошла только тогда когда она ужь положила мнѣ на плечо свою руку. Я обернулся; она совсѣмъ была готова: вотъ предо мною ея фигура въ черномъ платьѣ, я вижу склоненное надо мною лицо ея, упавшій и касающійся моей щеки локонъ. Она пришла за мною, и мы отправились. По обыкновенію, оставили мы у знакомой таверны нашихъ осликовъ и пошли по извилистой, знакомой намъ тропинкѣ.

Мы остановились и долго молча смотрѣли вокругъ, въ послѣдній разъ любовались огромною панорамой, бывшею предъ нами.

— Вѣдь мы вернемся сюда, не правда ли, сказала мнѣ Зина. — Знаешь, все это мѣсто, всѣ эти горы, все это мнѣ теперь родное, какъ будто я родилась здѣсь и выросла; пусть же это будетъ *нашимъ мѣстомъ*.

— Да, конечно мы должны сюда возвращаться, отвѣтилъ я, и вдругъ мнѣ ужасно захотѣлось опять, чтобъ она мнѣ все разсказала про встрѣчу съ Рамзаевымъ, хоть я ужь рѣшилъ, что она имѣла право умалчивать и что она для меня это дѣлала. Нако-

нецъ мнѣ самому захотѣлось сказать ей, что я все знаю, но что-то меня удерживало.

Къ тому же и нельзя теперь было: она говорила о томъ какъ мы поѣдемъ въ деревню къ нашимъ и спрашивала меня, хорошо ли отнесется къ ней мама, сказала что этотъ вопросъ ее очень сталъ тревожить въ послѣднее время.

— Напрасно, отвѣтилъ я, развѣ ты не знаешь мама; вотъ ужъ объ этомъ-то нечего безпокоиться! Она сразу, взглянувъ на насъ, увидитъ что ты меня любишь... А вѣдь она увидитъ это? Да, Зина?..

— Зачѣмъ ты говоришь такъ? Зачѣмъ ты какъ будто спросилъ меня? перебила Зина. — Развѣ ты теперь еще можешь во мнѣ сомнѣваться?

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь, но скажи мнѣ правду, думаешь ли ты, что тебѣ всегда будетъ достаточно меня одного, что всѣ твои старые капризы никогда больше не вернутся?

Она съ изумленіемъ на меня взглянула.

— Я не понимаю, сказала она,—о чемъ ты меня спрашиваешь, не понимаю какъ могутъ придти тебѣ въ голову такіе вопросы!.. И это очень нехорошо что они тебѣ приходятъ. Или мы не оставили здѣсь всего стараго?... Я думала что оставили.

— Да, это глупо конечно, прости меня, я не знаю зачѣмъ сказалъ это!..

Я самъ ужаснулся своему вопросу.

— Конечно, мнѣ всегда будетъ довольно жизни съ тобою, вдругъ сказала Зина, — но ужъ если мы

говоримъ объ этомъ, скажи мнѣ: что бы ты сдѣлалъ еслибы вдругъ мнѣ пришла какая-нибудь фантазія, неужели ты возмутился бы этимъ?

— Какая фантазія? растерянно спросилъ я.

— Такъ, какой-нибудь вздоръ, то что прежде тебя такъ возмущало...

— Такъ ты думаешь, что фантазія можетъ придти?

— Почемъ знать! Фантазія можетъ придти, но она не можетъ помѣшать мнѣ любить тебя.

„Фантазія можетъ придти!"

Я съ ужасомъ взглянулъ на нее: она смотрѣла на меня и улыбалась, не такъ какъ все это время, улыбалась какъ-то странно.

— Зина, послушай, ты получила письмо отъ Рамзаева, ты отправилась въ Женеву для того, чтобы съ нимъ видѣться. Ты съ нимъ видѣлась: отвѣчай мнѣ, правда ли это?

— Какой вздоръ, какой вздоръ! захохотала она.

— Зина, я самъ былъ въ Женевѣ, я самъ былъ въ саду, я слышалъ вашъ разговоръ.

Она вздрогнула, поблѣднѣла, что-то злое блеснуло въ глазахъ ея, ея губы сжались въ знакомую мнѣ усмѣшку.

— А, такъ ты подсматриваешь за мной! шепнула она—ну такъ и подсматривай!

— Зина, сейчасъ же разскажи мнѣ все; зачѣмъ ты отъ меня скрывала, зачѣмъ все это было нужно?

Сейчасъ же скажи! Ты теперь видишь, что это необходимо, что безъ этого всему конецъ!..

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ меня къ самому краю обрыва и смѣясь, и все злѣе и злѣе смотря на меня, проговорила:

— Ты слишкомъ многаго хочешь, André; ты меня хочешь сдѣлать своею рабой, а я на это не способна!

„Вѣдь это его слова, его слова!“ съ отвращеніемъ мелькнуло въ головѣ моей.

— Хорошо, теперь я тебѣ скажу все, продолжала опа.—Конечно, я могла бы избѣгнуть свиданія съ Рамзаевымъ, я могла бы ограничиться простою запиской; но меня что-то тянуло увидаться съ нимъ... для меня было что-то завлекательное и интересное въ этомъ свиданіи... именно теперь... теперь! понимаешь?.. И это свиданіе доставило мнѣ удовольствіе, и я рада была скрывать все отъ тебя... Да, мнѣ было пріятно все скрывать отъ тебя... Вотъ я тебѣ всю правду сказала!..

Она улыбалась, глаза ея дико блестѣли, видимая дрожь пробѣжала по ней.

Я съ ужасомъ глядѣлъ на нее, я видѣлъ, что предо мной опять прежнее страшное существо. Я понялъ и ужь теперь въ послѣдній разъ и окончательно, что она неизмѣнна.

Отчаяніе, злоба, безуміе охватили меня, я кинулся къ ней, крѣпко схватилъ ее за плечи...

Она стояла у самаго обрыва. Она слабо вскрикнула, но не шевельнулась. Вдругъ я увидѣлъ въ лицѣ ея совсѣмъ испуганное и покорное выраженіе.

Я очнулся, я оттолкнулъ ее отъ обрыва, оставилъ и бросился бѣжать, спотыкаясь на каждомъ шагу, дрожа всѣмъ тѣломъ, будто цѣлый адъ гнался за мной.

XXIV.

Я бродилъ по горамъ, въ полномъ почти забытьи, весь день и всю ночь. Вернулся домой только утромъ, не чувствуя ни усталости, ни голоду.

Старуха Brochet, попавшаяся мнѣ у крыльца, какъ-то боязливо взглянула на меня и тихо сказала: „Madame est déjà partie“.

— Je le sais, спокойно отвѣтилъ я и прошелъ въ свои комнаты.

Да, я не смутился этимъ извѣстіемъ, я уже зналъ, что ея не увижу, что она теперь въ Женевѣ, съ Рамзаевымъ, если онъ еще не уѣхалъ.

На столѣ меня дожидалось письмо.

Вотъ что она мнѣ писала: „Прощай, André, и теперь ужь навсегда. Вѣдь такъ должно было кончиться... Я всю жизнь была виновата предъ тобою;

да! но и теперь, совсѣмъ уходя отъ тебя, хочу сказать тебѣ, что еслибы ты былъ другимъ человѣкомъ, то могло быть иначе. Послушай, я пришла къ тебѣ за рѣшеніемъ своей участи. Ты самъ увѣрялъ меня, что возможна жизнь, ты обѣщалъ возродить меня. Я тебѣ повѣрила, — но что же ты со мной сдѣлалъ? что далъ мнѣ въ замѣнъ того мрака, который въ душѣ моей? Я готова была на все, — на великіе труды и подвиги: можетъ-быть у меня и хватило бы на нихъ силы, еслибъ я чувствовала крѣпкую, поддерживающую меня руку. Но ты даже не могъ указать мнѣ этихъ трудовъ и подвиговъ. Ты только мучился и дрожалъ отъ страху; развѣ я этого не видѣла! Да, ты всегда хотѣлъ спасать меня, а тебя самого спасать было нужно! Ну вотъ мы и не спасли другъ друга. Я сегодня надѣялась на послѣднее, я думала, что ты хоть убьешь меня; столкнешь съ обрыва въ пропасть. Я говорю серьезно, я не стала бы бороться съ тобою, я ждала смерти... Но даже и это было тебѣ не по силамъ; ты оставилъ меня жить. И я буду жить, но ты ужь не приходи возмущаться моею жизнью и спасать меня! Не приходи, потому что теперь мнѣ еще тебя жалко, а тогда я буду только смѣяться надъ тобою...“

Это было полгода тому назадъ. Шесть мѣсяцевъ я прожилъ, скитаясь по Европѣ, переѣзжая изъ города въ городъ. Я не въ силахъ выразить словами всю пытку этой жизни. Я уже ничего не ждалъ и

ни на что не надѣялся. Я зналъ, что мнѣ ужь не подняться. Я не въ силахъ былъ даже вернуться въ Россію, къ матери. А она такъ звала меня, такъ умоляла. Я читалъ ея письма, залитыя слезами, отъ которыхъ такъ и дышало любовью и мученіемъ, читалъ и оставался равнодушнымъ. Наконецъ она должно-быть поняла, что я совсѣмъ гибну, она рвалась ко мнѣ; но до весны ей невозможно было выѣхать изъ деревни. Я обѣщалъ вернуться и пересталъ даже о ней думать; я ни о чемъ не думалъ...

Между тѣмъ я былъ въ постоянномъ движеніи, къ концу зимы переѣхалъ въ Парижъ и всюду бродилъ съ утра до поздней ночи. Ежедневно посѣщалъ театры, всѣ публичныя мѣста, толкался въ толпѣ по разнымъ café и другимъ парижскимъ притонамъ.

Три недѣли тому назадъ я забрелъ на одинъ изъ тѣхъ баловъ, гдѣ сбираются кокотки высшаго полета, прожигающая свою жизнь молодежь и праздные путешественники.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, газъ слѣпилъ глаза, просторныя залы сверкали своею мишурною роскошью. Подъ разнузданные звуки шансонетной музыки гудѣла пестрая толпа, мелькали безстыдно обнаженныя женщины. Къ раздражающему, приторному запаху крѣпкихъ духовъ то тамъ, то здѣсь уже примѣшивался винный запахъ. Всякія приличія забывались, никто не стѣснялся, цинизмъ и развратъ снимали маску...

— Tiens! elle n'est pas mal! .

— Elle a du chien, cette princesse russe!.. вдругъ раздалось возлѣ меня нѣсколько голосовъ.

Я оглянулся и увидѣлъ высокую, стройную женщину. Она шла подъ руку съ какимъ-то красивымъ юношей. Предо мною мелькнули круглыя, бѣлыя плечи, высокая грудь, едва скрываемая короткимъ корсажемъ, голыя руки въ сверкающихъ бриллiантами браслетахъ. Она громко смѣялась и почти лежала на плечѣ своего кавалера.

Едва сдавливая отчаянный крикъ, готовый вырваться изъ груди моей, я отшатнулся, я хотѣлъ скрыться въ толпѣ. Но она шла прямо на меня, и вотъ ея черные, неподвижные глаза встрѣтились съ моими. Она перестала смѣяться.

— Здравствуй, Андрюша! громко сказала она и, обезумѣвшiй, прикованный къ мѣсту, я почувствовалъ прикосновенiе руки ея.

— Вотъ гдѣ встрѣтились! ну, я рада тебя видѣть!.. C'est mon cousin, un brave garçon! обратилась она къ окружавшимъ ее мужчинамъ.

Я молча глядѣлъ на нее, не могъ оторвать отъ нея взгляда, не могъ пошевельнуться. Я видѣлъ неестественный блескъ ея глазъ, я слышалъ ея слишкомъ громкiй, какъ-то обрывающiйся голосъ...

— Что ты такъ дико на меня смотришь?... эти господа сегодня меня совсѣмъ напоили, такъ что даже все ужь двоится предо мною... Я кучу, Андрюша!.. Приходи завтра ко мнѣ въ Grand Hôtel, сегодня не могу... сегодня я съ нимъ...

Она совсѣмъ положила голову на плечо красиваго юноши и страшно улыбнувшись мнѣ, прошла мимо.

Я все стоялъ неподвижно. Изъ толпы на меня спокойно глядѣли зеленые глаза Рамзаева.

На другое утро я уѣхалъ сюда, въ Лозанну.

Я вспомнилъ и будто пережилъ снова всю мою жизнь. Я зналъ, что это необходимо для того, чтобы понять все, что до сихъ поръ было для меня непонятнымъ, чтобъ избавиться отъ всякихъ колебанiй въ послѣднюю минуту.

И я все понялъ. Онѣ обѣ были правы — и мама, и Зина. Нельзя жить человѣку, когда у него нѣтъ никакой помощи и поддержки ни на землѣ, ни на небѣ. Нельзя спасать другихъ, когда самъ нуждаешься въ спасенiи. Еще недавно я считалъ себя мученикомъ, я упрекалъ судьбу въ несправедливости; теперь я самъ себѣ гадокъ...

Скорѣй же!... минута пришла... все готово . .

Мама!.. она ждетъ меня... но что же мнѣ дѣлать? вѣдь не могу я къ ней вернуться! Можетъ-быть прежде, когда я ничего не понималъ, она бы меня еще удержала; но теперь не удержитъ, такъ зачѣмъ же я къ ней вернусь? чтобы на ея глазахъ покончить съ собою? Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать .. такъ легче...

О, какъ холодно, какъ отвратительно внутри меня! Ничего нѣту, никакого свѣта! Да вѣдь и вся

жизнь была такою — одно безцѣльное метаніе. Неужели эта холодная пустота — дѣйствительность, а остальное, чѣмъ живутъ другіе люди, — только самообольщеніе, только грезы?.. Но какія должно-быть могучія, живыя грезы! Хоть бы теперь, предъ концомъ, на мигъ одинъ, пришла такая греза!.. но она не приходитъ...

Мама, прости меня! ты должна понять, должна видѣть, что я не могу иначе... Молись своему Богу, Онъ и теперь спасетъ тебя.

Дверь на запорѣ, занавѣски на окнахъ опущены... Вотъ... мнѣ не страшенъ этотъ ледяной холодъ... сталь на вискѣ моемъ... рука не дрогнетъ...

КОНЕЦЪ.

Также вышли, изданныя

А. Ф. МАРКСОМЪ,

въ С.-Петербургѣ,

слѣдующія сочиненія

Всеволода Серг. Соловьева:

Княжна Острожская. Историческая повѣсть. 2-е изданіе. Ц. 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 коп.

Капитанъ гренадерской роты. Романъ-Хроника XVIII в. 2-е изданіе. Ц. 2 руб. съ перес. 2 р. 50 к.

Касимовская невѣста. Историч. романъ XVII в. въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 руб. съ перес. 2 руб. 50 к.

Сергѣй Горбатовъ. Историч. ром. конца XVIII в. Цѣна 3 руб. съ перес. 3 руб. 50 коп.

Также въ редакціи „НИВЫ“ находится складъ сочиненій **Вс. Соловьева:**

Царь дѣвица. Историч. романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 2 руб, съ перес. 2 р. 30 к.

И помѣщенъ въ „НИВѢ“ 1882 г. **того же автора:**

Волтерьянецъ. Историч. ром. XVIII в., служащій продолженіемъ романа **„Сергѣй Горбатовъ“.**

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА

въ С.-Петербургѣ.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Н. Каразина, съ 39 рисунк. автора. Изданіе 2-е.** Повѣсть эта яркими красками рисуетъ жизнь Туркестанскаго края; достоинства ея достаточно доказываются уже тѣмъ, что первое изданіе было распродано, въ короткое время и что она переведена на нѣмецкій, французскій и англійскій языки. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы" 1882 г. за пересылку не платятъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ, романъ въ двухъ част. **Н. Каразина съ 20 рисунками автора,** печатанъ на лучшей альбомной бумагѣ. Романъ этотъ знакомитъ читателя съ Туркестанскимъ краемъ и переведенъ на нѣм. и англ. языки, что достаточно говоритъ въ его пользу. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к. Для подписч. „Нивы" на 1882 г. 1 р. 80 к. съ перес. 2 р.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева.** съ рисунками **Панова.** Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы" на 1882 г. 1 р. 30 к. съ перес. 1 р. 50 к.

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева,** съ рисунками **Панова** и **Коверзнева.** Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Руси. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к., для подписчиковъ „Нивы" 75 к. съ перес. 1 руб.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ") 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. для подписч. „Нивы' 1882 г. 75 к. съ перес. 1 р.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ **Э. Вернера.** Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. съ пересылкой 1 руб. 25 коп., для подписчиковъ „Нивы" 1882 г. 75 к. съ пересылкой 1 р.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Романъ **Шпильгагена.** Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., для подписчиковъ „Нивы" 1882 г. 80 к. съ перес. 1 р.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историческ. повѣсть временъ Екатерины II. **П. Петрова** и **В. Клюшникова.** Ц. 1 р. для подписч. „Нивы" 1882 г. 75 к. съ перес. 1 руб.

ВТОРАЯ ЖЕНА, Романъ **Марлитта.** Перев. съ нѣмецкаго Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой 1 р. 75 к.; для подписч. „Нивы" 1882 г, 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

КУМЫСЪ, его физіологическое и терапевтическое дѣйствіе Доктора **Штальберга.** Цѣна 60 коп., съ пересылкою 75 коп.

Картины изданія А. Ф. Маркса.

СВИДАНІЕ ВЪ ОСАЖДЕННОМЪ ГОРОДѢ. Картина Придворнаго Е. И. В. художника **М. Зичи.** Печат. красками (Свиданіе Андрія съ красавицей полькой). Блескъ и тонкость работы замѣчательны. Вставленная въ паспарту 17 вершк. выш. и 13 вершк. ширины. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкой задѣлан. въ доски 4 р.

ТАРАСЪ И АНДРІЙ НА ПОЛѢ БИТВЫ. Картина придворнаго Е. И. В. художника **М. Зичи.** Печатана красками. Вставленная въ паспарту 17 вершк. выш. и 13 вершк. ширины. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылк. задѣлан. въ доски 4 р.

Обѣ эти картины, составляющія pendants, исполнены на темы знаменитой повѣсти **Н. В. Гоголя — „Тарасъ Бульба“** Покупающіе обѣ картины разомъ, платятъ безъ перес. 4 руб.; съ пересылкою задѣлан. въ доски 6 руб.

ПЛЯСКА ТАМАРЫ. Картина Придворнаго Е. И. В. Художника **М. Зичи.** Печатана красками. (Тамара, полная жизни и дѣтски-счастливая веселится среди родныхъ). Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой на деревянной скалкѣ 2 р.

ТАМАРА ОПЛАКИВАЕМАЯ РОДНЫМИ. Картина Придворн. Е. И. В. Художника **М. Зичи.** Печат. красками. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. на деревянной скалкѣ 2 р. Обѣ эти картины по размѣру одинаковы, составляютъ pendants. Покупающіе обѣ карт. разомъ, платятъ 3 р. 50 к. съ пер.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ВЪ МАЛОРОССІЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ. Картина профес. К. Е Маковскаго. Печат. красками. Это прелестная группа танцующихъ дѣвушекъ и зрителей, собравшихся кругомъ. По великолѣпному исполненію представляетъ почти факсимиле. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою на деревянной скалкѣ 2 р.

МИНИНЪ НА КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ, ВЪ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ ПРИЗЫВАЮЩІЙ НАРОДЪ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЯ НУЖДЫ. Картина профес. К. Е. Маковскаго. Печат. красками. — Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкой на деревянной скалкѣ 2 р. Обѣ эти картины по размѣру одинаковы и составляютъ pendants. Покупающіе обѣ картины, разомъ, платятъ 3 р. съ пересылкой.

БОЯРИНЪ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и кудесники предсказывающіе ему царствованіе. Картина **А. Кившенко.** Печат. красками. Сюжетъ этой картины заимствованъ изъ сочиненія Графа А. Толстаго, и она такъ прекрасно исполнена, что имѣетъ всѣ особенности акварели. Ц 1 р, 50 к., съ перес. на дерев. скалкѣ 2 р.

ЦАРЬ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и его дѣти, Θеодоръ и Ксенія. Картина **А. Кившенко.** Печат. красками. Сюжетъ заимствованъ изъ драмы Пушкина. Выполненіе картины превосходно — Картина производитъ впечатлѣніе акварели Ц. 1 р. 50 к., съ перес. на дерев. скалкѣ 2 р. Обѣ эти картины по размѣру одинаковы и составляютъ pendants. Покупающіе обѣ картины разомъ платятъ 3 р. съ пересылкою.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

Поэмы Джона Мильтона

Большое изданіе in folio съ **50** большими превосходными картинами

Густава Дорэ.

Переводъ съ англійскаго А. Шульговской, съ полнымъ подстрочнымъ англійскимъ текстомъ.

ИЗДАНІЕ ЭТО ПОСВЯЩЕНО ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Цѣна въ хорошемъ коленкоровомъ переплетѣ **25** р., съ перес. **30** р. **Для подписчиковъ „Нивы“** 1882 г. **20** р. съ перес, **25** р. Въ роскошномъ полушагреневомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **30** р. съ перес. **35** р. **Для подписчиковъ Нивы 1882 г.** 25 р. съ перес. 30 р.

По выходѣ оно было встрѣчено прессой живѣйшимъ сочувствіемъ и весьма лестными отзывами. Такъ въ **„Голосѣ“** въ № 336, отъ 5 Декабря, было сказано:

„Наша переводная литература обогатилась надняхъ новымъ изданіемъ, въ которомъ несомнѣнное литературное „достоинство соединяется съ рѣдкою въ Россіи роскошью типографскаго искусства. Изданіе это, знаменитая поэма Мильоона „Потерянный рай“, переведенная въ прозѣ Г-жею Шульговскою. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ. Онъ соединяетъ въ себѣ замѣчательную близость къ подлиннику съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, передающимъ какъ нельзя лучше тонъ англійскаго текста.

„Что-же касается изданія, то оно поражаетъ тою солидною роскошью, которая составляетъ отличительное свойство французскихъ изданій подобнаго рода. Оно представляетъ богато-переплетенный фоліантъ и украшено 50-ю великолѣпными гравюрами съ рисунковъ Густака Дорэ. Каждая мелкая подробность показываетъ чисто любительское отношеніе къ дѣлу и приноситъ честь издателю г. Марксу, надѣлившему нашу иллюстрированную литературу книгою, которая смѣло можетъ соперничать со всѣмъ, что выходитъ въ этомъ родѣ въ Западной Европѣ. Лучшаго и изящнѣйшаго подарка нельзя и пожелать для тѣхъ, которые въ роскошныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, украшающихъ ихъ библіотеки или столы ихъ гостиныхъ ищутъ не одной только внѣшней изящности но и внутренняго достоинства книги“.

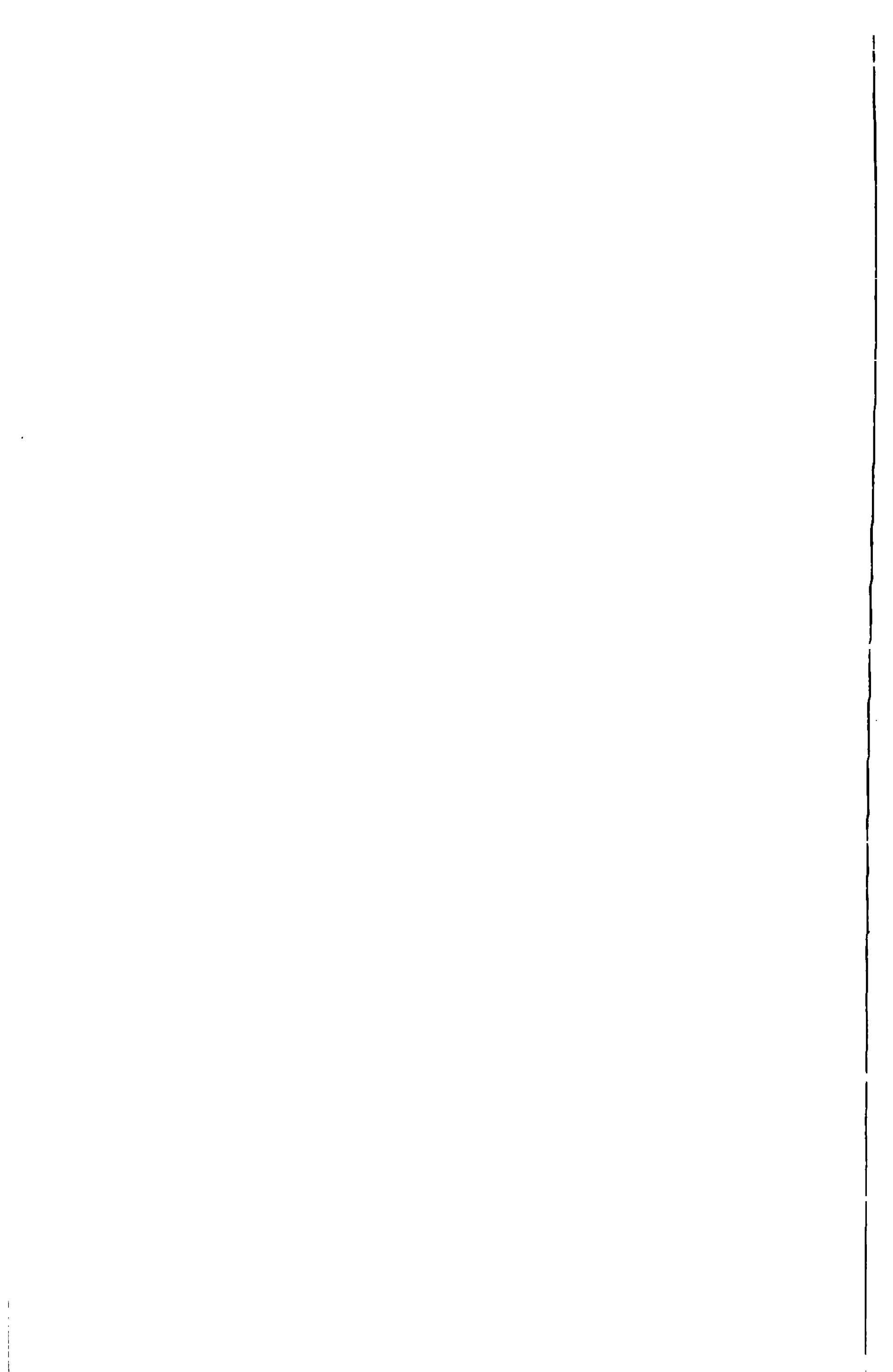
Подобные же, еще болѣе лестные отзывы, были помѣщены также во многихъ журналахъ

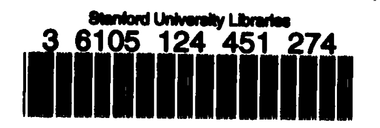
ПРОШЛЫЕ ГОДЫ «НИВЫ» съ 1870 по 1881 г.

Каждый годъ «НИВЫ» заключаетъ въ себѣ 20–25 повѣстей, нѣсколько большихъ романовъ, до 200 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, современной жизни и пр., и отъ **300** до **900** рисунковъ. Помѣщенныя въ каждомъ томѣ повѣсти, въ отдѣльной продажѣ стоили бы болѣе **20** р. Каждый покупатель тома „НИВЫ" за прошлые годы, имѣетъ право на полученіе всѣхъ къ нимъ приложенныхъ безплатныхъ премій. Такъ покупатель „НИВЫ" **1875** г. получаетъ два большихъ эстампа; 1) **СМЕРТЬ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ**, картина профес. **Пилоти**; 2) **МАДОННА СЕВИЛЬСКАЯ**, картина **Мурильо**; покупатель „НИВЫ" **1876** г.—большую олеографію **СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА**, картина **Е. Веле**, печат. красками въ 20 тоновъ. Покупатель „НИВЫ" **1877** получаетъ: 1) **СЕМЬЯ РЫБАКА**, акварель **Ф. Келлера** и 2) **ТАРАНТЕЛЛА**, акварель его же. Покупатель „НИВЫ" **1878** г. получаетъ 2 печат. красками картины 1) **БОЯРИНЪ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и КУДЕСНИКИ**, предсказывающіе ему царствованіе. 2) **ЦАРЬ БОРИСЪ и ЕГО ДѢТИ ѲЕОДОРЪ и КСЕНІЯ**, картины **А. Кившенко**. Покупатель „НИВЫ" **1879** г. получаетъ 2 печат. красками картины 1) **ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ въ МАЛОРОССІЙСКОЙ ДЕРЕВНѢ** и 2) **МИНИНЪ на КРЕМЛЕВСКОЙ ПЛОЩАДИ, въ НИЖНЕМЪ НОВГОРОДѢ**, призывающій народъ къ пожертвованіямъ на государственныя нужды, картины профес. **К. Е. Маковскаго**. Покупатель „НИВЫ" **1880** г. получаетъ 2 печат. красками картины, **М. Зичи**: 1) **ПЛЯСКА ТАМАРЫ** и 2) **ТАМАРА, ОПЛАКИВАЕМАЯ РОДНЫМИ**. Покупатель „НИВЫ" **1881** г. получаетъ 2 печат. красками картины, **М. Зичи** на темы изъ повѣстей **Гоголя**: **ТАРАСЪ БУЛЬБА**. 1) „**СВИДАНІЕ въ ОСАЖДЕННОМЪ ГОРОДѢ**" Андрія съ красавицей полькой и 2) „**ТАРАСЪ и АНДРІЙ на ПОЛѢ БИТВЫ**".

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА „НИВЫ".

Годъ.	Брошюрованнаго.	Въ каленк. перепл. съ золот тиснен.	За пересылку.
1870	6 руб.	7 р. 50 к.	1 руб.
1871	4 руб.	5 р. 50 к.	1 руб.
1872	4 руб.	5 р. 50 к.	1 руб.
1873	5 руб.	6 р. 50 к.	1 руб.
1874	6 руб.	7 р. 50 к.	1 руб.
1875	4 руб.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1876	5 руб.	6 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1877	6 руб.	7 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1878	4 руб.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1879	4 руб.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.
1880	4 руб.	5 р. 50 к.	1 р 50 к.
1881	4 руб.	5 р. 50 к.	1 р. 50 к.

PG 3470 S72 K8 1882

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

OCT 23 1976
OCT 9 1977

UNIVERSITY BINDERY OF ST. LOUIS

